

Handwritten text in German script, likely a letter or manuscript, visible in the background on the left side of the page.

also in Brief
Kant
Lieber

100

ЭТЮДОВ КАНТЕ

Handwritten text at the bottom left corner, possibly a signature or a note.

100 ЭТЮДОВ О КАНТЕ

УНИВЕРСИТЕТ
ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Москва
2005

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)в6
С81

С81 **100 этюдов о Канте** / Общ. ред. В. В. Васильева. — М.: КДУ,
2005. — 272 с.

ISBN 5-98227-097-0

В книге представлены суждения о Канте ведущих мировых и отечественных философов и историков философии, высказанные ими в рамках Международного кантовского интервью, проведенного под эгидой кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ в конце 2004 года. Совмещение различных оценок философии Канта позволит читателю создать объемный образ этого мыслителя и лучше прочувствовать глубину самой философии.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)в6

Научно-популярное издание

100 этюдов о Канте

Общая редакция, составление, предисловие, перевод В. В. Васильева

Ведущий редактор *Штерн А. Л.*

Корректор *Савичева О. А.*

Оформление *Орлова-Петрушина М. О.*

Компьютерная верстка *Вильшанская Ю. В.*

Сдано в набор 26.05.05. Подписано в печать 13.07.05.

Формат 70x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Гарамонд».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,9. Тираж 1000 экз. Заказ № 1063.

ООО «Издательство «КДУ». 119234, г. Москва, а/я 587.

Тел./факс (095) 939-40-51, 939-57-32. E-mail: kdu@kdu.ru. [Http://www.kdu.ru](http://www.kdu.ru)

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ООО «Первая Чебоксарская типография» 423019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

ISBN 5-98227-097-0

© Васильев В. В., составление,
предисловие, перевод, 2005.

ЭПОХА КАНТА

В 2004 году исполнилось 200 лет со дня смерти Канта и 280 лет со дня его рождения. Философское сообщество откликнулось на эти даты десятками конференций и конгрессов, которые прошли по всему миру, в том числе и в России — в Калининградском университете (февраль и апрель), в Институте философии РАН в Москве (май), на философском факультете МГУ (декабрь) и в других философских центрах. Но главное юбилейное событие ожидает кантоведческое сообщество в сентябре 2005 года, когда в Бразилии состоится X Международный кантовский конгресс. Подобные конгрессы, проходящие один раз в пять лет, собирают многие сотни участников и «производят» многотомные «материалы» (к примеру, по итогам предыдущего, берлинского конгресса было издано пять увесистых томов статей его участников). Можно уверенно констатировать, что ни один философ прошлого и настоящего не способен в такой мере, как Кант, объединять вокруг себя целые армии исследователей. Причем речь идет не только о «кантоведах», т. е. об узких специалистах, пишущих работы по разным темам кантовской философии. Интерес к Канту гораздо шире. В известном смысле Кант является вдохновителем, а иногда и равноправным участником многих современных дискуссий. К примеру, крупнейшие этики наших дней Карл-Отто Апель и Питер Сингер прямо

признают свою зависимость от идей Канта. В не меньшей мере актуальны и политические концепции кенигсбергского мыслителя. Глобализация, соблюдение прав человека, стремление к всеобщему миру — все эти кантовские темы насущны и для современного человечества. Неудивительно, что Кант является одной из самых уважаемых фигур для политического истеблишмента крупнейших демократий мира. Большим успехом пользуются и эстетические теории Канта. Хорошо известно, что Кант был не очень эрудированным искусствоведем. Но отчасти именно поэтому он смог создать такое учение о природе прекрасного, возвышенного и о сущности художественного творчества, которое пережило его время и оказалось универсальным инструментом для анализа искусства, в том числе современного, на первый взгляд полностью порывающего с прошлым.

Впрочем, влияние Канта не ограничивается прикладными концепциями. Интерес по-прежнему вызывают и базовые принципы его «трансцендентальной философии», т. е. учения об априорных компонентах человеческого познания. Современная когнитивная наука, сформировавшаяся в результате революции, осуществленной в середине XX века легендарным американским мыслителем Ноамом Хомским, возродившим учение о «врожденных идеях» как специализированных когнитивных механизмах речи, восприятия и т. п., по духу очень близка кантовскому априоризму. Правда, сам Хомский не склонен встраивать собственные идеи в контекст кантовской философии. В свое время он испытал влияние известного историка философии А. Лавджоя, который

ставил перед собой цель развенчать Канта (в наши дни сходную позицию занимает знаменитый писатель и философ Умберто Эко, утверждающий, что «этот Кант сильно преувеличен») и сейчас не хочет менять свои взгляды. Хомский считает, что в традиции иннативизма, которую он продолжает, гораздо большее значение, чем Кант, имеют такие фигуры, как Декарт, Кедворт (и другие «кембриджские платоники»), Лейбниц и др. Однако многие современные когнитивисты, к примеру Э. Брук, не соглашаются с этими оценками и, наоборот, обосновывают необходимость привлечения идей Канта к исследованиям когнитивных процессов. Не меньшую роль играет кантовский трансцендентализм и в современной аналитической философии. Еще в 60-е годы XX века оксфордский философ Питер Стросон привлек внимание к методологической плодотворности кантовской «трансцендентальной аргументации», позволяющей восходить от фактических данностей опыта к их необходимым условиям в сознании. «Кантизация» аналитической философии Стросоном способствовала возрождению интереса аналитиков к метафизическим проблемам и отчасти предопределила расцвет «философии сознания» (которую не без основания называют «первой философией» наших дней) в конце XX века. Может, правда, показаться, что современные философы сознания чаще ссылаются на Декарта, чем на Канта. Но роль психофизического дуализма Декарта для современной философии сознания такова, что — если перефразировать знаменитый афоризм Ф. Г. Якоби о понятии вещи в себе у Канта, — хотя без этого дуализма нельзя

войти в философию сознания, с ним нельзя в ней оставаться. Идеи же Канта не выглядят в ней чужеродными и могут работать в ее контексте.

Одним словом, влияние Канта на современную англо-американскую философию (представители которой находятся в авангарде философии сознания и когнитивной науки) весьма значительно. Развито здесь и собственно кантоведение. Более того, пожалуй, именно англо-американское кантоведение вышло на лидирующие позиции в мире. Североамериканское кантовское общество является одной из мощнейших кантоведческих организаций в мире, в Великобритании и США появляются десятки книг о Канте и новые качественные переводы его работ, лекций и фрагментов его рукописного наследия, скомпонованные в Кембриджское издание, которое выходит под руководством Пола Гайера и Алена Вуда. Второе место в мировом кантоведении уверенно удерживает Германия. Для современных немецких специалистов по философии Канта характерен своего рода эмпирический герменевтизм, приносящий, впрочем, блестящие плоды. Особого упоминания заслуживает деятельность директора Кантовского архива, профессора Марбургского университета Вернера Штарка, с именем которого связан ряд сенсационных находок ранее утраченных кантовских текстов (в частности, в 2000 году им был обнаружен экземпляр «Метафизики» вольфианца А. Г. Баумгартена, на полях которого находятся многочисленные рукописные пометки «раннего» Канта, позволяющие лучше понять истоки его трансцендентальной философии). Другие немецкие канто-

веды, прежде всего Р. Брандт, Н. Хинскеи Д. Хенрих, дают великолепные образцы реконструкции идейных контекстов философии Канта. Хинске, впрочем, жалуется, что в Германии в наши дни почти не издается концептуальных работ по философии Канта в целом.

Об идейном кризисе немецкого кантоведения свидетельствуют и другие авторы. Хотя ситуацию не стоит драматизировать. Новые концептуальные работы все же появляются. К примеру, в феврале 2004 года, ровно через 200 лет после смерти Канта, молодой берлинец Герхард Шварц издал книгу с громким названием "Est Deus in nobis" («Есть Бог в нас»), в которой он предлагает совершенно новую интерпретацию учения Канта о практическом разуме, интерпретацию, сближающую Канта с Фейербахом, который говорил о божественности человеческой природы. Шварц базирует свои выводы на анализе поздней рукописи Канта, "Opus postumum". Особое внимание к текстам «Опуса» привлекает также Б. Тушлинг. Другие немецкие кантоведы, однако, сопротивляются легитимизации «Опуса», считая его продуктом старческой немощи великого философа. Споры вокруг «Опуса» составляют одну из главных интриг кантоведения наших дней.

В этом споре, кстати, участвуют не только немецкие и англоязычные специалисты, но и отечественные авторы, прежде всего петербургский философ С. А. Чернов. Вообще, вес российского кантоведения на мировой арене весьма высок. Значительный вклад в исследования философии Канта в последние десятилетия внесли такие историки мысли, как В. Н. Брюшинкин, А. А. Гусейнов, Т. Б. Длугач, А. Л. Доброхо-

тов, В. А. Жучков, Л. А. Калинин, А. Н. Круглов, В. Н. Кузнецов, К. А. Михайлов, В. И. Молчанов, Н. В. Мотрошилова, Т. И. Ойзерман, В. К. Шохин и др. Вообще же, российские философы еще с времен Н. М. Карамзина были равнодушны к Канту. Разброс мнений всегда был предельно широк: от восхищения до ненависти. Настоящее бешенство вызывал Кант у некоторых религиозных авторов вроде П. Флоренского (об этом в свое время прекрасно написал А. В. Ахутин в статье «София и черт», опубликованной в «Вопросах философии»). Они не могли смириться с тем, что Кант объявлял человека «абсолютной ценностью» — тезис, несовместимый с религиозным фанатизмом. Любопытно, однако, то, что в наши дни именно Кант выступает главным защитником тех, кто пытается противостоять тотальному наступлению натуралистического мировоззрения. Ведь он доказывал, что ценность человеческой личности укоренена в умопостижимом мире, мире ноуменов. Натурализация человека, как считают многие современные российские философы, превращает его в бездушный биологический механизм. А вот западные авторы, главным образом англоязычные, полагают, что моральные и иные ценности человеческой жизни могут быть совмещены с натуралистической картиной мира, и пытаются трансформировать соответствующие идеи Канта в натуралистическом ключе.

Одним словом, кантоведение начала XXI века живет активной жизнью, питая своими разработками современную философию. Между тем, несмотря на все интеграционные тенденции, различные кантоведческие сообщества

по-прежнему в значительной степени изолированы друг от друга. В этой связи представляют интерес попытки получения сводной картины рецепции его идей философами и историками философии начала нового тысячелетия. Весной 2004 года я решил сделать своего рода подарок своим студентам на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова и всем, кто интересуется Кантом, организовав Международное кантовское интервью. Для меня было очевидным, что в качестве респондентов примерно в равной пропорции должны выступить ведущие англо-американские, немецкие и российские специалисты по кантовской философии. Было принято решение не размениваться на детали, а задать три «лобовых» вопроса: о 1) непреходящем значении тех или иных идей Канта, 2) его основных ошибках, а также о 3) прогрессе в понимании Канта. В итоге этот проект, в успехе которого поначалу были большие сомнения, оказался весьма результативным, дав действительно репрезентативную картину современного мирового кантоведения. Наряду с известными отечественными кантоведами и историками философии, такими, как А. А. Гусейнов, Т. И. Ойзерман, А. В. Ахутин, В. В. Бибихин, Г. Д. Гачев, Ф. И. Гиренок, А. Л. Доброхотов, В. А. Жучков, А. Н. Круглов, В. Н. Кузнецов, Г. Г. Майоров, Е. В. Мареева, К. А. Михайлов, В. И. Молчанов, Н. В. Мотрошилова, В. В. Соколов, З. А. Сокулер, Г. Я. Стрельцова, В. К. Шохин (Москва), В. Н. Брюшинкин, Л. А. Калининков, А. Н. Троепольский (Калининград), С. А. Чернов (Санкт-Петербург), В. Н. Белов (Сара-

тов), **М. Ф. Быкова** (North Carolina State University, Raleigh, USA) и **Н. С. Плотников** (Ruhr-Universität Bochum, Deutschland), в интервью приняли участие влиятельные западные философы и историки мысли — **К.-О. Апель** (Apel, Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt, Deutschland), **А. Геллер** (Heller, New School University, New York, USA), **Н. Лобковиц** (Lobkowicz, Katholischen Universität Eichstätt-Ingolstadt, Deutschland), **К. Макгинн** (Rutgers University, New Brunswick, USA), **О. О'Нил** (O'Neill, University of Cambridge, UK), **Р. Рорти** (Rorty, Stanford University, USA), **П. Сингер** (Singer, Princeton University, USA), **Б. Страуд** (Stroud, University of California, Berkeley, USA), **П. Ф. Стросон** (Strawson, University of Oxford, UK), **В. Хёсле** (Höсле, University of Notre Dame, Indiana, USA), **Ю. Штольценберг** (Stolzenberg, Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Deutschland), ключевые фигуры мирового кантоведения — президент Кантовского общества, соредактор журнала "Kant-Studien" **М. Баум** (Baum, Bergische Universität Wuppertal, Deutschland), вице-президент Кантовского общества **Ф. Герхард** (Gerhardt, Humboldt-Universität zu Berlin, Deutschland), президент Североамериканского кантовского общества **П. Китчер** (Kitcher, Columbia University, New York, USA), вице-президент Североамериканского кантовского общества **Э. Уаткинс** (Watkins, University of California at San Diego, USA), директор Кантовского архива в Марбурге, соредактор Академического издания сочинений Канта **В. Штарк** (Stark, Philipps-Universität Marburg, Deutschland), руководитель Кантовского исследовательского центра

Х.-М. Герлах (Gerlach, Johannes Gutenberg-Universität Mainz, Deutschland), соредакторы Кембриджского издания сочинений Иммануила Канта на английском языке **П. Гайер** (Guyer, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA) и **А. Вуд** (Wood, Stanford University, USA), главный редактор журнала "Kantian Review" **Х. Уильямс** (Williams, University of Wales, Aberystwyth, UK), президент Кантовского общества Бразилии **В. Роден** (Rohden, Universidade Luterana do Brasil, Porto Alegre, Brasil), авторы сетевых проектов "Kant on the Web" и "Immanuel Kant in Italia" **С. Палмквист** (Palmquist, Hong Kong Baptist University, China) и **П. Джорданетти** (Giordanetti, Università degli Studi di Milano, Italia) и целый ряд ведущих специалистов по философии Канта с четырех континентов — **К. Америкс** (Ameriks, University of Notre Dame, Indiana, USA), **Д. Барнэм** (Burnham, Staffordshire University, UK), **Г. Бёме** (Böhme, Technische Universität Darmstadt, Deutschland), **К. Бикман** (Bickmann, Universität zu Köln, Deutschland), **М. Борхес** (Borges, University of Santa Catarina, Florianopolis, Brasil), **Р. Брандт** (Brandt, Philipps-Universität Marburg, Deutschland), **Э. Брук** (Brook, Carleton University, Ottawa, Canada), **Р. Васнер** (Wahsner, Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, Berlin, Deutschland), **К. Вестфал** (Westphal, University of East Anglia, Norfolk, UK), **М. Вето** (Veto, University of Poitiers, France), **М. Виллашек** (Willaschek, Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt, Deutschland), **М. Вольф** (Wolff, Universität Bielefeld, Deutschland), **С. Гарднер** (Gardner, University College, London, UK), **Р. Гринберг** (Greenberg, Brandeis University, Waltham,

USA), **Т. Грундман** (Grundmann, Universität zu Köln, Deutschland), **К. Дирксмайер** (Dierksmeier, Stonehill College, Easton, USA), **К. Дюзинг** (Düsing, Universität zu Köln, Deutschland), **М. Кастильо** (Castillo, Université de Paris XII, France), **В. Керстинг** (Kersting, Christian-Albrechts-Universität Kiel, Deutschland), **Х. Клемме** (Klemme, Philipps-Universität Marburg, Deutschland), **К. Корсгаард** (Korsgaard, Harvard University, Cambridge, USA), **Т. Коэн** (Cohen, University of Chicago, USA), **Р. Лауден** (Louden, University of Southern Maine, Portland, USA), **Б. Лонгнесс** (Longuenesse, University of New York, USA), **Р. Маккрил** (Makkreel, Emory University, Atlanta, USA), **А. Мельник** (Melnick, University of Illinois at Urbana Champaign, USA), **С. Нейман** (Neiman, Einstein Forum, Potsdam, Deutschland), **А. Нуццо** (Nuzzo, City University of New York, USA), **Т. Нэнон** (Nenon, University of Memphis, USA), **В. Ойттинен** (Oittinen, University of Helsinki, Finland), **А. Пайпер** (Piper, Wellesley College, USA), **К. Поллок** (Pollok, Philipps-Universität Marburg, Deutschland), **П. Реддинг** (Redding, The University of Sydney, Australia), **Б. Реки** (Recki, Universität Hamburg, Deutschland), **Т. Розефельд** (Rosefeldt, Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, Deutschland), **Р. Теис** (Theis, Université du Luxembourg, Luxembourg), **Й. Тиммерман** (Timmermann, University of St. Andrews, St. Andrews, UK), **Б. Тушлинг** (Tuschling, Philipps-Universität Marburg, Deutschland), **Э. Уард** (Ward, University of York, UK), **П. Фишер** (Fischer, Universität Stuttgart, Deutschland), **Л. Фламарик** (Flamarique, Universidad de Navarra, Pamplona, España), **Д. Хайдеман** (Heidemann,

Universität zu Köln, Deutschland), **Р. Хауэл** (Howell, State University of New York at Albany, USA), **Д. Хенрих** (Henrich, Ludwig-Maximilians-Universität München, Deutschland), **О. Хёффе** (Höffe, Eberhard Karls Universität Tübingen, Deutschland), **Т. Хилл** (Hill, University of North Carolina, Chapel Hill, USA), **Н. Хинске** (Hinske, Universität Trier, Deutschland), **К. Э. Худ** (Hood, University of Wisconsin-Platteville, USA), **Р. Хэн** (Hahn, Southern Illinois University at Carbondale, USA), **Г. Шварц** (Schwarz, Berlin, Deutschland), **Г. Шмитц** (Schmitz, Christian-Albrechts-Universität Kiel, Deutschland), **Д. Шонекер** (Schoenecker, Stonehill College, Easton, USA), **Д. Эдвардс** (Edwards, State University of New York at Stony Brook, USA), **Г. Эллисон** (Allison, University of California, Davis, USA).

Можно допустить, что не все участники этого проекта с «западной стороны» известны широким кругам отечественных читателей. Но на мой взгляд, это не имеет принципиального значения. На тексты их ответов можно смотреть не только как на выражение мнения этих конкретных философов, но и как на штрихи, уточняющие значение фигуры Канта. Совмещение всех представленных перспектив позволяет создать объемный образ философии Канта, а также в каком-то смысле полнее прочувствовать глубину самой философии.

При проведении интервью мне помогали В. Ю. Курпков, А. Н. Круглов, Т. Розефельд и Ю. Штольценберг. Впервые оно было опубликовано в сборнике философского факультета МГУ «Историко-философский альманах», выпуск 1, М., 2005. Для книжного издания текст был заново отредак-

тирован, снабжен примечаниями и новым предисловием. Все данные по участникам этого проекта указаны по состоянию на конец 2004 года. Перевод с немецкого и английского В. В. Васильева. Перевод с французского А. В. Энговатовой под ред. В. В. Васильева. Второе издание осуществлено при спонсорской поддержке Александра Мацкевича и Дианы Гаспарян.

Вадим Васильев

АМЕРИКС К.

Сама мысль о том, что стоит заниматься современной систематической философией, отдающей должное как науке, так и ценностям и признающей особый вклад субъективности, но не преувеличивая ее значение. Ни одна система после Канта не является столь же важной для нас, как его.

АПЕЛЬ К.-О.

Все сохраняющие и поныне свое влияние идеи Канта, на мой взгляд, могут быть представлены в качестве аспектов «трансцендентального вопроса» и ответа на него посредством «трансцендентальной рефлексии». «Трансцендентальный» вопрос и соответствующая рефлексия имеют отношение к *условиям возможности познания*, тем самым отличая себя как от *метафизики*, от которой Кант дистанцировался как от «догматической» и «трансцендентной», так и от *эмпирической науки*, требующей *трансцендентального обоснования*.

Обозначенный подобным образом проект *трансцендентальной философии* имеет, на мой взгляд, всеобщее и непреходящее значение, но подлежит, в целом и во всех разработанных самим Кантом частях, *радикальной трансформации*, возможной благодаря тому, что сегодня, после 200 лет интерпретации Канта, а также благодаря новым научным знаниям и их философской интерпретации мы можем лучше понимать Канта, чем он мог понять сам себя (хотя мы, естественно, по-прежнему все еще можем учиться у него).

Возможная и необходимая в наши дни *трансформация* кантовского проекта касается прежде всего самопротиворечиво-

го отношения *трансцендентальной философии* к «*трансцендентной*» *метафизике* и еще очень одностороннего у Канта и требующего дополнения отношения трансцендентальной философии к *эмпирическим наукам*. В обоих случаях речь идет о коррекции и, соответственно, о радикализации «трансцендентальной рефлексии» об условиях возможности значимости.

АХУТИН А. В.

Имя Иммануила Канта есть собственное имя одного из первоисточников философии. Будучи первоисточником, философия Канта может уйти в историческое прошлое только вместе с самой философией. В отсутствие философии остается то, что мы называем идеями — взглядами, воззрениями, учениями, — с которыми нечего делать, кроме как инвентаризировать и навешивать ценники. Если же говорить об идеях всерьез, припоминая Платона или слушая Канта, то они-то — идеи — и задают критерии непреходящего, это не «взгляды», а априорные источники света, позволяющего что бы то ни было видеть и составлять взгляды. Непреходящими, философски значимыми могут быть только целостные идеи непреходящего, «идеи разума» (мира, бытия), — универсальные откровения мысли. Не в «рациональных зернах», выклеиваемых по вкусу и случаю, а только в своей оригинальной универсальности философия Канта (как и любая удавшаяся философия) имеет непреходящий, — а это и значит: философский — смысл: разумный (т. е. общезначимый) мир Иммануила Канта.

Разные философии, по Канту, имеют непреходящее значение, поскольку суть «опыты самостоятельного применения ра-

зума», а разум и есть наука самостояния. Насколько и как удастся этот опыт само-стояния — изначальности в мысли, свободы в поступке, собственного достоинства в сообществе — настолько и так дается человеку философия. Философия отвечает единственной нужде — нужде в самостоятельном бытии в мире, раскрываемом разумно, что значит — первично, изначально, из первоначинаний, а не из «данностей», всегда уже готовых снять с человека долг самобытия и быть вместо него (космос, социум, традиция, почва, кровь...).

Философия из тех вещей, благодаря которым каждое время может и не пройти. При удаче она открывает то, что *этим* — недолгим — временем приоткрывается: непреходящий (вечный) смысл *своего* времени. В философии Канта непреходящий смысл обрела эпоха, получившая название Просвещения. Не прошедшее Просвещение (вряд ли что-то *ушло* сегодня так бесповоротно, как здравый смысл, открытость и общительность Просвещения) должно объяснять «ограниченность» Канта, напротив, благодаря Канту мы можем (могли бы) вспомнить нечто важное о человеке, открытое Просвещением и нынче наглухо забытое, т. е. ощутить собственную ограниченность. Благодаря Канту это откровение уже не удастся скрыть.

Для философии нашего времени решающее значение имеет то самое, что составляет основное открытие Канта, его «коперниканский переворот», — трансцендентальность метафизического. Философия по сей день на разные лады продолжает выяснять, как во всем метафизически бесконечном (бытийном, божественном, сверхчеловеческом) замешана человеческая конечность. Как правило, метафизику при этом заменяют каким-

нибудь «натуральным» устройством этой конечности, но тут ошибаемся мы, а не Кант, для которого существо человека коренится в ноуменальной свободе.

БАРНЭМ Д.

На этот вопрос надо отвечать по меньшей мере в три захода. Во-первых, касательно наиболее общего или непреходящего. Во-вторых, относительно самого важного, хотя, возможно, даже и не имеющего философской ценности. В-третьих, самого ценного (которое, однако, может и не иметь всеобщего признания).

На первый вопрос можно дать совершенно точный ответ посредством прямого эмпирического исследования. Какие аспекты творчества Канта чаще всего становятся объектом цитирования, анализа, преподавания или критики? Недавно я действительно проводил подобное эмпирическое исследование, так что я вполне уверен в своем ответе. Самыми общераспространенными и доказавшими свою исключительную стойкость, похоже, являются следующие пять тем (хотя, возможно, есть и другие): (1) концепция трансцендентальной философии как «второй коперниканской революции»; (2) связь между процессом *представления* и формальными структурами синтетической деятельности; (3) анализ причинности и субстанции; (4) критика традиционных доказательств бытия Бога; (5) концепция морального закона как всеобщей формы закона.

Интерес поставленный вопрос вызывает у меня только со второй вариации. Деятельность Канта важна в двух отношениях, которые, строго говоря, вообще не являются темами для философии (хотя последующие философы могли сделать их тако-

выми). Во-первых, тот простой факт, что он писал по-немецки, позволил ему консолидировать немецкий философский словарь и начать традицию, в рамках которой немецкий язык был (для многих, и не только для немцев) *подлинным* языком философии, способствуя этим интеграции философских исследований в зарождающуюся современную концепцию университета, оказывая воздействие даже на общепринятые представления о докантовской истории этой дисциплины, не говоря уже о других глубоких влияниях на общественную географию философии как дисциплины. Второй момент отчасти связан с первым. Кант является последним из крупных философов, всерьез принимаемым всеми традициями философского исследования: от «аналитической» до «континентальной», включая недавние новообразования, такие как когнитивная наука. Кант, таким образом, являет собой один из крайне немногочисленных мостов, благодаря которым эти традиции все еще могут общаться и понимать друг друга.

В третьей вариации вопроса я слышу в нем: «Какие идеи, на мой взгляд, мы должны ценить в кантовских сочинениях?». Ну, пять вышеупомянутых тем, конечно же, являются претендентами. Особо можно выделить идею, обозначенную (2), которую я считаю основой для остальных (включая (5)). Это плодотворное понятие, которое (несмотря на авантюры немецкого идеализма и феноменологии, которые во многом уже стали достоянием прошлого), никоим образом не является исчерпанным. Однако я проголосую за понятие, которого нет в верхней эмпирической пятерке, а именно за понятие чувственности с ее любознательной (а по сути дела парадоксальной с познавательной

точки зрения) структурой, в том виде, в каком Кант разрабатывает его в «Трансцендентальной эстетике» и «Амфиболии рефлексивных понятий». Эту идею я и пытался проследить в своей книге "Kant's Philosophies of Judgement".

БАУМ М.

Критическое определение основной проблемы теоретической философии как проблемы синтетических суждений а priori; субъективность пространства и времени; защита свободы воли как не-невозможной; и основывание моральной философии в целом, и в частности учения о праве, на свободе.

БЕЛОВ В. Н.

Несмотря на то, что «коперниканский переворот» Канта традиционно связывают с его теорией познания, непреходящее значение этого мыслителя состоит, на мой взгляд, в утверждении им свободы человека, которая оставляет человека в вечно юном восхищении перед звездным небом и нравственным законом.

БЁМЕ Г.

Идея трансцендентального обоснования науки. Принцип, согласно которому условия возможности опыта есть вместе с тем условия возможности предметов опыта, базируется на том, что методическая познавательная деятельность в науке формирует ее предметы.

Эта идея позволяет нам понять, с одной стороны, почему математика значима для природы, с другой, почему естествознание так хорошо служит техническому прогрессу и почему мож-

но покорять природу, хотя лишь в известных рамках, т. е. строго соблюдая меру.

БИБИХИН В. В.

Вещь в себе. При внимательном чтении Канта мы видим, как ее непознаваемостью обеспечена бесконечность пространства и времени. Вспомним его примеры вещей в себе: Бог, душа.

БИКМАН К.

Критическое ограничение Кантом теории познания феноменальным миром способствовало прорыву метафизики нового типа, которая не отваживается на познание в тех областях, которые не могут быть ей понятийно охвачены. Но вместе с тем она оберегает то безусловное в нас, которое мы — невзирая на все нейробиологические соображения — называем свободой. При этом мы, по Канту, не обязаны противоречить механизму природы, если спасаем способность свободного внутреннего законодательства, то безусловное свободы в нас, через различные феноменального и ноуменального мира.

Вторым великим прозрением, сущностно связанным с первым, я сочла бы то представление о выходящем за пределы времени и пространства, которое было связано у Канта с «миром, существующим по моральным законам». Ведь великую «революцию в способе мышления», чествуемую нами как коперниканский поворот в философии, совершил, собственно, не теоретико-познавательный Кант, а скорее тот Кант, который стремился к миру, где индивиды уважаются в своей уникальной единичности и поощряются в своих обязательствах относительно благо-

получия других. Как, спрашивает он в метафизике, как может обрести реальность мир, сообразный свободному внутреннему законодательству?

Категорический императив, согласно этой интерпретации, показывает нам возможность миропорядка, в котором индивиды изначально извещают о взаимном уважении друг к другу и таким образом косвенно способствуют как своему собственному счастью, так и счастью других.

Таким образом, главные задачи Канта допускают следующую формулировку: как можем мы представить мир, в котором счастье одного индивида не должно противоречить счастью других, но где долгом каждого индивида является стремление и к счастью других?

То объединение свободы и необходимости, о котором идет здесь речь, представляется мне универсальной интуицией, особенно необходимой в те времена, когда тот свободный закон экономики формируется анархией рынков, не желающей привязывать его к более высокому, моральному порядку, что, по сути, соответствовало бы нашей «природе» в нашем качестве разумных существ.

Но Кант размышлял не только об основанном на свободе, справедливом миропорядке: он был в равной степени озабочен условиями стабильного мира между народами. Поэтому, опираясь на Канта, можно спасти такую идею философствования, согласно которой надо пытаться размышлять о взаимоотношениях всех составляющих нашей жизни — внутренней и внешней природы, индивидуальной и общественной жизни, искусства, религии и философии и не рассмат-

ривать ни одну из этих составляющих независимо от ее действия и последствий для других.

БОРХЕС М.

Думаю, Кант все еще современен, так как его мораль базируется на трех сильных понятиях, реально используемых людьми в своих моральных суждениях. Речь идет о понятиях автономии, гуманности и идее, что моральная правильность основана на разуме. Моральные идеи Канта имеют всеобщее и непреходящее значение, потому что они схватывают три главные черты того, что мы по сей день называем моральностью. Во-первых, мы должны быть автономными людьми, дабы свободно решать вопрос о вступлении в какие-либо личные или общественные отношения. Во-вторых, мы должны уважать внутреннюю ценность людей и думать о них как о целях самих по себе, а не только как о средствах. В-третьих, правильное должно быть разумным для каждого. Кроме того, Кант показал, что моральность имеет отношение не к пользе или последствиям, а к тому, что может оцениваться как разумное для каждого.

БРАНДТ Р.

На первом плане практическая философия, обоснованная Кантом всеобщим формальным принципом безотносительно изменчивого содержания и конкретно осуществленная им в этике и учении о праве. Кроме того, он свел воедино многие проблемы теоретической и практической философии; поэтому большинство философов-систематиков возвращаются к Канту и объясняются с ним.

БРУК Э.

Большинству философов придут в голову утверждения Канта о равной и бесконечной ценности каждого морального агента. Поскольку я знаю его философию сознания и эпистемологию гораздо лучше остальных его трудов, я позволю себе выделить его тезисы о взаимодействии конструктивного аспекта сознания, включающего использование понятий, и вводимых данных, по отношению к которым мы являемся пассивными и должны оставаться таковыми, а также его утверждения о центральной роли единства сознания.

БРЮШИНКИН В. Н.

[Непреходящее значение, на мой взгляд, имеют идеи:] частной (специальной) логики как логики отдельной области знания, частично реализованная в идее трансцендентальной логики как логики для метафизики; ограниченности теоретического знания; дополнительности механистического (причинного) и телеологического объяснения; тождества свободы и нравственности; права как взаимного ограничения внешней свободы индивидуумов.

БЫКОВА М. Ф.

Думаю, что одной из таких идей, возможно центральной, является идея свободы. Кант подготовил почву для основополагающей установки современной философии, отталкивающейся от принципа свободы человека. После Канта эта свобода существовала как нормативная идея, и она оставалась незатронутой негативными эмпирическими факторами и реальностями

репрессии. Исходя из практической мотивации защиты человеческой свободы от нападков естественных наук, прежде всего ньютоновского мировоззрения, Кант дал интеллектуальную подпорку человеческой свободе, критически проиллюстрировав невозможность доказательства высших ценностей человечества средствами эмпирической науки. Он также привлек внимание к тесной связи свободы и морали: поскольку моральное действие является скорее свободным, чем принужденным, скорее «автономным», чем «гетерономным», подлинно свободное действие с необходимостью морально.

Другой важнейшей идеей Канта является категорический императив и признание личностного достоинства всех людей во всех сферах человеческой деятельности. Тот факт, что каждый человек есть элементарная индивидуальная экзистенция, которая должна определяться категорией индивидуальной цели, после Канта и благодаря его работам стал безошибочным и убедительным мотивом, основополагающим для всех человеческих действий. Категорический императив рассматривает индивидуальное человеческое достоинство в качестве общей направляющей человеческого действия. Это — «основополагающее достоинство всех естественных факторов, поддерживающих и окружающих человека, и всех его нормативных проявлений в социо-культурном контексте». Таким образом, знаменитая вторая формулировка категорического императива вводит базовый принцип морального отношения человеческих индивидов к самим себе и своим ближним. Само понимание, что каждый человек есть цель сама по себе, олицетворяемое в наши дни именем Канта, обрело громадное значение для контактов людей в

обществе. Оно способствует расширению взаимодействия разных мировых культур и континентов.

ВАСИЛЬЕВ В. В.

Самое важное из того, что сделал Кант, на мой взгляд, состоит в том, что он привил философской Европе способность к критической рефлексии. Философы до Канта были несколько прямолинейными как в утверждениях, так и в отрицаниях. Кант научил их оглядываться назад, оценивать не только вещи, но и познавательную среду, через которую они представляются. Иными словами, он показал, что дело философа — скорее не в создании масштабных мировоззренческих конструкций, а в прояснении собственного сознания и выявлении его фундаментальных структур, которые задают «условия опыта», формы представления объектов, и вместе с тем указывают на границы познания. Такое понимание философии, как мне кажется, имеет непреходящее значение, хотя нельзя сказать, что сам Кант последовательно придерживался его. Другой важнейшей заслугой Канта является то, что он обнаружил глубинную связь между ограниченностью человеческого познания и свободой личности. В последнем разделе второй книги «Критики практического разума» он подчеркивает, что если бы природа «снизойшла до нашего желания и наделила нас той способностью проицательности или просветленности, которой нам хотелось бы обладать или которой мы действительно, как *мнят* некоторые, обладаем», то поведение людей «превратилось бы просто в механизм, где, как в кукольном представлении, все хорошо *жестикულიруют*, но в фигурах нет жизни» (Kant I. Gesammelte Schriften — Akademie-Ausgabe (AA).

Vd. 1–29. В, 1900 ff. Vd. 5. S. 146–147)*. Свобода может актуально существовать только в ситуации когнитивной полутьмы и неопределенности, она исчезает на свету.

ВАСНЕР Р.

Кант показал, что для возможности познания мы нуждаемся в определенном средстве (названном им «априорными определениями»), и поэтому наше познание, а значит и наше знание зависят от этих средств, и они впервые делают возможным наше познание вообще, но и ограничивают его. То есть он говорит: «Существо, которое абстрагирует, ограничивает себя. Люди должны ограничивать себя подобным образом, если они хотят познавать и мыслить; так как рассудок не есть способность созерцания».

Кант проницательно спросил: как возможен опыт? Человек должен быть в состоянии осуществить опыт. Но это невозможно без предварительных условий. Понимание этого обстоятельства ведет к признанию того, что абсолютное целое никогда не дано, но всегда задано нам. Его концепция, согласно которой мы можем познавать только явления, но не то, как существуют вещи сами по себе, означает не то, что мы познаем только несущественное, а то, что мы не можем иметь знания о полностью независимом от нас. Ведь именно мы всегда спрашиваем об этом. «Мы», т. е. человеческий субъект как вид с упомянутыми сред-

* Далее в тексте ссылки на сочинения Канта везде даются по этому академическому изданию (AA). Ссылки на «Критику чистого разума» даются в соответствии с международной системой пагинации. «А» обозначает первое издание этой работы Канта (1781), «В» — второе (1787).

ствами. Этот субъект всегда действует определенным способом, и это определяет то, как он ставит вопросы.

ВЕСТФАЛ К.

Я думаю, что философские методы Канта, в особенности трансцендентальная рефлексия, анализ и доказательство, а также ряд фундаментальных идей теоретической и практической философии Канта, верны, сохраняют значимость в наши дни и сохранят ее в будущем. К сожалению, многие из этих прозрений были завалены произвольными «прочтениями» работ Канта, особенно неверными картезианскими прочтениями эпистемологии Канта. Позвольте мне привести два примера.

Мои недавние исследования показывают, что ключевой тезис кантовского опровержения идеализма: «Внутренний опыт вообще возможен только посредством внешнего опыта вообще» (В 278) может быть обоснован подлинно трансцендентальным доказательством, исходящим из того, что «я осознаю свое существование в качестве определенного во времени» (В 275), т. е. что каждый из нас осознает, что некоторые события случились раньше, одновременно или позже других. Еще удивительнее то, что этот тезис может быть защищен без апелляции к трансцендентальному идеализму. На деле его оправдание основано на кантовской семантике познавательной референции, сущностной интеграции трех кантовских принципов каузального суждения в аналогиях опыта и ключевых моментах трансцендентальной дедукции, касающихся отношений аналитического и синтетического единства апперцепции. «Критика чистого разума» Канта дает надежное, подлинно

трансцендентальное опровержение глобального перцептивного скептицизма.

В практической философии сохраняют основополагающее значение кантовская акцентировка и анализ моральной автономии (здесь я использую термин «моральный» в том значении, которое объединяет этику и право). Уникальность в том, что кантовские принципы и процедуры, обосновывающие практические принципы, подают безотносительные, интерсубъективно значимые принципы так, что это позволяет защитить моральную «объективность», отвести пирроническую дилемму критерия, а также болезненные проблемы, связанные с моральным реализмом. Более того, фундаментальное равенство людей, их достоинство как разумных агентов, включая их права и ответственность, прямо встроены в базовые обосновательные принципы и процедуры Канта. Так что главные принципы Канта имеют фундаментальное значение для людей сегодня и на все времена.

ВЕТО М.

На мой взгляд, наиболее глубокая, наиболее оригинальная и вместе с тем наиболее плодотворная идея или интуиция Канта — это его идея *априорного синтеза*. Априорность синтетических суждений примиряет умопостигаемость и новизну. В теоретическом плане априорный синтез делает возможным понимание времени как самоартикулирующейся рациональной реальности, такого рода, что она делает возможным преодоление прочтения истории лишь как места случайного совпадения обстоятельств. Что же касается практической области, то апри-

орность синтеза вновь объединяет свободу и рациональность: человек решает и определяет свою волю в каждый момент времени, но он определяет ее в горизонте *sui generis** разумности. В итоге это новое обоснование суждения ведет к признанию индивидуального — пренебрегаемого древними и классиками — источником и истинной инстанцией рациональности. Что же касается других непреходящих кантовских философем, то это учение о радикально злом и представление о прекрасном, привлекающем всеобщим образом независимо от интереса и понятия. Концепция радикальности зла кладет конец бесплодным теориям зла как простого отсутствия или недостатка, не впадая при этом в какое-либо манихейство. Что касается определения прекрасного, то оно порождает эстетику, призванную освободить художественное творение от всякого тематического или морально-утилитарного подчинения.

ВИЛЛАШЕК М.

Непреходящее значение имеют многие идеи Канта, в частности идея обеспечения мира путем установления правовых отношений между государствами, кантовское понятие достоинства личности, категорический императив как выражение ориентированной на принципы этики. Но особенно важной и значительной представляется мне ведущая идея кантовской мысли, а именно понимание им того, что мы должны сочетать *доверие* к разуму с *критикой* разума. Как разумные существа, мы должны соотносываться с собственными разумными представления-

* Уникальной (лат.).

ми; вместе с тем мы должны остерегаться покидать эмпирические и жизненно-практические рамки, в которых наш разум дает нам надежные ориентиры. Это специфически кантовское сочетание доверия к разуму и его критики кажется мне неиссякаемым наследством философии Канта.

ВОЛЬФ М.

Всеобщее и непреходящее значение имеет неисчерпаемое богатство кантовских идей — подобное значение имеют не просто отдельные идеи Канта. Наиболее стойким будет, возможно, влияние рассуждений Канта по вопросам систематического метода относительно едва ли не всех областей философии.

ВУД А.

Две наиболее значимые и непреходящие идеи Канта таковы. Во-первых, это идея о том, что разумная природа людей есть цель сама по себе и фундамент всех ценностей. Даже ценность человеческого счастья основана на этом. Во-вторых, это идея о важности понимания вклада нашей свободной деятельности в качестве теоретиков в структуру научного знания. Это принципиальная корректировка эмпиризма, необходимая, чтобы предотвратить искажение эмпиристскими предрассудками нашего представления о науке.

ГАЙЕР П.

Я считаю, что всеобщее и непреходящее значение имеют основополагающие идеи моральной и политической философии Канта. Согласно моей интерпретации, основополагающая

идея моральной философии Канта состоит в том, что, вне зависимости от остальных предпочтений людей, все они ценят свободу самостоятельного выбора, свободу от порабощения собственными иррациональными побуждениями или побуждениями такого рода, исходящими от других, и что единственным способом для них уберечь эту свободу от подобного порабощения является деятельность всех людей в соответствии с понятием разума, требующего согласия со свободным выбором каждого и свободного выбора всех. Кант допускает, что каждый человек может признать эти фундаментальные предпосылки в результате беспристрастной рефлексии о своей мотивации, и я не думаю, что история опровергла его, но она точно показала, как предрассудки, и особенно претензии на то, что на кого-то снизошло божественное откровение, могут стоять на пути подобной рефлексии, и главная задача — убедить людей слушать голос их собственного разума, а не другие голоса. В политической философии, важнейший вклад Канта, полагаю, состоит в том, что он показал, что государство должно существовать для обеспечения безопасности и справедливости, а не для исполнения любых прихотей людей, при том что подлинная безопасность и справедливость не могут быть осуществлены где-либо, если они не реализованы везде, и поэтому высшей целью любого справедливого государства должна быть глобальная безопасность и глобальная справедливость.

ГАРДНЕР С.

Думаю, это идеи об априорных основаниях практического разума, о трансцендентальной форме философского объяс-

нения и аргументации и о трансцендентальном идеализме. Эти идеи и их интеграция в цельном единстве практического и теоретического разума не превзойдены и не исчерпаны, и они дали архетипы для значительной части последующей европейской философии.

ГАЧЕВ Г. Д.

Самое великое у Канта — готический собор его системы, идеи — это уже вторичное, важен сам симфонизм его мысли. Непреходяще деление наших способностей в трех его «Критиках». Канта часто ругают за его формализм, а ведь различение легального и морального гениально. Главная заслуга Канта в том, что он сумел отслоить априоризм, Я, категорический императив, который не подкопать ничем внешним. Он дал основу для самосделанности Я. Бессмертна и связка Я и не-Я, априорного и опытного, и ориентация на нее. Бессмертен и сам принцип критики — отступать вспять и подкапываться под каждое утверждение разума. Но тут вопрос: а чист ли чистый разум у Канта? Недавно я ревниво, как филолог, перечитывал Канта и увидел за формальной системой его категорий образный априоризм. Один из его образов — дом, здание как модель для мышления. Кант строит дом разума. Другой великий образ, который мы видим у Канта, — образ суда, турнира. Под логическим аппаратом Канта существуют эти образные видения. Только что вышла моя книга «Осень с Кантом» с подзаголовком «Образность критики чистого разума» (М.: ИФ РАН, 2004). В этой книге я как раз исследовал образный эстетический подспуд, залегающий под рационалистической системой Канта. Бессмертна и идея вещи в себе, этого вечного X.

ГЕЛЛЕР А.

Величие философа — в его рецепции. Кант отметился везде, не только в современной философии, но и в современной мысли вообще. Его следы могут быть обнаружены даже в самых неожиданных местах. Не бывает полного принятия философии, ведь в нашем случае это означало бы, что пришлось бы заново переписывать каждое слово кантовских «Критик». Существует лишь частичная рецепция философских систем или идей. Частичная рецепция, выходящая за границы академических требований и становящаяся чем-то оригинальным — это сильная рецепция. Тогда мы заставляем текст, «автора» отвечать на наши вопросы: как нам следует мыслить, как мы должны поступать, как нам следует жить? Кант дает ответы на эти вопросы. Вне зависимости от того, оспариваем ли мы эти ответы, изменяем или по-своему интерпретируем их, мы не можем обойти их. Каждый может раскопать свое золото у Канта, которое потом засверкает на его короне. Итак: все идеи Канта имеют непреходящее значение, хотя, разумеется не для индивидуального реципиента, а для прошлых, настоящих и будущих реципиентов во всей их совокупности. К примеру, мой любимый Кант — это философ морали. Мне кажется, он создает беспрецедентный по красоте и мудрости просвещенческий букет из лучших цветов греко-романской и иудео-христианской традиции. Понимание кантовской идеи автономии (и вытекающего из нее императива) может служить нам компасом, указующим на центр (морального) круга, компасом, без которого мы были бы не в состоянии отличить добро от зла. Но, говоря об этом, я не

обязана подписываться под кантовскими процедурами обоснования, такими, как категорический императив, априорное синтетическое суждение, трансцендентальная дедукция этого императива или метафизическое разделение человека на *homo phenomenon* и *homo noumenon**. Вдохновение — вот что главное. Другие реципиенты или другие поклонники Канта увидят мудрость и красоту в других книгах или в других местах. Возможно, в «Аналитике» «Критики чистого разума», историческое значение и блеск аргументации которой я признаю, но не нахожу здесь вдохновения.

ГЕРЛАХ Х.-М.

Мне кажется, нельзя разрывать кантовскую философию на части и противопоставлять какую-либо идею, продолжающую оказывать свое воздействие, другой идее, возможно, не делающей этого столь же прямо и непосредственно. Кантовская философия сохраняет свое универсальное воздействие в своей целостности вплоть до наших дней, и именно в таком качестве она оказала влияние на возникшие вслед за ней системы немецкого идеализма, по-своему повлиявшего на различные духовные течения XIX и XX веков и трансформировавшего этим также и кантовское идейное наследие. Но если все же надо было бы конкретизировать линии влияния, я назвал бы кантовскую просвещенческую установку с ее фундаментальным требованием «имей мужество пользоваться собственным рассудком» вместе со стремлением Канта к «вечному миру», хотя он наверняка

* Феноменальный человек и ноуменальный человек (лат.).

никогда не станет абсолютной реальностью. Человек XXI века как никогда должен прочувствовать этот «императив» борьбы за мир, чтобы получить возможность позитивно встраиваться в политическую реальность.

ГЕРХАРД Ф.

Величайшее достижение Канта состоит в неопровержимом доказательстве человеческой свободы. Он может показать, что всякий, кто отрицает свободу, сам пользуется ей. Так отпадает мнимая противоположность природе: свобода не противостоит природе и она не требует разрывов в цепи каузальности. Наоборот, свобода базируется на тесно связанной сети обязывающе действенных законов, как находящихся внутри человека, так и внешних ему. О свободе имеет смысл говорить лишь в той мере, в какой человек находится в полном подчинении этим законам.

Так понятая свобода состоит исключительно в беспрепятственной реализации индивидуальной жизни. Мы не назовем «свободным» и фруктовое дерево в шпалерах или зверя в клетке. Человек свободен, поскольку он не принуждается себе подобными, а может поступать по собственному усмотрению. Только в этом случае разум, его важнейшее средство существования, имеет шанс раскрыться; только так разум может стать источником и основой его действий.

Все, что Кант говорит об обосновании и ограничении знания, удостоверении морали и права или понимании прекрасного, основано на этом понимании свободы, являющейся изначальным выражением жизненности индивида по отношению к

себе подобным. Так что за кантовским понятием разума стоит до сих пор всерьез по-настоящему не принятая концепция жизни.

ГИРЕНКО Ф. И.

Кантовское расставание с трансцендентализмом. Ведь этого расставания мало кто заметил. А ведь что удивительно, Кант понял, что он придумал муляж, то, что никуда не годится. Я имею в виду трансцендентальную философию. Ведь трансцендентализм — для тренировки ума, для накачивания его мышц. Но вот потребовалось заняться человеком, описать его — и ничего не получилось. Трансцендентализм рассыпался, как игрушечный домик. И Кант его не пожалел. Он как-то легко расстался с трансцендентальным аппаратом анализа, хотя большую часть жизни потратил на его разработку. Вот это, я думаю, непреходяще.

ГРИНБЕРГ Р.

Среди нескольких идей Канта, имеющих «всеобщее и непреходящее значение», имеется одна, сохранность которой по иронии судьбы может быть обязана скорее ее безвестности — ее единственное подробное исследование представлено в книге, опубликованной совсем недавно, — чем славе, и поэтому заслуживающих предпочтения (автором того исследования) в данном контексте. Ирония в том, что хотя ее значимость должна, как мне кажется, быть очевидной для кантоведов при первом же ознакомлении с ней, ее сохранность на протяжении двух столетий кантовских исследований может быть объяснена тем, что она просто избежала иссушающей критики, коснувшейся чуть ли не всех других великих идей Канта. Важ-

ность этой идеи в том, что она, по сути, составляет основу кантовского трансцендентального идеализма, который, как считают многие кантоведы, занимает центральное место в теории возможности априорного знания, представленной в «Критике чистого разума» Канта.

До сих пор трансцендентальный идеализм толковался либо в качестве дуализма явлений и вещей самих по себе, либо в качестве монизма явлений, иногда ошибочно принимающихся за вещи сами по себе. П. Ф. Стросон великолепно показал непреодолимые препятствия, встающие на пути любой дуалистической интерпретации. И хотя монизм, распространенный в наши дни, обходит эти трудности, он имеет тот недостаток, что тривиализирует этот идеализм, так как определяет объекты, которые мы можем познавать, через их отношение к самому познанию: происходит громадное *petitio principii**. Соответственно, если мы хотим когерентной и вместе с тем нетривиальной интерпретации кантовского трансцендентального идеализма, мы должны искать монистической интерпретации, до сих пор по большей части ускользавшей от внимания кантоведов.

Главная проблема обеих интерпретаций состоит в том, что они задействуют только два кантовских понятия о реальных объектах: явление и вещь сама по себе. Тем самым они игнорируют третье понятие, из которого в действительности получаются последние. Это третье понятие — понятие сущего, или вещи (*Ding*). Ближе к концу «Критики» Кант определяет его объект как объект трансцендентального утверждения. Использование это-

* Предвосхищение основания (*лат.*).

го понятия позволяет избежать тривиальности популярного монизма, так как оно объясняет объекты, которые мы можем познать, в терминах, независимых от нашего созерцания, а значит и нашего познания объектов, поскольку трансцендентальное утверждение независимо от нашего созерцания. Для этого независимого объекта и предусмотрено кантовское понятие вещи. Мы можем созерцать вещи, но только так, как они являются нам — только как явления. Понятие Канта о явлении, таким образом, производно от понятия вещи: явление есть вещь, как она представлена в нашем ее созерцании. Вещь сама по себе, с другой стороны, есть та же самая вещь, только на этот раз мыслимая посредством общей идеи о ее собственных свойствах и отношениях, а не о тех, которые принадлежат нашему созерцанию. Значит, понятие вещи самой по себе тоже производно от более фундаментального понятия вещи. Эта новая монистическая интерпретация трансцендентального идеализма — единственная современная интерпретация, избегающая как ловушек дуалистических интерпретаций, так и тривиальности популярных в наши дни монистических трактовок.

ГРУНДМАН Т.

В этой связи я хотел бы назвать три аспекта кантовской философии: критический метод, идею автономии и самостоятельный статус философии.

После Канта философия не может больше сходу браться за догматическое объяснение мира и его основных принципов, но должна также всегда удостоверяться путем перманентного процесса саморефлексии в возможностях и границах ее

собственных методов. Всякое философское размышление о вещах должно, таким образом, всегда вбирать в себя и поддерживать познавательно-критическую рефлексию о методах этого размышления.

По-прежнему увлекательна и провокативна кантовская идея автономии, а именно идея о том, что основание всякого нормативного обязательства и масштаб надлежащего в конечном счете заложены не в каком-то внешнем авторитете (внешней реальности или других людях), а в нас самих. Познаваемые нами истины, а также морально надлежащее и прекрасное не являются для Канта вещами, которые просто принимаются человеком как всецело пассивным наблюдателем, напротив, они должны соотносываться с человеческим духом, который, в свою очередь, не может постигаться в качестве части природы. Надо только правильно понимать эту идею автономии. Мера всех вещей — это не разнузданная субъективность, которая может произвольно интерпретировать и конструировать мир, а в двойном смысле связанный человеческий дух, а именно связанный изначально свойственной ему рациональностью и данностью чувственного созерцания.

Наконец, несмотря на всеобъемлющие объяснительные претензии и триумфальную историю современных эмпирических наук, Кант отстаивает самостоятельность независимого от опыта (априорного) познания в философии. До недавнего времени эта идея считалась многими философами крайне неясной и устаревшей. Но сейчас даже аналитическая философия все больше уясняет для себя то обстоятельство, что *Argiogi* в самых разных своих обликах (к примеру, в

мысленных экспериментах) имеет для нас фундаментальное когнитивное значение.

ГУСЕЙНОВ А. А.

Непреходящее значение, на мой взгляд, имеет не одна идея, а единый комплекс, состоящий, по крайней мере, из трех идей — ноуменального мира как мира свободы, нравственного закона как автономии воли и априорности форм мышления. Эти идеи соотнесены друг с другом (ссылаются друг на друга, переходят друг в друга), только в этой соотнесенности обнаруживают свою действенность и являются основой философской системы Канта (кстати заметить, замечательная особенность последней как раз состоит в том, что она не редуцируется к одному элементарному началу). Самое интересное, трудное в этом комплексе идей, а также задаваемое ими направление философских поисков заключается в характере их связи между собой.

Укажу на один момент, показывающий, насколько важно исследовать полноту этих связей. Возьмем идею априорности. Она была по преимуществу понята и, насколько я могу судить, хорошо разработана в своих познавательных-научных следствиях. Но в своих основаниях, истоках она, по сути дела, оказалась забытой. Если мы, в общем и целом, знаем, что представляет собой и как работает мышление в той части, в какой оно связано с опытом, то в вопросе о том, чем оно является, рассмотренное независимо от опыта (в том числе и возможного), такой ясности у нас нет. Складывается впечатление, что философы, включая и тех, кто ориентируется на кантовский круг идей, не приняли всерьез и не желают додумать до конца

фундаментальную для Канта мысль, согласно которой чистый разум обнаруживает себя только в качестве практического разума. Практический разум — не просто другая ипостась разума наряду с теоретическим разумом. Он и есть разум в его чистом виде. Более того, когда бы не существовало практического (нравственного!) измерения человеческого бытия — измерения, благодаря которому мы укоренены в ноуменальном мире свободы и через который этот мир только и явлен нам, если бы не было этого измерения, то оставалось бы непонятным, зачем вообще нужен разум человеку. Не в забвении ли этой мысли Канта кроется одна из причин технологического флюса цивилизации в XIX–XX веках?!

ДЖОРДАНЕТТИ П.

Я хотел бы ограничить свой ответ разработанным в «Критике практического разума» оправданием морального закона. Кант отвечает на вопрос «зачем быть моральным?» в четыре этапа. Во-первых, обоснование моральных норм происходит посредством простой отсылки к здравому моральному смыслу. Но это возможно лишь в том случае, если моральные принципы известны благодаря особой разновидности чувства. Во-вторых, это оправдание достигает завершенности только после указания в «Учении о методе чистого практического разума» на то, что мотив, основанный на этом чувстве, неотделим от сердца. На мой взгляд, это очень важная, актуальная идея. В «Учении о методе» рассматривается проблема, каким образом моральный закон может оказывать влияние на волю темпорально обусловленного и ограниченного чувственностью единичного субъекта. Хотя

тема априорности чувства относительно человеческой природы и человеческой воли в общем виде развивается в учении о мотивах, теперь объяснения сосредоточены на конкретном человеческом индивиду. В учении о мотивах отсылка к внутреннему чувству хотя и присутствует, но не является собственной целью анализа. Просто утверждается, что этот закон фактически оказывает влияние также и на внутреннее чувство, и делается заявление, что это влияние — несмотря на аналогии — должно быть резко отграничено от априорно заданного влияния. В «Учении о методе» впервые осуществляется переход от объективных законов нравственности (основоположений и понятий), восхищения ими и их высокой оценки «по отношению к человечеству» (учение о мотивах; чувство уважения) к применению последних к конкретным эмпирическим человеческим существам. При этом надо сделать две вещи: с одной стороны, через наблюдение предоставить «доказательства восприимчивости моральных мотивов», с другой — в основных чертах набросать «метод установления и культуры истинно морального образа мыслей». Что касается первого пункта данной программы, то следует подчеркнуть, что именно в этих рамках можно найти дальнейшие указания на осознание морального закона. Кант показывает, что чистая нравственность присутствует в обыденном человеческом разуме, подобно различению правой и левой руки. С шестидесятых годов Кант указывал в теории пространства на это эмпирическое различие, которое не может быть получено на основе одной лишь логики и одних лишь понятий о предметах. Цель морали аналогична: в противовес общим формулам абстрактной моральной философии надо выявлять данность мора-

ли в обыденном сознании человека. Вопрос, «в чем, собственно, заключается *чистая* нравственность» «уже давно решен, правда, не посредством отвлеченных общих формул, а обычным применением, подобно различию между правой и левой рукой» (AA 5: 155). Чувство уважения играет важную роль и здесь. Кант исходит из «характеристики человека» и проводит различие между характером, душой и сердцем: характера и души недостаточно для мотивировки действия отдельного индивида. Чистое моральное побуждение производит следующее: прежде всего, оно формирует основу характера как «практически последовательного образа мышления по неизменным максимам» (5: 152), далее учит человека чувствовать свое собственное достоинство и дает «душе неожиданную для нее самой силу оторваться от всякой чувственной привязанности... и в независимости своей умопостигаемой природы и душевном величии, в чем оно и видит свое назначение, найти щедрое вознаграждение за приносимую жертву» (5: 152). Но если эта «восприимчивость морального интереса» должна стать самой могущественной и единственной движущей силой поступков человеческого индивида, то этого еще недостаточно: нужно еще, чтобы моральное чувство было «донесено до человеческого сердца» (5: 152). Слово и понятие «сердце» впервые встречается здесь в тексте второй «Критики» и в дальнейшем неоднократно используется. В одном из примечаний Кант предостерегает от смешения «душевного подъема» и «подчинения сердца долгу»: первый «очень непостоянен и преходящ» и дает лишь «вспышки», от второго же, напротив, можно ожидать «более продолжительного влияния», поскольку оно связано с основоположениями (ср.: 5: 155, примечание). Наконец, в чет-

1.?

вертых, следует подчеркнуть, что непременными фундаментальными условиями решения проблемы блага через учение о постулатах, помимо чувства уважения, являются также удовлетворенность самим собой и потребность практического разума. Существенно и актуально то, что Кант хочет идти научным путем при рассмотрении наших моральных задатков. Мы можем анализировать примеры моральных суждений и принимать процедуру отделения эмпирического от рационального. Эта научная процедура ведет нас к учению о мудрости. Кантовскую моральную философию можно поэтому — так можно суммировать ее интенцию — определить как научное учение о мудрости.

ДИРКСМАЙЕР К.

Отделение *качественного* понятия свободы от *количественных* концепций свободы. То есть он пошел против устоявшегося, прежде всего в англосаксонской философии, представления, что свобода может быть отождествлена с количественным расширением индивидуальных возможностей действия. При таком экстенциональном понимании свободы всякое регулирование, регламентация и ограничение индивидуального пространства действия рассматривается как уменьшение свободы и, соответственно, минимизируется.

Взамен Кант сформулировал идею *качественной* свободы, наглядно показав, что интенционально свобода обретает свою подлинную действительность именно в ее самоданном и разумном, т. е. автономном, ограничении. Поэтому недостаток нравственного разума, а значит при некоторых обстоятельствах и недостаток разумного огра-

ничения индивидуального политического пространства действия на самом деле есть уменьшение свободы. Качественная свобода реализуется скорее в соблюдении разумных правил. Только в этом случае свобода не обременяет других, а способствует осуществлению и сохранению свободы каждого.

ДОБРОХОТОВ А. Л.

Идеи Канта могут быть осмыслены только в контексте его философской стратегии. Поэтому непреходящее значение имеет сам его «коперниканский поворот»: поворот от просвещенческого мифа о всеохватывающей природе к учению о гетерогенном универсуме. Канту удалось осуществить своего рода «декомпрессию» одномерного натуралистического мира и увидеть вместо этой унылой картины несколько онтологических измерений и соответствующих им познавательных способностей, вступающих в сложную креативную игру. Кантовская революция сопоставима только с платоновской: поскольку эти две революции собственно и создают поле европейской философии, их значение, разумеется, непреходяще.

ДЮЗИНГ К.

Непреходящее значение, на мой взгляд, имеет кантовское учение об апперцепции и воображении, его критическая теория познания, его этика как учение об обязанностях, базирующихся на принципе нравственного закона, его учение о свободе, а также его учение о вечном мире.

ЖУЧКОВ В. А.

Точное по существу (хотя и не очень удачное по форме) осмысление специфики философского мышления и его предмета как вопроса о двух «вещах в себе» и их отношении, понятиями о которых он заменяет традиционные его формулировки в категориях бытия и сознания, объекта и субъекта, мира и человека и т. д. Реальное существование этих бесконечных, а потому и непознаваемых «вещей в себе» или «самих по себе» недоказуемо, тем не менее, их необходимо предположить, поскольку без них невозможно объяснить сам факт действительного существования научного знания и познания, обосновать возможность их возникновения и развития.

Задача философии в том, чтобы постоянно и каждый раз заново вопрос об этих «вещах» ставить, побуждая человеческий разум к их бесконечному познанию, одновременно указывая и на неизбежную ограниченность всякого возможного о них знания. Главной же целью или назначением философии должно быть постоянное уяснение свободы как способности человека к целепологающей и творчески-продуктивной деятельности, посредством которой он постигает и преобразует действительный мир, создает всю материальную и духовную культуру, все ее достижения и ценности.

К недостаткам философии Канта обычно относят его трактовку свободы в качестве основания всего лишь морального закона, в безусловном исполнении которого, т. е. в чистом долге, он и усматривал единственно возможное ее проявление. Тем самым моральный закон приобрел у него характер ригористического безразличия к конкретному мотиву, содержанию и ре-

зультату нравственного поступка, свобода свелась к мнимой независимости человека от чувственно-природных и социальных условий его существования, а практический разум оказался в дуалистической оппозиции к теоретическому разуму и его познавательному применению.

Было бы, однако, не вполне верно видеть причины подобного ограничения свободы всего лишь в пресловутой исторической или методологической «ограниченности» кантовского мышления. Непреходящее значение его понимания свободы состоит в числе прочего и в том, что он весьма отчетливо и трезво видел ее проблемный характер, а именно возможность ее превращения из позитивного и созидательного начала человеческой деятельности в свою противоположность: в произвол и скептицизм, в фанатизм и догматизм, в иллюзии мечтательного фантазерства или анархию «гениальничашающего свободомыслия» и т.п. Само стремление человека к свободному и продуктивному проявлению своих творческих способностей легко может становиться не только источником благородного самообмана, но и жертвой чьих-то спекуляций на его благих помыслах и намерениях, всевозможных фальсификаций и злоупотреблений, позволяющих превращать людей в покорных и послушных марионеток, в орудие достижения чуждых им и вовсе не благовидных целей.

Именно поэтому, наряду с задачей обоснования или «спасения» идеи свободы, Кант стремился обнаружить и определить достаточно строгие критерии, общезначимые и необходимые нормы, которые позволяли бы определить основания, условия и границы ее подлинного применения и

действительного проявления в человеческой деятельности, а вместе с тем и свести к минимуму те опасности, которые всегда этот процесс подстерегают. Собственно говоря, в «Критике чистого разума» Кант и пытался решать эти две задачи, а именно показать необходимые условия, при которых применение познавательных способностей человека (чувственности, рассудка и воображения) может вести к достижению достоверного и объективного знания, но вместе с тем дать критику «беспочвенных притязаний» чистого разума на мнимую независимость от реального мира и его необходимых законов, показать иллюзорность его попыток выйти за пределы относительного, всегда обусловленного и конечного знания, дабы овладеть абсолютной истиной, достичь безусловного знания о бессмертии души, мире в целом и бытии Бога.

Вряд ли Кант мог при этом предполагать, что его критика весьма скоро не только будет забыта, но и на смену ей придут еще более догматические системы «Наукоучения» или «Науки логики», а несколько позже возникнет «единственно научное мировоззрение», плоды «практической реализации» которого мы пожинаем до сих пор. Но, наверное, еще меньше он мог предвидеть, что его «Критика чистого разума» окажется релевантной для критики разума далеко не «чистого», а его попытки «подрезать корни» догматизма и скептицизма, материализма и идеализма, атеизма и суеверия, «неверия свободомыслия» и фанатизма и т. п., будут плохо услышанными и еще хуже понятыми и спустя два столетия. И хотя рецепции этих критических предостережений можно найти во многих современных международ-

но-правовых документах и конституциях разных стран, в декларациях и выступлениях общественных и политических деятелей и т. д., однако реалии прошлого и наступившего века свидетельствуют, к сожалению, о другом. Мы были и остаемся свидетелями того, как принципы свободы слова и веротерпимости становятся инструментом массированного зомбирования сознания людей, ведут к утверждению идеологического фанатизма или циничного скептицизма, а великие идеи прав человека и научного прогресса оборачиваются неправовым насилием и реальной угрозой для самого существования человечества.

А потому, возможно, Кант был не так уж и неправ, ограничивая свободу принципом безусловного исполнения морального долга и предпочитая самоценность и самоцельность свободы как таковой любым способам ее применения и конкретным формам проявления в человеческой деятельности. Признавая безусловную пользу и важность всех достижений цивилизации, в том числе и для развития в человеке всех его природных задатков и талантов, он, тем не менее, считал, что все эти завоевания не имеют «никакой ценности», если не предположить конечную цель, относительно которой они только и могут ее приобрести. Такой целью, высшей ценностью и подлинным смыслом человеческого существования может быть, согласно Канту, только сам человек как разумное, моральное и свободное существо, который всегда должен рассматриваться как такая цель, о которой уже нельзя спрашивать, зачем он существует.

Критическая философия Канта, собственно говоря, и была посвящена обоснованию этой мысли, хотя он и не разделял пре-
краснодушных иллюзий относительно того, что злоупотребе-

ние свободой когда-либо исчезнет из реальной жизни общества, и был согласен с Экклесиастом (Эккл. 1: 15) в том, что «из той кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого» (АА 8: 23). Тем не менее, называя эту задачу «труднейшей» и даже никогда не разрешимой полностью, он не впадал и в мизантропический пессимизм, считая, что предназначение и долг человечества — бесконечно приближаться к ее решению. По-видимому, эта мысль Канта еще долго будет актуальной, и будем надеяться, что она никогда не потеряет своего значения.

КАЛИННИКОВ Л. А.

(1) Последовательный антропологизм. Человек как самоцель, как конечная цель для самого себя. Бог и религия, государство, общество, природа как средства. (2) Активно-деятельный человек как творец мира феноменов, т. е. природы из неисчерпаемого материала и столь же неисчерпаемых структур мира вещей в себе. (3) Раскрытие принципиального гносеологического механизма взаимодействия априорно-теоретического и апостериорно-эмпирического уровней познания, разрешение антиномии рационализма и эмпиризма. (4) Открытие трифункциональной структуры сознания: выделение гносеологической, праксеологической и аксиологической функций (знаний, норм, ценностей). (5) Формирование телеологического метода мышления и отношения его к механицизму по принципу следствия. (6) Понимание нравственности как единства права и морали, определение специфики права и морали, критика «золотого правила» морали и формулирование законов морали. (7) Ана-

лиз природы понятия «Бог» и моральное истолкование религии (в пределах разума), т. е. философско-историческое истолкование постулатов практического разума. (8) Раскрытие сущности эстетического отношения и его связи с деятельностной природой человека, различение эстетического и художественного. Определение ценностной природы искусства.

КАСТИЛЬО М.

Всеобщее и непреходящее значение может иметь кантовская концепция универсальности (отличной от эмпирической, социологической и прагматической общности), так как это не посессивная, а трансцендентальная концепция. Универсальность не может быть присвоена (ни западной, ни другой культурой). Использование универсальности (как в теории, так и на практике) создает *возможную и виртуальную публику*, не заключая в себе эмпирического интереса какой-либо конкретной группы (ученых или политиков). То же самое можно сказать, к примеру, о понятии политического мира. Это понятие лишено собственника, но возможная и виртуальная публика может использовать его — обстоятельства не меняют его значения, его смысла, его вечной *возможности*.

КЕРСТИНГ В.

(а) В области теоретической философии выдающееся достижение Канта состоит в развитии трансцендентально-философской познавательной программы. (b) В области практической философии выдающимся достижением Канта является деонтологическая радикализация типичных для Нового

времени оправдательно-теоретических процедур, впервые разработанных Гоббсом.

(а) Специфика трансцендентально-философской познавательной программы в том, что старая задача познания разумом понимается теперь философией не как познание самостоятельной трансэмпирической предметной области, а как выявление несомненных, безальтернативных предпосылок нашего обыденного познания предметов. Этим провозглашается, что познавательной сферой философии является самопонятное, а не неизъяснимое, как было раньше. И даже если сегодня мы уже не верим в возможность метафизических дедукций и не знаем никакой высшей точки, к которой мы могли бы прикрепить опосредованные предпосылки эмпирико-когнитивного отношения к миру, трансцендентально-философская постановка задач сохраняет свое значение. Это резервация знания, оставшаяся у философии в результате империализма частных наук.

(б) Ядром деонтологической радикализации оправдательно-теоретических процедур является понимание Кантом невозможности рационального морального оправдания. Всякая попытка закрепить мораль на просвещенном себялюбии, а поэтому и всякая благоразумная договоренность обрушивается на нередуцируемости семантики языка моральной обязательности к последствиям максимизирующих пользу соображений. Дистрибутивно выгодное может распределяться по договору, но оно не тождественно с тем, что является морально предписанным. Таким образом, практическая философия Канта тоже предполагает трансцендентально-фило-

софски реконструируемую базовую интуицию: обязательственно-теоретические предпосылки нашего языка морали не могут быть добыты аргументами благоразумия, и можно лишь смириться с их эрратической природой.

КИТЧЕР П.

Если говорить о теоретической составляющей творчества Канта, то ее непреходящее значение, на мой взгляд, в попытке показать, что познание есть невероятно сложный процесс, вклад в который вносит как структура сознания, так и чувства. Кант, как мне кажется, пытался показать, что эмпирическое знание, т. е. знание, основанное на свидетельстве чувств, не может существовать на своем собственном фундаменте. Эта идея оказалась исключительно влиятельной в самых разных областях, от теорий поэзии до теорий функции различных частей коры головного мозга. По контрасту со многими позднейшими теориями Кант считал, что, хотя познание зависит от сознания, оно не является из-за этого субъективным в смысле его варьирования от субъекта к субъекту.

Что касается практической составляющей, то главной в кантовской позиции, на мой взгляд, является идея о том, что мораль эгалитарна и автономна, а поэтому подпадает под законы и может быть применима ко всем. Хотя Роулз и его ученики растиражировали идею, будто Кант отдавал приоритет праву над благом, в действительности, как мне кажется, его взгляды формировались под воздействием определенного представления о благе. Благо в том, чтобы жить в мире, в котором ты и всякий другой подчиняется лишь тому моральному закону, кото-

рый признается таковым тобой и всяким другим. Думаю, что эта простая, но очень важная идея лежит в основе утонченного процедурализма Роулза и других авторов.

КЛЕММЕ Х.

В центре философии Канта — выраженная метафорой «коперниканской революции в способе мышления» идея человека, самостоятельно порождающего законы в сфере познания природы, свободы и — с оговорками — эстетической оценки предметов. Все положения его философии, связанные с этой базовой идеей, в силу их оригинальности несомненно будут иметь «непреходящее значение» для философских дискуссий. Наиболее перспективной я считаю его философию свободы, в которой Кант предпринял попытку разработать многомерную теорию практической нормативности (благоразумие, мораль, право, политика), дополнив ее часто недооцениваемой теорией мотивации.

Тот, кто всерьез занимается проблемами морали и права, должен будет как-то реагировать на кантовские предложения, будь то в негативном или позитивном плане.

КОРСГААРД К.

Многие идеи Канта имеют непреходящее значение. Во главу списка я, пожалуй, поставила бы две.

Первая выражена в кантовской формуле гуманизма, и это идея о том, что каждый человек должен рассматриваться как цель сама по себе. Этот способ выражения категорического императива задает высокий идеал для человеческих отношений

и взаимодействия и в то же время согласуется с реальным моральным опытом людей. Он схватывает нечто очень важное относительно того типа обращения, которого мы ожидаем друг от друга. Разумеется, формула гуманизма исключает ряд очевидных вариантов плохого обращения с другими: отношение к другому как простому средству или деспотическое пренебрежение его интересами и заботами. Но она исключает и *неправильное* «хорошее» обращение с другими — покровительственное и неуважительное отношение к другому, обращение с ним как с ребенком или любимым животным, от которого нельзя ожидать знания о том, что является наилучшим. Кантовская этика требует не только того, чтобы мы не считали свои собственные интересы более важными, чем интересы других, но и того, чтобы мы не думали, что наше собственное суждение лучше суждения других. Она требует, чтобы мы принимали решение на равных с другими людьми. Думаю, что этическая теория Канта — единственная теория, которая требует от людей, чтобы они обращались друг с другом как со взрослыми людьми, разделяющими как право, так и ответственность в определении судьбы человечества самим человечеством.

Другая идея — это сама основополагающая идея коперниканской революции. Я понимаю ее так, что законы разума есть наши законы, человеческие законы. Законы разума — это законы, которые мы скорее налагаем на природу, чем находим уже реализованными в ней. Эта идея связана с некоей метафизической скромностью — мы не можем просто допускать, что природа будет соответствовать стандартам, которые кажутся нам понятными, и вместе с тем с признанием ответственнос-

ти: от нас зависит придание осмысленности миру и нашим взаимоотношениям; от нас зависит рациональная организация мира. Хотя сам Кант присоединил к этим идеям учение о вере, я считаю, что эта основополагающая идея содержит, в сущности, секулярное видение человека, и до него еще предстоит дорасти большей части человечества.

Эти две идеи соединяются в одной из моих любимых фраз «Критики чистого разума»: «Разум не имеет никакой диктаторской власти, и его приговоры основываются всегда на согласии свободных граждан, каждый из которых должен иметь возможность выразить... свои сомнения или даже налагать свое вето» (А 738–739 / В 766–767). Это замечание воплощает радикально модернистское, пугающее и вдохновляющее представление о положении людей в мире и об их отношениях друг к другу.

КОЭН Т.

Каждая из трех «Критик» Канта содержит подобную идею. «Критика чистого разума» доказывает, что наш опыт мира частично конституируется нами и не является просто пассивным восприятием. «Критика практического разума» настаивает, что основа морали независима от религии. «Критика способности суждения» открывает некое измерение человеческого опыта, а именно эстетический опыт, который по своей сути несводим к другим видам опыта. Ни одна из этих идей Канта не является его подлинной новацией (многие есть у Юма), но именно Кант впервые убедительно и систематически защитил их.

КРУГЛОВ А. Н.

Я не уверен, что у какого-либо философа можно найти идеи универсального в строгом смысле слова значения. К наиболее же значительным кантовским идеям я бы отнес идею человеческой свободы, достоинства человека как морального существа, а также реалистичный взгляд на человека как «кривую тесину, из которой нельзя сделать ничего прямого».

КУЗНЕЦОВ В. Н.

Я как историк философии считаю возможным сказать, с одной стороны, что «непреходящее значение» имеет в определенном смысле слова вся совокупность воззрений Канта «критического периода» его творчества, обобщенно называемая мною «кантизмом». Во-первых, потому, что кантизм явился существенно важным звеном философского процесса XVIII века. Во-вторых, потому, что с кантизма началась классическая немецкая философия, которая приобрела всемирно-историческое значение. В-третьих, потому, что с конца XVIII века и вплоть до наших дней вхождение в современное философское пространство невозможно без ознакомления с кантизмом. В-четвертых, потому, что у кантизма в XIX веке появились во всех философски развитых странах влиятельные ответвления (в виде различных течений «кантианства» и «неокантианства»). Но с другой стороны, учитывая быстрое вытеснение кантизма с авансены классической немецкой философии, можно сказать, что он оказался «скоропреходящим». Я предпочитаю поэтому говорить о том, что различные аспекты кантизма приобретали в последующие эпохи актуальную значимость.

Ныне в нашей стране, где происходит так называемое «религиозное возрождение», такую значимость имеют, на мой взгляд, размышления Канта о соотношении философии и религии (теологии), разума и веры.

ЛАУДЕН Р.

Многие ключевые идеи кантовской этики, на мой взгляд, имеют всеобщее и непреходящее значение. Если надо было бы упомянуть только одну, я выбрал бы вторую формулу категорического императива: *«Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели»* («Основоположение к метафизике нравов», АА. 4: 429).

ЛОБКОВИЦ Н.

То, что человек как личность имеет абсолютную ценность и поэтому ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как средство.

ЛОНГНЕСС Б.

Если я правильно поняла Вас, то под идеями, имеющими всеобщее значение, Вы понимаете примерно следующее: идеи имеют подобное значение, если они не просто отражают состояние науки, морали и культуры того или иного времени (в данном случае кантовского), но во всякое время и в любом социальном или культурном контексте помогают людям быть в гармонии со своим окружением, а по сути по-

могут найти ответ на вопрос, который Кант поставил перед собой как центральный вопрос философии: «Что такое человек?». Я думаю, что определение задачи философии как задачи ответа на этот вопрос, и проживание своей жизни в соответствии с полученным ответом само по себе имеет всеобщее значение. Такое значение имеет и центральный момент всех трех «Критик»: понимание людей (т. е. понимание их способности к познанию, морали, эстетического творчества и удовольствия, целесообразной деятельности) есть понимание конфликтующих способов (рациональных и иррациональных) их отношения к самим себе в мышлении и самоидентификации.

МАЙОРОВ Г. Г.

Как я думаю, одной из главных идей Канта, имеющих непреходящее значение, можно считать идею философии как «критики разума», противостоящую пониманию философии как одной из положительных наук, пусть даже самой общей. В кантовском понимании, восходящем своими истоками к Сократу, философия выступает как аналитика человеческих способностей, определяющих собой условия и границы нашего познания, наших суждений о ценностях и нашего поведения в мире явлений, и как диалектика идей, выводящая нас к «вещам в себе», хотя и не приводящая к их познанию. Однако агностицизм Канта, в котором его часто упрекают, на самом деле имел отнюдь не пессимистический, а скорее даже оптимистический характер: непознаваемость «вещей в себе», включая сюда и самого познающего, означала для Канта не столько бесполезность всех наших познавательных усилий, сколько ту неисчерпаемую содержа-

тельность являющегося нам, которая позволяет нам верить в нескончаемый прогресс науки в условиях вечного мира и торжества нравственного закона.

МАКГИНН К.

Полагаю, что главным достижением Канта было то, что он осознал, что реальность не конституируется ни нашим знанием о ней, ни ее явлением нашей чувственности.

МАККРИЛ Р.

Думаю, что важность Канта как философа — в его попытках эксплицировать условия правомочных утверждений о мире, а также суждений о том, что является ценным и достойным устремления. Его стратегия состоит в локализации тех формальных условий, которые с наибольшей вероятностью могут вызвать у нас нормативное согласие. Полагая форму до содержания, Кант надеется обойти психологические предрассудки, укорененные в содержании, и взойти к тем трансцендентальным условиям, которые предполагаются всяким исследованием. Неизбежной ценой, которую мы должны заплатить за стремление к когнитивному согласию, является ограничение сферы наших притязаний. Идея фундаментальных ограничений занимает центральное место в кантовской концепции законосообразного мира. Опыттно постигать природу, находящуюся под управлением законов причинности, и рассматривать самих себя в качестве моральных существ, свободно подчиняющихся рациональным законам, значит признавать самого себя ограниченным двояким спо-

собом — снаружи и изнутри. Внешние ограничения уменьшают нашу мощь, но установление внутренних ограничений в действительности может привести к усилению высшего аспекта нас самих.

Самым значительным вкладом, внесенным Кантом в философию, мне представляется то, что он дополнил определяющую форму способности суждения о мире, о которой он первоначально говорил, рефлектирующей формой, которая вводит идею законосообразности без закона — чувственно-данный порядок как образец. Это особенно важно для применения философской критики к искусству и к гуманитарным наукам. Поскольку определяющая способность суждения идет от наличного всеобщего к индивидам, очевидно, что она включает в себе *субординирующую* форму мышления. Рефлектирующая же способность суждения идет от индивидов и может быть названа *координирующей* формой мышления. Определяющая способность суждения обращается к универсалиям либо для описания природы индивидуальных объектов, либо для объяснения их образа действия через подведение этих объектов под законы рассудка. Рефлектирующая же способность суждения, напротив, есть некая экспансивная форма мышления, апеллирующая не только к рассудку, но и к разуму, задающему рамки для интерпретации индивидов. Имея компаративистский характер, рефлектирующая способность суждения озабочена не столько отысканием универсалий, под которые могут быть подведены индивиды, сколько локализацией тех или иных общностей, которые могут разделяться индивидами.

МАРЕЕВА Е. В.

Если подходить к этому вопросу формально, то непреходящее у Канта то, что, собственно, и отличает его от предшественников, т. е. трансцендентализм, априоризм и критика метафизики. Другое дело, что понять смысл этих идей можно только в свете дальнейшего развития философской классики. Уже Фихте акцентировал деятельную природу тех всеобщих форм, которые Кант определил как трансцендентальные. Что касается неокантианцев, то они однозначно определили ту новую реальность, о которой заговорил Кант, как *всеобщие формы культуры*. Тем самым, именно Кант обнаружил существование закономерных (всеобщих) форм особого рода, отличающихся от законов природы. Другое дело, что поначалу эти всеобщие формы осознаются Кантом как «предзаданные» индивиду. Что касается критики метафизики, то до сих пор никто не доказал, что Кант был не прав, обнаружив ее внутреннюю противоречивость. Критика Кантом метафизики явилась радикальным поворотом к совершенно новым неметафизическим формам философии.

МЕЛЬНИК А.

Самый долговременный вклад Канта состоит в том, что он сделал изучение человеческого сознания методом исследования природы мира. Чем бы ни был этот мир, но в той мере, в какой он касается нас, он должен соотносываться с условиями нашего мышления и познания. Это делает возможной метафизику, которая независима от метода эмпирической науки и основывается скорее на философском исследовании мышления и познания (трансцендентальной логике). Философия после

Канта во многом смотрела на мир в этом ракурсе «для нас» как на что-то соотношенное с нашим сознанием, языком, феноменологическим опытом, социальными институтами или культурными нормами.

МИХАЙЛОВ К. А.

Осуществляя стратификацию основных разделов критической философии Канта по их важности и принципиальности, можно столкнуться с некоторым парадоксом. Как известно, сам Кант полагал превыше всего этику, а сама философия тогда (вспомним ее «четыре вопроса») становится как бы стратегией жизни, учением о том, «каким надо быть, чтобы быть человеком». Но для большинства специалистов («общественного философского сознания») Кант — прежде всего гносеолог, и именно чисто теоретические аспекты его философии нашли наибольший отклик в последующей традиции. Поэтому разделим основное содержание неотъемлемого вклада Канта в культуру человечества на (а) «теоретическую» и (б) «моральную» части.

(а) Во-первых, идея невозможности эмпирического обоснования законов природы и ее следствия: тезисы, что рассудок есть подлинный законодатель мира, что мы познаем природу по априорному плану, что реальный мир совпадает со своей научной картиной в коллективном сознании (т. е. нет единого материального «объективного» мира, предположительно всем субъектам познания) и т. д. Кантовская философия принципиально решает вопрос о «месте человека в космосе». Во-вторых, утверждение конструктивной природы человеческого познания и его объектов, которое легло в основу совре-

менной интуиционистской логики. В-третьих, «критический пересмотр» традиционных философских проблем, многие из которых оказываются либо псевдопроблемами, либо не имеющими смысла (как, например, вопрос о существовании вне контекста возможного опыта или вопрос о размерах мироздания). В сущности, важен сам «критический поворот мышления» в плане становления научной рациональности и методологии. В-четвертых, решение Кантом проблемы соотношения свободы и естественной необходимости, диалектика природы и свободы в эмпирическом поступке человека (два типа объяснения сообразно двум типам причинности), близкая установкам квантовой теории неопределенности.

В целом можно сказать, что утверждение «принципиальной координации» субъекта и объекта и основные положения об их взаимосвязи — фундаментальный вклад Канта в классическую парадигму философствования (а возможность существования иных парадигм весьма сомнительна в контексте основной задачи философии — построения критически осмысленной модели мира в целом).

(б) Великая гуманистическая идея, заложенная в категорическом императиве: «Ты должен (быть человеком, то есть быть нравственным существом), значит, ты можешь». Сущность человека — в его способности творить добро, которая не может быть потеряна под действием внешних обстоятельств (автономия воли). То есть человек всегда может реализовать свою человечность. Более того, он должен это делать. В идее долга скрывается тезис: человеку, призванному в этот мир, даровано более, чем всему остальному, — свобода, и эта свобода — свобода «для»: че-

человек по своей природе обязан строить самого себя. Произвол человеческого поведения ограничен свыше безусловным принуждением нравственных принципов. Главное в жизни — Долг, и ничто не может лишить человека счастья его исполнять. Можно отметить здесь еще очевидное тождество религии и морали.

МОЛЧАНОВ В. И.

Идея трансцендентальной видимости; в самом широком смысле это идея неискоренимости иллюзий в человеческом мире, которая сегодня совсем не случайно оказалась почти забвеной. Уже у Канта речь шла о чисто человеческом источнике трансцендентальной видимости, а не об изначальной иллюзорности мира, которая была так дорога одному из его последователей. Сейчас речь идет о том, что мы сами делаем мир все более иллюзорным, быть может уповая в глубине души на скрытую от нас реальность. Отчасти сам Кант стал жертвой такого рода видимости, а именно иллюзии, что являющееся скрывает за собой нечто, что должно быть «само по себе». Реальность ускользает от нас, когда мы считаем ее потусторонней.

МОТРОШИЛОВА Н. В.

Вопрос невероятно объемный. Постараюсь дать краткий ответ. Я буду, разумеется, говорить об идеях, которые лично на меня произвели наибольшее впечатление. И на первое место я бы поставила те принципы и идеи, которые связаны с самой жизнью Канта, с характером его личности, с его нравственными ценностями, рисунком его жизни. Не знаю другого философа, у которого была бы такая органическая целостность идей, касаю-

щихся философствующей личности, и самой этой личности. Здесь у Канта масса преимуществ перед другими философами. Так, в свой весьма политизированный век он — будучи философом права, философом политики, нравственности — умудрился не примыкать ни к какой ангажированной политической группе или позиции, оставаясь совершенно нейтральным. Идея политической нейтральности философствующего разума не так-то часто им проговаривалась, но не вызывает никакого сомнения, что она высвечивается из всей его жизни и философии. И это ему давалось безо всякого труда. Он мыслил себя и действительно был как бы агентом политически и социально нейтрального философского разума. Здесь — личностная черта, теснейшим образом связанная с самим характером кантовской философии. Ницше возражал Канту — по какому праву Кант считает себя агентом всеобщего? Но Кант мог бы ответить на это. В его философии и содержится такой ответ. Сегодня мы как раз наиболее отчетливо видим (и по существу следуя Канту), что некоторые всеобщие нормы мы должны отстаивать независимо от всех и всяких релятивизирующих соображений. Отстоять идеи, которые связаны с возможностью говорить на языке всеобщего в любую релятивную эпоху, — вот что Канту удалось как никому другому. (Подобным же образом можно говорить о синхронности личностных моральных устремлений, ценностей Канта и соответствующих всеобщих и «вечных» идей великого философа, касающихся долга, категорического императива и т. д.).

Теперь я хочу перейти к более конкретным философским, теоретическим идеям Канта. Признаться, я больше всего ценю те его идеи, которые в наибольшей степени оспариваются. Для

меня самые близкие и самые великие из них — трансцендентализм и априоризм. Хотя у Канта было немало предшественников, он с несравненной силой и теоретической глубиной выразил эти идеи. Сначала о первой из них. Если воспользоваться словами В. Соловьева, то можно сказать так: Кант просто подчеркнул трансцендентальный факт, а именно: в любом акте познания все, что мы познаем, утверждаем, всегда есть результат, преломленный через наше собственное сознание. Как вещи, события и т. д. выглядят независимо от нашего (и вообще человеческого) сознания, мы сказать не можем. Это знали, конечно, и до Канта. Сходную идею высказывали разные философы, от Августина до Декарта. Но при этом никто, кроме Канта, не выразил ее с такой непреерекаемостью. В объяснение и доказательство ее он даже особо и не вдавался, это казалось ему понятным и очевидным. И, в отличие от других, Кант нигде и никогда не отступился от этого факта и сделал из него выводы на всех уровнях своего философско-теоретического анализа. Вот это, мне кажется, беспрецедентно. Возражения против трансцендентализма предполагают его непреерекаемость — конечно, в качестве *факта философии*. Конструкция мира всегда строится так, что коэффициент поправки на трансцендентальный факт абсолютно невычитаем. Кстати говоря, постклассическое естествознание фактически уже делает эту поправку на трансцендентализм. Но в философию эта мысль еще в полной мере не проникла. Она стала исходной лишь для тех учений, которые клянутся именем Канта. К их числу принадлежит феноменология. Но есть такие учения, которые продолжают традицию материалистических или объективно-идеалистических школ. Они хотят обой-

ти трансцендентальный факт и могут даже добиваться каких-то результатов, но в итоге все же упираются в него. Одним из таких учений был диалектический материализм, который исходил из достаточно плоской теории отражения и пытался спасти ее, признавая активность субъекта. Подобная судьба постигла гегелевские концепции и пост-гегелевские теории, где выстраивалась широкая панорама первичности и исследования объективированных форм духа. Еще одна попытка обойтись без кантовского трансцендентализма — современная философия, которая решила вычесть субъект, «вычесть» проблему и изучать только язык. Я имею в виду философию языка постмодернистского типа. Ведется борьба против теории субъективности, теории субъекта. В каком-то смысле это близко и Хабермасу. Главная идея апеллевско-хабермасовского поворота состоит в том, что основная единица, с которой мы должны начинать, — отношение «мы» и мира. Но ведь от субъекта, субъективности как реальных и первичных «единиц» познания никуда не уйти. «Мы» — это «я», единство множества.

Теперь об априоризме. Эта тема сейчас отошла на задний план. Но я почувствовала ее философскую значимость очень давно. Я понимала, что Кант, решая эту проблему, пытается действовать как естествоиспытатель. Мы начинаем исследование с какого-то пункта, а что было до этого пункта (и что вне его), мы не рассматриваем. Вот и Кант анализирует познание, при этом разлагая его на главные элементы: учение о чувственности, рассудке и разуме. Они все изначально связаны, но мы-то их выделяем для исследования в качестве относительно самостоятельных. Иначе не будет никакого исследования. Так дей-

ствуется естествознание. Так же и Кант «игнорирует» (в «Критике чистого разума») тему начала познания. На самом деле — как нам кажется — он должен был бы где-то в начале сказать, что человек — историческое существо, что он приобретает в наследство, осваивает какие-то формы познания. Но эту тему Кант как бы снимает с повестки дня; по крайней мере, в учении о познании, в пределах критики чистого разума, он исключает ее из рассмотрения. Но вот уж когда это сделано и если это сделано, априоризм вступает в полные свои права. Что значит: нам действительно если не все, то очень многое дано до опыта, мы так организованы, что как бы «изначально» (когда мы — взрослые люди) обладаем всеобщими формами пространства и времени. И нам уже как бы задана сетка категорий; нам уже задано и то, что какую-то часть наших познаний мы можем получить из опыта, а какую-то часть — сверхопытным путем. То есть в пределах некоторых допущений и отвлечений (от целого) априоризм есть абсолютно несомненная предпосылка познания. В философском исследовании в каком-то пункте и до какого-то предела мы не можем не быть априористами. Если я вижу, если я слышу, то это происходит под формами пространства и времени, которые, конечно же, наделены всеобщим характером. Я не считаю оправданными многочисленные возражения против выкладок Канта относительно пространства и времени. Во всяком случае, это великие идеи, от которых философия не может отмахнуться, сделать вид, что таких идей не было. Такое уже не получится. Вот почему я считаю, что эти идеи Канта (и не только они, конечно) имеют непреходящее значение.

Я обожаю у Канта и его социальную философию, его учение о человеческой «необщительной общительности», о взаимодействии индивидов, его философию морали и философию права. Здесь те же предпосылки, те же идеи, но в другом выражении. И почти каждая их этих идей, таких, к примеру, как категорический императив Канта, вызывает многочисленные споры. Постоянно идет дискуссия. Я сторонник учения о категорическом императиве. Я могла бы, если потребуется, защищать эту его концепцию от критических упреков в абстрактности, формализме, бездейственности или в чем-то подобном. По каждому пункту у меня есть система аргументов, исходя из которых я считаю, что как раз в том виде, в каком это учение выражено, оно и имеет наибольший смысл. Например, то, что это чисто формальное учение, совершенно верно. Кант очень много говорит, что здесь главное — только форма, но это и правильно. Ведь истинные моральные принципы так и скроены, что значимы в любое время, *jederzeit*, и прежде всего как «абстрактная» форма, несводимая к конкретным правилам, которые могут как раз не соответствовать своему назначению. Это с одной стороны. Но с другой стороны, вдруг оказывается, что на основании этих принципов — того же категорического императива — можно обсуждать любую конкретную сегодняшнюю проблему, от войны в Ираке до терроризма. И это будет совсем не абстрактный разговор. Важно только, чтобы максима воли, которой предлагают следовать в тех или иных ситуациях, формулировалась честно, без экивоков и общих слов, самым прямым образом. И тогда становится ясно, может ли она выдерживать испытание на всеобщность, или ее надо отбросить.

НЕЙМАН С.

Кант — единственный мыслитель в истории западной философии, ясно различавший требования разума и требования реальности и придававший им равное значение. Самым важным местом его сочинений я считаю начало «Трансцендентальной диалектики» «Критики чистого разума»: детально проанализировав условия реальности объектов, он переходит к обсуждению природы реальности идеалов. Это не фантазии, не мечты, не форлендеровское благонамеренное, но фатальное *als ob**; это сущности, обладающие специфической силой и властью, реальность которых не может отождествляться с реальностью объектов опыта. Ведь их задача состоит в том, чтобы ставить под вопрос с необходимостью ограниченный опыт, с которым мы имеем дело, и призывать реальность соответствовать запросам идеального, будь то справедливое общество в практической области или совершенная и ясная наука — в теоретической.

Метафизика Канта, тем самым, имеет важную политическую функцию. С одной стороны, она дает разуму точку опоры для изменения мира по его стандартам. Это важно для ответа консерваторам вроде Юма, считающим, что разум не способен решать вопросы, имеющие определяющее значение для нашей жизни. Привычка и традиция — вот что поддерживает наше убеждение, что солнце завтра взойдет, равно как и решение сохранить миры для неумных рук. Неудивительно, что, урезав легитимность разума в сферах уже наличного опыта, Юм и его последователи, такие, как Бёрк, должны были с подозрением от-

* Как если бы (нем.).

носиться к тому, чтобы использовать его в неизученных местах. Если привычка и традиция до сих пор оберегали нас, то более мудрым представляется следовать им, а не требованиям разума, которые, как предполагается, не прошли проверки. Укрепляя требования разума, кантовская метафизика, напротив, создает основу для радикальных общественных изменений. В то же время его акцентировка требований опыта должна осадить тех утопических мыслителей, которые хотели бы действовать, не обращая на него большого внимания — с ужасающими последствиями, которые видел XX век. Таким образом, метафизика Канта, даже в большей степени, чем его моральная философия, служит опорой для зрелого, но не безропотного, исполненного надежды, но не наивного взгляда на мир.

НУЦЦО А.

Из тех идей, которым мы должны придавать всеобщее значение, я бы указала, в первую очередь, на кантовское учение о границах человеческого разума, а именно на проявленную им настойчивость в определении объема и границ, в которых простираются наши человеческие притязания на теоретическое познание и научное овладение реальностью. Мы должны помнить, что, несмотря на всю мощь, демонстрируемую человеческим познанием, она имеет границы. Истина также определяется необходимостью не переступать эти границы. Вторая кантовская идея, которую мы должны лелеять в современном мире, — это ценность человеческой личности в ее связи с моральным законом. Моральный универсализм Канта, понятие о том, что человеческий разум как таковой способен взять шефство над

моралью и что именно это делает нас свободными, есть фундаментальный ответ на угрозы морального релятивизма.

НЭНОН Т.

Думаю, их много, но если называть те идеи, которые оказались особенно важными и сохраняют свое значение не только в академической философии, то это понимание Кантом конститутивной роли структур человеческого мышления для всех объектов человеческого познания, его акцентировка нередуцируемости морали к полезному или выгодному и внедрение понятия регулятивных идей как интегральной части научного и политического мышления.

О'НИЛ О.

Я полагаю, что непреходящими и плодотворными оказались следующие идеи Канта: что практический разум не сводим ни к инструментальному рассуждению, ни к (некоей рефлексии по отношению к) имеющимся воззрениям; что базовый принцип практического и теоретического разума один и тот же, что можно сказать некие систематические вещи о границах познания, но при этом границы интеллектуально когерентного могут быть шире первых; что метафизическая дистинкция необходимое / случайное отлична от эпистемологической дистинкции *a priori* / *a posteriori*, и обе они отличны от семантической дистинкции аналитическое / синтетическое; что мы не обязаны быть метафизическими реалистами, чтобы настаивать на ясном различении объективного знания и предположения; что основательное объяснение теоретического познания не может

быть дано без основательного объяснения практики и действия, и наоборот; что разработка систематического объяснения человеческого познания может требовать регулятивных принципов, истинность которых нельзя установить путем эпистемологических аргументов; что рассуждения о справедливости в одном государстве (внутренней справедливости) могут быть систематически неполными, если не принимать во внимание справедливость во всемирном масштабе; что могут быть глубокие параллели между практическим мышлением об истории, политике и религии; что цель социальных исследований может быть главным образом практической, а не объяснительной или прогностической; что математическое знание может быть понято как конструктивное; что уважение к личностям позволяет наглядно представлять разумные ограничения действия; ну, наверняка есть и много других, но мне пора переходить ко второму вопросу, допуская, правда, что Кант мог сделать и не одну большую ошибку.

ОЙЗЕРМАН Т. И.

Во-первых, сама идея *критической философии*, безотносительно к тому, как ее развивал Кант. «Во всех своих начинаниях разум должен подвергать себя критике, — утверждал он, — и никакими запретами не может нарушать ее свободы, не нанося вреда самому себе и навлекая на себя нехороших подозрений. Здесь нет ничего столь важного по своей полезности и столь ценного, что имело бы право уклоняться от этого испытывающего и ревизирующего исследования, не признающего никаких авторитетов». Если бы «марксизм-ленинизм» не выступал, сле-

дую Ленину, против свободы критики, наша родина не была бы тоталитарным государством с 1917 по 1990 год.

Во-вторых, непреходящей заслугой Канта является превращение теории познания (точнее, эпистемологии, *основателем* которой он является) в *важнейшее* содержание и, соответственно этому, *гносеологический императив*: исследовать внутренние основания знания, научного знания прежде всего. Последовательное проведение этого принципа исключает всякий догматизм и, следовательно, догматизацию любых достижений науки.

В-третьих, Кант вскрыл *категориальную* (значит, предшествующую любому *наличному* опыту) структуру любого эмпирического знания. Кантовский априоризм есть *теория опыта*, и в этом его безусловное оправдание.

В-четвертых, Кант исследовал *субъективные* формы познания, т. е. рассматривал пространство и время как априорные созерцания, причинность и другие категории, как априорные понятия рассудка. Такое исследование, несомненно, необходимо и в том случае, если мы, материалисты, не ставим под вопрос объективную реальность пространства, времени, причинности и т. п.

В-пятых, Кант убедительно обосновал необходимость «республиканизма», понимая его как разделение властей безотносительно к форме правления. Он как бы предвосхитил тот факт, что современные монархии (Великобритания, Нидерланды, Дания, Норвегия и т. д.) являются наиболее демократическими государствами. Не меньшей заслугой философа является доказательство безусловной

необходимости мира между народами, прекращения войн, которые, как показал он рано или поздно вследствие совершенствования вооружений станут настолько большой угрозой для существования человечества, что от них придется отказаться.

Много и другого в учении Канта, имеющего великое, непреходящее значение, но и сказанного пока достаточно.

ОЙТТИНЕН В.

В моральной философии Канта есть идея, которой уделяется меньше внимания, чем она того заслуживает, и поэтому я упомяну ее в первую очередь. Речь идет о кантовском тезисе, сформулированном в начале первой главы «Основоположения к метафизике нравов» (1785), что в мире нет ничего, что может рассматриваться как безусловно доброе, кроме доброй воли. Это ответ Канта на старый вопрос о «высшем благе», *summum bonum* древних. Добрая воля, подчеркивает Кант, добра не из-за материальных выгод, которые она может принести, и не потому, что она может быть полезной для достижения каких-то более отдаленных целей, а исключительно в силу самой этой воли, т. е. сама по себе. Значит, она есть абсолютное благо. Старое онтологическое понятие Совершенного бытия превращается здесь в «коперниканском» духе в нечто субъективное. Но это не делает высшее благо произвольным, наоборот, моральный закон вынуждает наше поведение не меньше, чем законы природы.

Всеобщее значение этой кантовской идеи состоит в том, что в принципе абсолютной Добрай воли содержится глубокая критика утилитаристского мировоззрения и альтернати-

ва последнему. Едва ли нужно подчеркивать, что глобальные проблемы нашей эпохи не могут быть решены на основе зауженных утилитаристских представлений. Хотя кантовскую этику, и по праву, упрекали в формализме, сама идея того, что доброе не просто дано нам (как предполагало старое онтологическое понятие Блага), а зависит от осуществляющей его активности субъекта, на мой взгляд, актуальна сегодня так же, как и во времена Канта.

ПАЙПЕР А.

Если говорить о всеобщем и непреходящем значении, то его имеют многие идеи Канта. Я сконцентрируюсь на тех, которые оказались наиболее плодотворными лично для меня.

(а) Во-первых, это идея о том, что рационально когерентное Я конституируется логически когерентной, установленной на «аппаратном» уровне системой понятий, структурирующей его когнитивные способности и таким образом обеспечивающей ему самосознательный доступ к его собственному опыту и внутренним состояниям. Это теория, которую только начинают по достоинству оценивать современные ученые-когнитивисты.

(b) Во-вторых, это идея о том, что аномальные объекты и события, т. е. такие, которые не могут быть идентифицированы в терминах подобных понятий, вообще не могут быть осознаны; или, если они все же осознаются, то «не дотягивают даже до уровня сновидений». Это фундаментальная идея, на которой базируется фрейдовская теория бессознательного, а также теория Томаса Куна о смене парадигм в естествознании. Я считаю, что она очень важна для понимания феномена ксенофобии и

что со временем она внесет вклад в понимание психоза и социопатии в целом.

(с) В-третьих, это идея о том, что разум порождает всеохватные первопринципы высшего порядка, которые, в идеальном случае, объединяют и объясняют все низкоуровневые данные познания и опыта. Это объясняет связь между рациональностью и психологической цельностью, поскольку в идеальном случае подобные принципы структурируют предельное единство и когерентность опыта субъекта, а значит и предельное единство и когерентность самого субъекта. Она также устанавливает стандарт для научных процедур, требующих от ученого той же внутренней цельности в профессиональном поведении и поставленных целях, которая должна быть достигнута в формулируемых объяснительных теориях высокого порядка.

(d) Наконец, это кантовская идея о том, что сама способность к саморегуляции в соответствии с критериями теоретической когерентности, полноты и цельности делает нас свободными и морально ответственными. Кант отождествляет наше стремление к всеобщности в принципах, руководящих действиями, с одним из подклассов нашего стремления ко всеобщности в принципах, от которых зависят события в более общем плане. Эта общая предрасположенность к всеохватной полноте в нашем мышлении как относительно наших действий, так и относительно других событий подталкивает к выводу, что никакое «смягчающее обстоятельство» теоретически не может находиться за пределами нашего самосознания, и поэтому ни одно подобное обстоятельство не может в итоге ограничивать нашу

моральную ответственность за действия, которые, предположительно, были определены им.

ПАЛМКВИСТ С.

Зрелая философия Канта (начиная с 1781 года) образует некое систематическое целое, полагание одной-единственной идеи в самых разных аспектах и с множеством импликаций и приложений. Дабы в полной мере осознать непреходящее значение этой идеи, мы должны в равной степени ценить все части этого целого, хотя Кант объяснял и отстаивал некоторые из этих частей более ясно и убедительно, чем другие. Объединяющей доминантной идеей Канта является идея коперниканского переворота (т. е. трансцендентальная перспектива, согласно которой субъект определяет объект, а не наоборот). При надлежащем ее понимании теоретическая философия Канта (особенно парадокс трансцендентального идеализма / эмпирического реализма) предстает в качестве импульса к научным революциям последних 150-и лет; кроме того, эта идея позволяет нам рассматривать практическую философию Канта (особенно свободу и моральный закон) в том свете, в котором она согласуется с абсолютно современным и даже экзистенциальным осознанием культурного плюрализма; и она позволяет нам уяснить более глубокие импликации различных аспектов его критической философии (особенно его теорию прекрасного и целесообразности природы, силу религиозности и путь к вечному политическому миру). Идеи Канта до 1781 года имеют значение главным образом потому, что они проясняют эволюцию его мысли; если бы

Кант умер в 1770 году, то, в лучшем случае, лишь некоторые из его идей вызывали бы более чем исторический интерес в наши дни.

ПЛОТНИКОВ Н. С.

К таким идеям, на мой взгляд, относится (пере)открытие трансцендентального измерения сознания, т. е. некоей структуры субъективной деятельности (в познании, волеии и чувствовании), которую нельзя свести ни к эмпирическим свойствам данной фактичности, ни к физическим (в частности, психофизиологическим) событиям, происходящим в человеческом индивиде, ни к социальным отношениям. Именно это измерение впервые делает возможным приведение нашего опыта мира к консистентному единству и придание ему смысла. Кроме того, в этом трансцендентальном измерении лежит источник *автономии* человеческих действий, при помощи которой может быть обосновано понимание практической жизни как свободной и самостоятельно определенной деятельности. При отсутствии этих качеств свободного причинения человеческое действие, по выражению Канта, напоминало бы «вертел», «который, будучи однажды заведен, движется сам по себе». Поскольку в наши дни слышны призывы признать мысль об автономии иллюзией — к чему подталкивают успехи нейронауки, — это кантовское предостережение является очень актуальным.

ПОЛЛОК К.

В первую очередь те, которые он разработал между инаугурационной диссертацией (1770) и «Спором факультетов»

(1798), и среди них, в частности, следующие: (1) после 1781 года («Критика чистого разума») философы больше не игнорируют (дабы не выставить себя на посмешище) теоретико-познавательную концепцию, согласно которой наш образ мира существенно сформирован понятийными требованиями, которые должны быть выполнены, чтобы вообще можно было говорить о познании. (2) В 1784 году («Что такое Просвещение?») Кант напомнил нам, что определение человека есть его самоопределение и что, следовательно, ни одна личность не может избежать собственной самостоятельности (дабы не пришлось говорить, что она сама автономно лишает себя самостоятельности...). (3) В 1785-м («Основоположение к метафизике нравов») и в 1788 годах («Критика практического разума») Кант объяснил, почему даже от «самого ужасного злодея» (дабы не платить невозможно высокую цену отрицания его личностного статуса) мы вправе ожидать ответа — каким бы он ни был — на вопрос, почему он посягнул на свободу других людей без их согласия. (4) После 1790 года («Критика способности суждения») мы должны быть убеждены, что красота есть не свойство, которое может быть присуще чувственным объектам, а интеллигентная радость чувственно аффицируемых субъектов с соответствующими притязаниями на значимость к себе подобным. (5) После 1795 года («К вечному миру») и окончательно после 1797 года («Учение о праве») должно было стать очевидным, что жизненное пространство людей замкнуто и что вследствие этого они должны организовать свое сосуществование по принципам взаимного уважения (см. также пункт (3)); наступательные войны не соответствуют подобным принципам. (6) В 1798 году

1.7

(«Спор факультетов») Кант с одобрением, но вместе с тем, возможно, и предостерегая, указал нам, что, хотя философия и может быть служанкой прикладной науки, ей подобает не тащить шлейф за своей милостивой госпожой, а нести перед ней факел.

(7) Кант продемонстрировал, что физическая география может быть любопытной и даже интересной, но что она не имеет отношения к главнейшим устремлениям философии.

РЕДДИНГ П.

В XX столетии явная натуралистическая тенденция большей части англоязычной философии порой наталкивалась на критику определенного типа, подчеркивавшую «нормативный» характер центральных понятий философии, и эта критика многим обязана Канту. Очевиднее всего это, пожалуй, в моральной философии, но применимо и к эпистемологии. Так, «интернационалистская» критика разного рода эпистемологического натурализма конца XX века была эффективно смоделирована в «Критике чистого разума» критикой Кантом «физиологического» подхода Локка к познанию.

Хотя подобные споры нередко имеют технический характер и ведутся в основном в академических кругах, вопрос о том, каким образом человеческое поведение и исследование могут быть субъектом норм без представления о каком-либо божественном законодателе, несомненно, является одним из самых глубоких вопросов, стоящих перед современными людьми. Для меня всеобщим и непреходящим в кантовской философии оказалось именно то, что она показывает, каким образом можно ставить и обсуждать подобные вопросы о месте норм в секулярном мире.

РЕКИ Б.

(1) Коперниканский поворот с его сосредоточенностью на условиях возможности существования, находящихся в субъекте: благодаря нему мы осознали, что в нашей собственной интеллигенции, наших духовных действиях заложены основания наших притязаний на значимость; с этим связано и методическое осознание того, что вещи всегда даны нам так, как они являются нам сообразно нашему устройству. (2) Понятие свободы и фундирование морали на понимании, что, будучи правильно истолкованной, наша свобода связана с нормативным требованием разумного поведения. (3) Определение мира как цели всякой разумной политики. (4) Постулат прогресса: понимание того обстоятельства, что мы можем действовать только при предположении исторического прогресса. (5) Теория эстетических чувств; размышление о значении прекрасного для нашего разумного понимания самих себя и своего отношения к миру.

РОДЕН В.

Некоторое время назад я был в Кенигсберге, сегодняшнем Калининграде, где имел беседу с одним из преподавателей тамошнего университета, в котором учил и Кант, и этот преподаватель сказал мне: «Канта изучают в Бразилии, ну и экзотика». Он, стало быть, рассматривал Канта как феномен его времени, его страны, его культуры, и в таком случае людям, живущим за пределами этого культурного круга (греч. *exotikos* = иноземец), собственно, было бы нечего делать с Кантом. Тогда идеи Канта не имели бы действительно всеобщей и непреходящей ценности, и заданный вопрос, по сути, был бы лишен всякого смысла.

Но почему же во всем мире люди занимаются идеями Канта? Просто потому, что он может сообщить нам какие-то факты о Пруссии того времени? Насколько мне известно, Кант, в отличие, к примеру, от Юма, который писал об Англии, не оставил ни географических, ни исторических книг о Пруссии. Тем не менее мы интересуемся Юмом и Кантом, но не по эмпирическим основаниям, а чтобы исходя из некоей эпистемологической установки получить возможность вынести решение о том, какой из этих мыслительных подходов является более точным по сути и плодотворным. В «Критике чистого разума» Кант настолько критично и фундаментально продумал основы познания, что определил этим будущее всей позднейшей философии, т. е. он открыл «критический путь» лишь для того, чтобы оставить его открытым. Если мы захотим философски автономно помыслить будущее, то первая «Критика» Канта, так же как раньше философия Платона, должна послужить нам чем-то вроде алфавита, т. е. мы должны научиться творчески трансформировать его.

Хотя Кант, выходит, и видел-то только свой город да Балтийское море неподалеку, его дух демонстрирует широту мышления, в точном соответствии с максимой из сорокового параграфа «Критики способности суждения», где идет речь о том, что надо мыслить не только самостоятельно, но и ставя себя «на место каждого другого». Критическая позиция Канта сводится здесь к тому, что разум есть не только активное «самостоятельное мышление», но также последовательное и, самое главное, свободное от предрассудков мышление, т. е. не обусловленное идеологией или ситуацией. В качестве рефлексивного

и свободного разум является по своей сущности универсальным и автономным и только поэтому и называется таковым.

Отсюда следует, что эта философия отождествляет себя с «точкой зрения человечества». Ее этика есть критическая этика, которая позволяет и предписывает нам вести себя универсально-человечески в смысле Теренция: *Homo sum: humani nil a me alienum puto**. Мы все связаны друг с другом и, соответственно, должны всерьез разумно принимать это *conditio*** всеобщего братства.

РОЗЕФЕЛЬД Т.

Выбирая одну из многих: идея, что суждения имеют теоретическое первенство над единичными представлениями.

РОРТИ Р.

Я думаю, что просвещенческий идеал индивидуальной свободы, разделяемый Кантом наряду со многими другими фигурами XVIII столетия, — это тот идеал, который должен получить распространение во всем мире и укорениться в сердцах всех людей, и не потому, что он основан на разуме, как полагал Кант, а потому что его усвоение значительно увеличит счастье людей. Но я не считаю, что какая-либо из идей «Критики чистого разума» Канта имеет универсальное значение. Теоретическая часть его философии основана на картезианском понятии психики, которое надо скорее отбросить, чем освежить.

* Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (лат.).

** Условие (лат.).

СИНГЕР П.

Вначале я хочу сказать, что, поскольку я занимаюсь этикой, я буду отвечать на все Ваши вопросы, сосредоточившись на идеях Канта из этой области.

Исходя из этого, я считаю, что самое общее и долговременное значение имеет идея Канта о том, что когда мы действуем этически, мы должны действовать по всеобщей максиме, или универсальному принципу. Конечно, эта идея была не нова для Канта — она восходит по меньшей мере к стоикам. Более того, ни кантовская формулировка этой идеи, ни его использование последней в четырех знаменитых примерах его «Основоположения» не являются верными. Предположим, что мне не нравится ездить на электричке на работу по утрам в час пик из-за того, что приходится стоять. Поэтому я решаю так организовать свое рабочее время, чтобы я мог ездить после часа пик. Могу я желать, чтобы это было всеобщим законом? Очевидно, что нет, поскольку в идее того, что каждый ездит после часа пик, имеется противоречие.

Тем не менее идея о том, что этическое действие предполагает готовность к универсализации, включает в себе нечто истинное и важное. Р. М. Хэйр в своих книгах "Freedom and Reason" и "Moral Thinking" сформулировал это лучше, чем Кант. Для морального оправдания моих действий должно иметься описание того или иного определенного действия, сформулированное во всеобщих терминах, т. е. без какой-либо отсылки к конкретным индивидам. Далее, я должен желать предписания того, чтобы действие, выраженное подобным образом, было исполнено. Так, я могу сказать: «Всякий вправе организовывать свое рабочее время так, чтобы ездить на работу тогда, когда транспорт не переполнен».

Это утверждение допускает трактовку в качестве всеобщего, т. е. оно не содержит отсылки к конкретным индивидам, и я с готовностью могу использовать его как всеобщее предписание, хотя оно и не является всеобщим законом в кантовском смысле.

СОКОЛОВ В. В.

В моем понимании Кант — самый обстоятельный классик субъект-объектной парадигмы философии, наиболее адекватной ее предмету. Его так называемая «дуалистическая позиция» в эпистемологии и онтологии, которая в течение многих лет яростно опровергалась в марксистской философской историографии (особенно в советской, которая в «конечном итоге» объявляла ее идеалистической), в принципе должна быть признана совершенно обоснованной, ибо, как ни крути, человек остается раздвоенным, телесно-духовным, эгоистичным существом, с одной стороны (преобладающей и прогрессирующей в ходе истории?), и духовно-телесным, с другой (и каков прогресс здесь?). Так или иначе гносеологическая и эпистемологическая компонента кантианства остается наиболее основательной и значимой за всю историю философии. К тому же она ориентирована на выявление и обоснование определяющих аспектов духовности человеческого существа.

СОКУЛЕР З. А.

Это, как мне кажется, прежде всего идея о том, *что мышление совсем даже не тождественно бытию* и что, следовательно, *существуют пределы чистого разума* в постижении бытия. Таким мне видится основной пафос критической фи-

лософии. Отсюда вытекает многое другое, прежде всего, самоограничение спекулятивного порыва и требование постоянной критической рефлексии над любыми продуктами нашей спекулятивной деятельности, чтобы проверить, не пытаемся ли мы выйти за пределы возможностей чистого разума.

Далее, идея о том, что познание есть конституирование объекта, которое достигается *совместной работой чувственности и рассудка*. Признание этого означает, опять-таки, самоограничение *чистого* разума.

Наконец, хочу подчеркнуть непреходящее значение кантовского разграничения теоретического и практического разума, дополняющееся признанием автономии практического разума и *его права* выходить за пределы спекулятивного. Это, опять-таки, опирается на идею границ чистого разума, соответственно, необходимость аскетического самоограничения спекулятивного полета мысли. Одновременно именно в этом разграничении и открывающейся тут перспективе различных модусов полагания разумом своих объектов мне видится основной вклад Канта в последующее развитие метафизики. Я имею в виду, что возродившаяся в XX веке метафизика стала учением не об умопостигаемом, а об экзистенциалах человеческого существования.

СТРАУД Б.

На мой взгляд, всеобщее и непреходящее значение имеют *все* кантовские идеи. Кант был одним из самых глубоких, пронизательных и новаторских мыслителей в истории человеческого рода. Нельзя заранее сказать, какую пользу можно было бы

извлечь из детального исследования его суждений и их причин. Большую ценность может иметь даже исследование того, в чем, согласно широко распространенным в наши дни убеждениям, он был не прав, особенно если мы ясно понимаем источники его заблуждений и реальную силу обстоятельств, толкнувших его на них. Но если речь идет о том, какие учения Канта имеют наибольший шанс оказаться правильными и поэтому сохраниться среди вечных истин, которые на своем долгом пути в конце концов откроет философия, то я могу лишь сказать, что я не считаю такой вопрос адекватным или плодотворным способом оценки значимости творчества великих философов.

СТРЕЛЬЦОВА Г. Я.

(1) Кант дал теоретическое обоснование функционирования научного знания в Европе почти за 2,5 тыс. лет. Он прощательно подметил эмпирический базис науки, почему и «открывает» свою «Критику чистого разума» Трансцендентальной эстетикой. Научное знание начинается с опыта, но не опытом заканчивается. Здесь нечего возразить Канту. Он дает наиболее приемлемый синтез чувственного и рационального знания, отвергнув как односторонний рационализм (в духе Декарта), так и однозначный сенсуализм (в духе Локка). Четко дифференцируя роль чувств («мысли без чувств пусты») и рассудка в познании («чувства без мыслей слепы»), Кант начисто лишен «дурной редукционистской тенденции» сводить одно к другому, как то нередко имело место в европейской метафизике. Определив каждой из «способностей души» свое уникальное место в познании, Кант лучше других понял органическую

связь (а не механическую, как у Гоббса, например) между ними, введя проблему «схематизма» (роли «чувственных понятий» или «обобщенных чувств») в качестве «теоретического моста» между чувствами и рассудком. После Канта указанный выше «редукционизм» выглядит по меньшей мере нелепо. (Как у неокантианцев марбургской школы с их «логическим идеализмом», оставивших «за бортом познания» вместе с «вещью в себе» и чувственность, и чувственное созерцание, и вообще трансцендентальную эстетику Канта).

(2) Между тем нельзя не согласиться с Шопенгауэром, который считал трансцендентальную эстетику «алмазом в короне Канта», выброшенным в «навозную кучу» его продолжателями. Кантовская трактовка интуиции как «чувственного созерцания» противостоит всей рационалистической традиции в ее понимании интуиции как интеллектуальной, по существу ошибочном, но весьма популярном до сих пор как в философии, так и в психологии. На мой взгляд, «интеллектуальная интуиция» — нечто вроде «круглого квадрата» и отнюдь не свойственна человеку. Прав Паскаль, считавший интуицию прерогативой не разума, но сердца, то есть чувственной по своей природе и сущности, а не интеллектуальной. Прав и Кант, еще более основательно доказавший, что «интеллектуальное созерцание» ни в коей мере не может быть присуще человеческому существу, но лишь «первосущности» (Богу). Человеку же доступно «чувственное созерцание». Здесь Кант опять отходит от традиционного европейского рационализма, в чем его непреходящая и до сих пор по достоинству не оцененная заслуга.

(3) Кант четко отделил сферу философского знания от научного, по-своему трактуя функции разума и рассматривая его как особую философскую способность души, которой всегда тесно в пределах опыта (то есть в пределах научного синтеза), и поэтому разум стремится выйти за пределы любого возможного опыта и улететь мыслью в «умозрительные дали», где его притягивают такие Абсолюты, как Душа, Мир и Бог. Как сциентист, он уверен в возможности создания «научной философии», не признав таковой традиционную европейскую метафизику, но, по сути дела, у него философия начинается там, где кончается наука. И это замечательно! Пора философии прекратить претендовать «быть наукой» — пора ей стать «собственно философией», то есть особой духовной дисциплиной, имеющей своим предметом «сверхнаучные предельные основания» (по В. Соловьеву, «верховные начала») бытия и познания, или подлинные Абсолюты (онтологический, гносеологический, этический, эстетический и др.). И здесь вполне уместна кантовская «вещь в себе» как «предельное понятие», как искомый Абсолют во всех его ипостасях, который влечет философский ум человека как Идеал познания («горизонт вдали»), всегда притягательный, но никогда не достижимый.

СТРОСОН П.

При надлежащей интерпретации как учение Канта о формах созерцания, так и его представления о категориях субстанции и причины имеют непреходящее и универсальное значение.

ТЕИС Р.

Современная философская мысль *фрагментарна*, и в ней нет доминирующей парадигмы. Принимая это в расчет, представляется сложным ответить на вопрос, касающийся пригодности, а также всеобщей и непреходящей ценности идей того или иного философа, в данном случае Канта. Можно констатировать, *с исторической точки зрения*, что основные идеи Канта определяли в течение долгого времени философскую мысль: понятие априорного и его импликаций в том, что касается теории опыта на уровне теоретической философии; тезис об автономии разума и безусловного императива на уровне практического разума; идея мировой республики на уровне практической мысли. Речь идет об отдельных положениях, которые, более того, принимались не в статической, безусловной манере, а стали своего рода ферментами для последующих философских разработок.

Предпочтительнее говорить не о непреходящей ценности некоторых «философем» Канта, но, скорее, о *некотором типе мысли*, который открыл Кант и который может функционировать универсально, а именно *тип критической рациональности, который можно развивать бесконечно*.

ТИММЕРМАН Й.

Моральная и политическая философия Канта, прежде всего идея, что свобода при ее правильном понимании должна подчиняться формальным, универсальным ограничениям. Об этом стоит помнить в мире, который, пожертвовав личной ответственностью, кажется, помешался на планах, целях

и задачах, почти не беспокоясь о том, каким образом достигаются эти результаты.

ТРОПОЛЬСКИЙ А. Н.

Мне представляется, что это те идеи, которые хотя и четко высвечивают недостатки философии как области познания, все же убедительно обосновывают необходимость этой области знания для человека. Во-первых, это идея важности метафизики для достижения человечеством предельно общего взгляда на мир. Далее, идея принципиальной незлиминируемости из человеческого мировоззрения метафизики, что подтверждается развитием современной науки и философии (см. работы У. Куайна, Х. Патнэма, Р. Рорти, Н. Решера, Б. Страуда, В. Н. Тростникова, В. Д. Захарова). В-третьих, идея невозможности не только доказательства, но и опровержения существования Бога средствами экспериментального естествознания и различения в связи с этим информации о мире в статусе знания либо веры при одновременной позитивной оценке важности религиозного мировоззрения в стратегическом поведении людей. Наконец, идея необходимости предъявления аргументации при утверждении тезисов о существовании и свойствах метафизических сущностей.

ТУШЛИНГ Б.

Как я уже отмечал в этот год памяти Канта в своих докладах в Калининграде, Москве и Вроцлаве, коперниканская революция Канта в философии, как мне представляется, породила три незывлемые идеи, имеющие вследствие этого «всеобщее и не-

преходящее значение». Они таковы. *Во-первых*, идея Я, *первоначально-синтетического единства апперцепции* как «трансцендентального основания» всякой объективности (КЧР А 106f., КЧР В § 17/18, В 136ff, особенно В 137f. и 139f.), законодателя природы (КЧР А 126f.), основания единства природы (КЧР А 125–128), т. е. основания объединения всех предметов как явлений в один мир, один универсум; *во-вторых*, идея *права* как идея *свободы* и ее совместимости со свободой всех (МН, Введение в учение о праве §§ В и С, в Kant, AA 6: 230.24–31 и 231.10–18), т. е. идея *arbitrii объединенной воли всех* (Учение о праве §§ 14 и 15, 6: 263.19–30 и 264.17–22), которая есть *всеобщая воля* (Учение о праве § 8, 6: 256.8–10) давать самой себе *всеобщий закон свободы* (Введение в учение о праве §§ В и С, 6: 230.25f, 29f. и 231.10–18), создавать *человеческое право публичными принудительными законами*, определять и гарантировать посредством этих законов *каждому свое* и таким образом осуществлять *справедливость* (О поговорке..., 8: 289.26–28); *в-третьих*, идея *всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* (8: 17–31) как назначения человеческого рода, т. е. как задачи людей реализовывать свою *свободу* не бескультурно, варварски и насильственно, а *во всеобщем правовом гражданском обществе* (там же, пятое положение, 8: 22.6–8), причем *во всемирном масштабе* и так, чтобы право, справедливость и «высшее политическое благо», вечный мир, обрели реальность в *системе всемирного гражданского права* (Учение о праве § 62 и «Заключение», 6: 352–355). Первая идея, идея субъекта как основания всякой объективности, как высшего условия возможности опыта и всех его предметов, мира явлений, сохраняет свое значение даже и в том

случае, если ставится под вопрос теория пространства-времени трансцендентальной эстетики и систематика понятий и основоположений чистого рассудка. Ведь даже если усомниться в кантовском «доказательстве» закона причинности во «Второй аналогии опыта» (В 232ff.), можно и даже нужно признать успешным опровержение Кантом Юма, или его «разрешение юмовской проблемы в самой широкой ее постановке (а именно в «Критике чистого разума»)» (Пролегомены, Предисловие, 4: 261.6–8). В самом деле, опровергая Юма, Кант доказал невозможность опыта как набора разномастных впечатлений или перцепций, а именно его невозможность при предположении, что человек, как утверждает Юм, есть не что иное, как «*связка или собрание различных перцепций*», «которые с непостижимой быстротой сменяют друг друга и находятся в постоянном потоке и движении» (Юм. Трактат о человеческой природе. Кн. I, часть IV, глава VI о личном тождестве). В диаметрально противоположность этому Кант показал, что не только опыт и его предметы вообще, но и каждая отдельная перцепция, эмпирическое созерцание и восприятие могут получать существование лишь при предположении того, что субъект, т. е. «синтетическое единство сознания» «тождественного Я», отброшенное Юмом как метафизическая иллюзия в контексте цитированных выше тезисов, есть высшее условие всякого познания (КЧР В 136–138). Это тождество, первоначальная спонтанность субъекта и его способность объединять все эмпирически данное ему многообразие чувственности в первоначальном единстве своего самосознания, есть условие возможности каждой отдельной перцепции и ее непрерывной связи в системе восприятий, т. е. опыта и его предметов. Это оз-

начает, что тождество, спонтанность и первоначально-синтетическое, или трансцендентальное, единство самосознания суть условия того, что мы вообще можем эмпирически созерцать, воспринимать и познавать предметы; кроме того, «то сплошное тождество самосознания» (В 135) составляет условие, «под которым должно стоять всякое созерцание, *чтобы сделаться для меня объектом*» (В 138).

Таков незыблемый итог кантовской коперниканской революции в теоретической философии, и он имеет *«всеобщее и непреходящее значение»*. Является ли столь же незыблемым и поэтому тоже имеющим *«всеобщее и непреходящее значение»* и результат кантовского «переворота в образе мышления» в практической философии — обозначенный выше как вторая и третья идеи, — еще не столь очевидно. Но дело вовсе не в ошибке Канта, а в том, что реализация *человеческого права по публичным принудительным законам и всеобщего правового гражданского общества во всемирно-гражданском плане*, как *«великая проблема человеческого рода»*, есть постоянная задача для всех нас. Удастся ли нам или будущим поколениям разрешить ее, еще предстоит увидеть. Причину, по которой в конечном итоге этого может так и не произойти, Кант, правда, не замечал, а возможно, и не мог заметить: то, что он называет *«антагонизмом необщительной общительности»* («Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», четвертое положение, 8: 20.27–33), есть антагонизм, внутренне присущий гражданскому обществу и постоянно воспроизводящий войну всех против всех, отрицание «высшего политического блага», вечного мира. Это надо показывать при ответе на второй вопрос.

УАРД Э.

Самый важный вопрос из поднятых Кантом — «как возможны априорные синтетические суждения?». Его убеждение в том, что в основании наших познавательных притязаний, признания моральных обязательств, а также наших утверждений о прекрасном лежат суждения, являющиеся необходимыми и синтетическими, равно как и его попытка объяснить, как могут быть обоснованы такие суждения, сохраняют свою притягательность и важное значение.

УАТКИНС Э.

Многое может быть сказано в поддержку (как, кстати, и против) каждого из основных моментов теоретической философии Канта (метафизика, эпистемология, философия науки, философия математики и т. д.), практической философии (нормативная этика, мета-этика и т. д.) или эстетики (формализм), так как в каждом случае Кант артикулировал принципиально новую философскую позицию и изобретательно обосновал свои положения. Вместе с тем я склонен считать, что самое что ни на есть непреходящее значение имеет методологический или метафилософский аспект, касающийся того, как вообще следует выстраивать философию. Кант предлагает нам оригинальную (трансцендентальную) модель создания всеохватной и систематической картины мира, всерьез принимающую как его сложную и противоречивую историю, так и требования к ней, одновременно исходящие из самых разных областей (наука, здравый смысл, множество собственно философских интересов и т. д.).

УИЛЬЯМС Х.

Непреходящее значение, на мой взгляд, имеют все главные идеи Канта. Даже там, где он неправ, он заставляет нас мыслить. Вот некоторые идеи, которые я ценю больше всего.

Примат практического разума. Мы так привыкли мыслить о познании исключительно в фактуальных эмпиристских терминах, что кантовская акцентировка роли, играемой знанием в наших моральных размышлениях, и его гипотеза о том, что знание в этом контексте более надежно, являются полезным противоядием нашим обычным воззрениям. Хотя современные этики чтят моральную философию Канта, эту сторону его мысли еще предстоит оценить в полной мере. Я считаю, что объективные стандарты могут быть востребованы для практических размышлений и развернуты в них.

Антиномии чистого разума. Я убежден, что мы можем быть слишком претенциозными в нашем применении теоретического разума, и в свое время кантовская «Критика чистого разума», как указывал Мендельсон, подорвала множество экстравагантных претензий прежней метафизики.

Кантовская концепция свободы. У него была очень систематичная концепция свободы, переходящая из теоретической в моральную и политическую философию. Сердцем этой концепции является идея царства целей, и эта идея кажется мне очень убедительной.

Если говорить о моей специализации, т. е. о политической философии, то кантовское *понятие собственности* создает здесь базу для основательной критики как догматического коммунизма, так и либертарианского капитализма. Его понимание

связи *внутренней и международной политики* является подлинно пророческим, а его картина вечного мира показывает, как можно согласовать утопизм и реализм. Недооцененной частью его политической философии является концепция политических изменений, которые, как он считает, лучше всего проходят через *метаморфозы*. Эта метафора полезна как альтернатива метафоре революции, чаще используемой в политической теории и практике.

ФИШЕР П.

По прошествии 2500 лет мы все еще читаем и интерпретируем сочинения Платона и Аристотеля. Мне кажется, что сочинения Канта — того же ранга. Поэтому я хотел бы сказать не только о всеобщем и непреходящем значении отдельных идей Канта, но и о том, что сохраняет значение вся проделанная им работа. И для понимания философии Канта очень важно соотноситься с ней в целом.

Некоторые аспекты его работы заслуживают, впрочем, особой акцентировки. Прежде всего это касается трансцендентального метода, без которого уже немыслим канон философских методов. Кроме того, Кант установил четкие стандарты философствования — тем, что провел грань между познаваемым и только лишь мыслимым; различил благоразумие и мораль и сформулировал на этой основе категорический императив, а также проанализировал подлинно моральную мотивацию в уважении к нравственному закону, включающему уважение к себе как разумному существу; и показал различие между рефлексивным вкусом, лежащим в основании суждений о прекрасном и

возвышенном, и чувственным вкусом, на котором базируются суждения о приятном. Этим Кант обусловил систематику и дальнейшее развитие главных философских дисциплин.

В сегодняшних дискуссиях и в обозримом будущем важную стимулирующую роль должны также играть идеи Канта из области политической философии и философии права: достаточно вспомнить образ «морального политика», предвосхищающий образ ответственного этика (!) Макса Вебера, и сформулированный в той же работе «К вечному миру» принцип публичности в политике.

ФЛАМАРИК Л.

(а) После «трансцендентальной дедукции категорий» мы научились распознавать «трансцендентальные аргументы», лежащие в основе всякой метафизики. «Трансцендентальная дедукция» позволила нам осознать природу философских аргументов.

(b) Кантовское понятие «отрицательной свободы» как независимости от естественных причин есть важный инструмент для избегания натуралистических объяснений того, что значит быть человеком. Кантовское понятие «достоинства» как чего-то противоположного простой «цене» являет собой мощное проникновение в существо морали. Но это не означает, что Кант полно или совершенно беспрепятственно разработал оба этих понятия.

ХАЙДЕМАН Д.

Всеобщее и непреходящее значение кантовских идей заключено, на мой взгляд, с одной стороны, в теоретической,

с другой — в практической философии. В теоретической философии заслуга Канта в том, что в анализе человеческой познавательной способности он указал на принципиальную ограниченность человеческого познания, причем не в тотальном стиле всеобщей критики метафизики, а посредством конкретной разработки четко понятийно специфицируемых рамок условий познания. Это критическое ограничение познания являет собой — пусть и по большей части невысказанную — интуицию, порвать с которой в наши дни решаются, по-видимому, лишь редкие философы. В практической философии непреходящее значение могли бы иметь, во-первых, понятие свободы, а во-вторых, непосредственно связанный со свободой моральный принцип, категорический императив. Несмотря на все трудности с доказательствами, Канту удалось показать систематическую связь свободы — в ее теоретической возможности как предмета мысли — и принципа практического действия. На уяснении этой связи базируются фундаментальные концепты нашего морального, правового, политического и социального самопонимания, а именно автономия, достоинство, права человека, демократия, справедливость.

Этим Кант сущностно определил современный просвещенный образ человека, который, при всей его хрупкости и разного рода критике, несокрушим в своей сути.

ХАУЭЛ Р.

В центре теоретической философии Канта — идея, что наше априорное познание объектов касается только того, «что мы сами вкладываем в» эти объекты. Эта идея связана с особой

концепцией a priori и априорного знания синтетических суждений. Далее Кант развивает эту идею как некую разновидность онтологического идеализма относительно объектов познания. Исследования XX столетия показали, что мы должны переосмыслить его конкретные взгляды на дистинкции априорное / апостериорное и аналитическое / синтетическое. Пост-кантовские мыслители указывали также на серьезные недостатки его аргументов в пользу трансцендентального идеализма. Однако в основе указанной идеи заложен фундаментальный исследовательский проект, не зависящий от нюансов собственных воззрений Канта. Это проект исследования того, в какой степени мы обладаем базовым, структурированным знанием о мире, так или иначе ограниченным структурой нашего сознания и языка. Этот проект, инициированный Кантом, сохраняет свою перспективность. Более того, конкретные моменты, отмечаемые Кантом при разработке вышеупомянутой идеи, также поднимают фундаментальные, все еще открытые вопросы: о пространстве и времени, природе математического и физического познания, самосознании от первого лица, суждениях и возможности априорных категорий, природе объективности и причинности, а также о нашей способности достигать полного знания о целокупности фактов о мире. Эти вопросы надолго останутся плодотворными темами исследования. Я считаю, что конкретные ответы Канта на многие из этих вопросов, к примеру детали его трансцендентальной дедукции категорий, могут быть подвергнуты сомнению. Но глубина постановки этих вопросов, равно как и глубина новых проблем, порожденных его ответами, не имеют аналогов. Как показали пертурбации идей с 1804 года,

подобная глубина и влияние, несомненно, присущи также практической философии Канта и его эстетике.

ХЕНРИХ Д.

Основополагающая идея: надо пытаться уяснить источник разнообразных суждений и действий из них самих. И если затем понять еще и взаимосвязь этих источников, то может выявиться целое философского знания. Это справедливо также для этики и теории права.

ХЁСЛЕ В.

Величайшее открытие Канта — синтетические суждения *a priori*; с ним связана идея неэвдемонической этики и открытие автономии долженствования.

ХЁФФЕ О.

Главное значение имеет его многомерный космополитизм. Кант — образец подлинно философского космополита и тем самым интеллектуальный прообраз нашей эпохи глобализации. Во-первых, Кант космополит в том смысле, что, проявляя любопытство ко всему, что происходит в мире, как в мире политики, так и в мире науки и истории, он обретает необычайно широкие познания о мире. Именно поэтому он создает в высшей степени насыщенные эмпирическими данными тексты и даже может читать лекции по естествознанию. В еще более высокой мере он космополит потому, что в своей критической трансцендентальной философии он развивает мысль о важнейших составных частях всякой культуры, а именно о

знании, морали и праве, а также, не в последнюю очередь, о прекрасном и возвышенном, и хотя в историческом аспекте она имеет европейские корни, но из этих составных частей может вырасти глобализируемая, в равной степени значимая для разных культур философия: мы обязаны Канту космополитической философией, во-первых, знания, во-вторых, морали, в третьих, на ее фундаменте, всемирным, глобальным правовым и пацифистским порядком и, наконец, прекрасного в природе и искусстве.

ХИЛЛ Т.

В моем ответе будут упомянуты только идеи Канта из области моральной и политической философии. На мой взгляд, многие из этих идей, хотя и не все, имеют всеобщее и вечное значение. Говоря в общем, идеи Канта, касающиеся оснований моральной и политической теории, более значимы, чем его мнения по очень конкретным практическим вопросам. Среди последних (очень конкретных вопросов), к примеру, его абсолютный запрет на ложь, на участие в революциях и «неестественных» сексуальных действиях, а также его жесткие требования смертной казни для (практически) всех убийц, кастрации для содомитов и т. д. К числу его наиболее ценных идей по фундаментальным проблемам, на мой взгляд, относятся следующие. (а) Что на ряд основополагающих вопросов этической теории нельзя дать ответ при помощи эмпирических методов, к примеру на вопросы: «Какие концептуальные импликации и предположения заключены в общей идее долга или строгих моральных требований?» или «Основаны ли моральные принципы на каком-либо необходимом

принципе практического разума?». (b) Что поступок заслуживает особого уважения в моральном плане за проявленное в нем качество воли, только если он проистекает из решимости (или воли) личности поступать правильно. Обладание той или иной личностью этой решимостью, или доброй волей, есть нечто, что в практических целях предполагается скорее «зависящим от нее», чем «данным» ее природой и обстоятельствами. Но мы не можем быть уверены, кто именно наделен доброй волей, а кто нет. (c) Все люди обладают достоинством, чем-то вроде безусловной и несравненной ценности, и это следует принимать во внимание при любых размышлениях. (d) Моральные принципы следует представлять в качестве принципов, которые вызвали бы одобрение и уважение разумных автономных личностей (как в сообществе, так и в качестве индивидов), адекватно понимающих условия человеческого существования. (e) В стремлении к миру во всем мире желательно эволюционирование форм правлений в сторону республиканского идеала и появление международных федераций, но не мирового правительства, для развития сотрудничества и смягчения конфликтов. Есть и другие важные идеи, а все только что упомянутые требуют разъяснения.

ХИНСКЕ Н.

В области теоретической философии: различие Кантом основополагающе различных видов представлений, в частности созерцаний и понятий, эмпирических и априорных представлений, а также категорий (понятий об обусловленном) и идей (понятий о безусловном). Ср.: Hinske N. Zwischen Aufklärung und Vernunftkritik. Studien zum Kantschen Logikcorpus. Stuttgart-

Bad Cannstatt, 1998. Kap. VI: Kants Anverwandlung des ursprünglichen Sinnes von Idee.

В области практической философии: различие Кантом основополагающе различных видов деятельных указаний (императивов) и, соответственно, направляющего умения, советов благоразумия и повелевающей нравственности. Ср.: Schwaiger C. *Kategorische und andere Imperative. Zur Entwicklung von Kants praktischer Philosophie bis 1785.* Stuttgart-Bad Cannstatt, 1999. Оба различения проясняют, в чем, собственно, состоит работа мысли. Можно считать потерянными того, кто после Канта не считает нужным учитывать эти различия.

ХУД К. Э.

На самом базовом уровне оказалась бы его идея о всеобъемлющих и обширных возможностях человеческого разума и его различных ролях в познании, метафизике, науке, эстетике и морали.

Ключевая идея, имеющая всеобщее и непреходящее значение в эпистемологии, метафизике и науке, — это идея об активной роли разума в порождении синтеза, который мы назвали бы научным знанием. В этой ключевой идее содержатся другие идеи, а именно ограниченности всякого подобного познания, необходимости математики в качестве языка любой науки и, в естествознании, идея того, что сущность материи состоит во взаимодействии сил. И хотя можно не соглашаться с тем, как Кант развивал, подавал и защищал данные идеи, сами эти идеи имеют всеобщее и непреходящее значение.

В эстетике ключевой идеей, имеющей всеобщее и непреходящее значение, является идея о сущностно рациональном характере художественного творения и оценки. В этой идее заключены кантовские идеи о различных рациональностях, присущих прекрасному и возвышенному, и идея эстетического суждения как основы идентификации всего, что может быть юнитом в какой-либо математической процедуре.

В морали ключевая идея, имеющая всеобщее и непреходящее значение, это идея сущности личности как разумной свободы, проявляющейся в автономии, способности разумного самоуправления, способности быть законодателем для самого себя. Эта фундаментальная идея подразумевает достоинство и ценность, внутренне присущие подобной разумной интеллигенции, право каждой личности на то, чтобы существовать, быть свободной и стремиться к счастью, причем делать это, руководствуясь исключительно универсализацией уважения к каждой личности как носителю разумной автономии, самоузаконенным ограничением, установленным разумной интеллигенцией в знак признания внутренней ценности и прав каждой личности. Эта разумная самозаконотворительная способность включает также идею необходимости создания сообщества, подходящего для межличностных отношений на индивидуальном, социальном и интернациональном уровнях, создания в конечном счете такого сообщества личностей, где может быть услышан и исполнен эдикт Разума: «Войны быть не должно». Этот набор идей наверняка можно оценить в качестве имеющего всеобщее и непреходящее значение.

ХЭН Р.

В этике непреходящее значение в сфере обсуждений морального поведения и его руководящих принципов обнаружил кантовская формулировка категорического императива. В эстетике дефиниция прекрасного как объекта незаинтересованного удовольствия тоже определяла дискуссии, проходившие в разных частях мира философов, художественных критиков и художников.

ЧЕРНОВ С. А.

Неистребимость метафизики как «естественной склонности» человека. Высшая значимость философии, ее необходимость для реализации существенных целей человечества. Прометеевско-коперниканская революция: спонтанность субъекта, глубина человеческой субъективности, творческая сила души в контексте конечности познающего субъекта и недостижимости «вещи в себе». Идея всеобщих формальных структур сознания как форм деятельности и условий возможности опыта; идея неявных субъективных условий всего, что сознается как «предмет»; идея «вещи» как «опредмеченного» интеллекта; значение единства сознания и синтеза многообразия. Существование «метафизических начал» науки. Нравственная автономия личности, достоинство человека как цели в себе, самоценность морали, ее «непостижимость» для науки (несводимость к познанию). Совместимость научного детерминизма с признанием свободы человека. Критика эвдемонизма, понимание свободы как автономии воли, как долга. Нравственная сущность религии. Автономия эстетического, принцип гения и свободной игры душев-

ных сил. Критика гениальничанья и модного легкомыслия в философии. Архитектоничность разума, целостность человеческого знания вообще, систематичность философии.

ШВАРЦ Г.

Всеобщее и непреходящее значение, на мой взгляд, имеют: кантовская идея практической свободы как абсолютной свободы; идеи нацеленности человека на божественное и божественной природы чистого практического разума; идея фундаментального самообмана человека, представляющего себе в качестве принципиально конечного существа. И как результат этого: идея субъективно необходимой, но ошибочной экскорпорации (проекции) человеческого разума к отличному от человека Богу; идея религии как отношения человека к самому себе, ошибочно истолкованного в качестве отношения к чему-то иному.

ШМИТЦ Г.

Теоретическая философия: прежде всего критика метафизики: из «одних лишь понятий», т. е. произвольно сконструированных допущений, нельзя получить знание о действительно существующем. Сюда относится и различие синтетических и аналитических суждений, которое пытался оспорить Куайн, но неудачно. Полезно и различие конститутивных принципов и регулятивных идей, а также определяющей и рефлектирующей способности суждения. *Практическая философия:* похвально то, что в качестве признака моральных норм Кант подчеркивает их обязывающую (независимую от произвола адресатов) силу. *Эстетика:* важней-

шим является учение об эстетических идеях, т. е. о неисчерпаемости интуитивной значимости понятийной вычиткой. *Телеология*: понятием целесообразности без цели Кант подготавливает Дарвина.

ШОНЕКЕР Д.

Кант сказал важные вещи во многих областях, и его теоретико-познавательные и критико-метафизические тезисы из «Критики чистого разума» по-прежнему важны для многих людей или по крайней мере оказывают стимулирующее влияние на них и кажутся им достойными размышления; в этом смысле список идей, фактически имеющих всеобщее и непреходящее значение, весьма обширен. Но если смысл вопроса в том, какие из его соображений я считаю верными, то список оказывается гораздо короче; и тогда я назвал бы его интенционализм, а также идею, что разумные существа есть цели сами по себе (хотя Кант ошибочно полагал, что ими могут быть только разумные существа).

ШОХИН В. К.

Говорить всерьез о том, в чем Кант преуспел, а в чем ошибался — значит предполагать, что мы расположились уже на таком ярусе философской рефлексии, что можем рассматривать результаты труда величайшего философа как бы сверху, с балкона, на что, как мне кажется, оснований у нас нет. Поэтому максимальное, на мой взгляд, на что мы можем претендовать, — это как-то выразить, что нам лично у него больше

нравится, а что меньше, не претендуя на вынесение вердиктов (что было бы, на мой взгляд, не совсем серьезно).

Из того, что у Канта может больше всего нравиться даже через 200 лет после его кончины (а за это время в философии произошли неисчислимы события), я бы выделил три момента. Первое. Сама «коперниканская революция», во время которой был развенчан миф не только кантовской эпохи, но и трех эпох будущего позитивизма — миф о том, что мы можем познавать вещи-как-они-есть или, в другой редакции, какие-то «чистые факты», как когнитивной структурой самого познания не нагруженные. Тем самым Кант разрушил основания сциентизма как идеологии, и сколько бы он ни возрождался, он после Канта будет философски обречен. В применении же к гуманитарным дисциплинам «кантовская революция» означает, что представления об «объективистских» — мировоззренчески ненагруженных культурологии, антропологии, религиоведении и т. д. также могут быть апеллятивны лишь к людям среднего философского ума. Второе. Кант убедительно продемонстрировал, что все великие эпохи философии были связаны с той смелостью философской мысли, которая не останавливалась перед дуализмом (а дуализм последовательный всегда предполагает решительность, безоглядность и риск). Великий кантовский дуализм был третьим по времени и качественно отличался от двух первых. Первым было платоновское раздвоение универсума на мир вещей и эйдосов, вторым — декартовское на вещи протяженные и мыслящие, третьим — кантовское на мир природы и свободы. Первый дуализм стал определяющим для будущей метафизики, второй — для философской психологии, третий — для новой

этики и концепции ценностей. Поскольку четвертого сопоставимого дуализма еще создано не было, можно сказать, что мы живем еще в кантовскую эпоху философии. Третье. Именно Канту принадлежит философское возвышение человеческой личности (по гражданству в «царстве свободы») на такую высоту, что все последовавшие «натуралистические» попытки покушения на личность (марксистская, дарвинистская, фрейдистская, постструктуралистская и т. д.) без труда обнаруживают свою экстравертность, ангажированность и мизерабельность. Поскольку же сама личностность человека и есть его «образ и подобие Божие», значение Канта для теологии также весьма значимое — несмотря на все, скажем мягко, неоднозначные его отношения с теологией его времени.

ШТАРК В.

Разумеется, вначале надо прояснить, какое понятие лежит в основе слова «идея» или что под этим имеется в виду. Если брать обычное словоупотребление Канта в его главных сочинениях, начиная с 1781 года, то нам известно, что соответствующая терминология очень близка здесь платоновской «идее». Если быть более точным, то в рамках «Диалектики» «Критики чистого разума» речь идет об «идеях разума». Кроме того, мы знаем, поскольку сам Кант указал на это (А 329 / В 386), что в рамках его «Критики чистого разума» практическая, т. е. направленная на поступки людей, сторона этих идей в значительной степени затемнена.

Однако впоследствии во многих опубликованных после 1781 года сочинениях Кант фактически обращался к темам, от-

носящимся к сфере практической философии. И я считаю, что именно здесь — в противоположность позиции марбургского неокантианства конца XIX столетия, которое во всяком случае по большей части рассматривало Канта как теоретика науки, — не только можно увидеть главный источник громадного влияния кантовской философии в конце XVIII века, но и усмотреть в этой области непреходящую актуальность его мыслей, размышлений и аргументов. Иными словами, поскольку практическая сторона его философии актуальна и по сей день, именно здесь следует локализовать его непреходящее значение. Таким образом, на мой взгляд, прямо-таки обязательным чтением кантовских сочинений также и современными философами делает специфически кантовская «идея свободы».

В рамках по необходимости краткого изложения невозможно детально разъяснить этот тезис, и поэтому я хотел бы ограничиться двумя уточняющими указаниями. *Во-первых*, с методологической точки зрения, должно быть ясно, что на первый план должна выйти методика генетической интерпретации философских работ. Мы должны интересоваться становлением той или иной теории, если хотим уяснить, какие проблемы и вопросы пытался разрешить философ своими сочинениями; и наоборот, какие проблемы находятся вне поля его зрения. *Во-вторых*, с содержательной точки зрения, внимание должно быть сфокусировано на возникновении выражения «идея свободы», и в таком случае — прежде всего при помощи лекционных записей и заметок из рукописного наследия — можно как бы напрямую увидеть, какой долгий путь прошел Кант, прежде

чем он нашел основополагающую дихотомию, определив-шую его «критическую философию»: «природа и свобода» заняла место традиционного с античных времен различения «природы и искусства». Иными словами: Кант считает — конкретные аргументы есть в его сочинениях — что мы, люди, в состоянии в предельно важных для нас вещах освободиться от определений или установлений «природы», что мы, стало быть, сами должны отвечать за свои действия, так как мы «свободны».

Но эта «свобода», по Канту, имеет свою цену, и она состоит в подчинении новому типу законов: законам свободы, которые мы даем сами себе. Иными словами: мы, люди, должны быть буквально поняты как автономные субъекты.

Следствия для форм организации общества и политики очевидны; и мне кажется очень поучительным наблюдать, как Кант до глубокой старости все дальше проводил эту практическую линию своей философии.

ШТОЛЬЦЕНБЕРГ Ю.

Всеобщее значение в смысле тотального распространения и всеохватной действенности получила, несомненно, прежде всего кантовская критика метафизики. Замечание Гегеля в предисловии к первому изданию его «Науки логики» по поводу того, что то, что прежде именовалось «метафизикой» «подверглось радикальному искоренению и исчезло из области наук», отражает это положение вещей. Всеобщее значение в смысле широкого признания получило, пожалуй, кантовское понятие о человеческом достоинстве и автономии воли. Большое распростра-

нение получил и принцип этики Канта, категорический императив. Последнее время широко и активно обсуждается и кантовская философия права, а также идеи Канта о мировом гражданском праве и возможности обеспечить мир во всем мире. Так что всеобщее значение сегодня можно придавать прежде всего темам и понятиям практической философии Канта.

ЭДВАРДС Д.

Подозреваю, что мой ответ на этот вопрос будет весьма похож на ответы многих других участников интервью. Суть в том, что мне крайне сложно было бы не назвать одну из полностью артикулированных и хорошо обоснованных идей Канта, которые *не* имеют всеобщего и непреходящего значения. («Ошибочны» они или нет, это, конечно, другой вопрос.) Трудность, которую я в этой связи испытываю, свидетельствует, как мне кажется, не только о предубеждении кантоведа по отношению к излюбленному предмету, хотя до определенной степени это может, конечно, тоже как-то присутствовать. Но ее истоком является гораздо более общий вопрос, а именно: как можно решить, какая из *центральных* идей западной философии не имеет непреходящего значения, даже если некоторые из них не имеют (и не должны иметь) всеобщей значимости? Поскольку нельзя всерьез утверждать, что Кант не был центральным мыслителем, плотно встроенным в исторический контекст западной философии, я мог бы ответить на первый вопрос, если бы вначале смог убрать из пула всеобщие и непреходяще значимых идей набор идей, которые исторически «противопоставлялись» тем идеям, которые выд-

вигал Кант. Не думаю, однако, что философия реально допускает подобные размышления об отношении истории и значения идей, особенно если учесть, что центральные положения кантовской теоретической и практической философии исторически сыграли очень важную роль в определении того, какие именно идеи фактически считаются нами имеющими особенное значение. Они продолжают делать это, нравится нам это или нет, так что *в итоге* мы вполне можем свыкнуться с этим. И уходить они не собираются.

ЭЛИСОН Г.

Если, говоря о всеобщем значении идей Канта, Вы имеете в виду важность для современной философии, я должен был бы назвать многие идеи из всех областей кантовской мысли, включая корректно истолкованный трансцендентальный идеализм. Но если Вы имеете в виду общечеловеческие интересы, то речь должна идти о главных темах его моральной философии, таких, как концепция автономии воли и учение о разумных существах как целях самих по себе.

АМЕРИКС К.

Лично я больше всего сожалею о том, что он иногда урезал свои аргументы и что его язык порой слишком самоуверен. Его рассуждения о достижении полноты и достоверности могли внушить кому-нибудь ошибочное представление о легкости создания философской системы, а также мысль о том, что если часть системы оказывается неверной, то надо менять всю систему.

АПЕЛЬ К.-О.

«Главная ошибка» Канта — *sit venia verbo** — состояла, на мой взгляд, в его рассуждении о «непознаваемой» и вместе с тем неизбежной для обоснования «эмпирического реализма» (т. е. материального содержания познания через внешнее сознанию «аффицирование чувств») «вещи в себе». Для *критической философии* Канту и в самом деле надо было дистанцироваться от традиционно-метафизической концепции *действительности-в-себе*, которая, как дает понять сам Кант, могла бы познаваться только божественным рассудком (одновременно создающим ее). Но подобная действительность не могла бы иметь вообще никакого отношения к трансцендентальному обоснованию «эмпирического реализма». Самопротиворечивость Канта заключалась здесь прежде всего в том, что он вынужден был «аналогически» или «символически» — согласно его более позднему допущению — применять *категории*, такие как *субстанциальность* и *причинность*, которые должны были бы осмысленно применяться только к возможному опы-

* С позволения сказать (лат.).

ту, также и для трансцендентально-философского объяснения *реальности* нашего опыта, идущей от *аффицирования чувств вещами-в-себе*.

Это противоречие углублялось еще и тем, что в 3-й Антиномии «трансцендентальной диалектики» Кант привлек «ноуменальный» мир *вещей в себе* также и для объяснения и обоснования «каузальности свободы» — в противоположность *каузальному детерминизму* мира опыта. Кант, очевидно, полагал, что только так, т. е. посредством — всецело догматическо-метафизического — *дуализма «двух миров», гражданином которых должен быть человек*, можно спасти свободу воли (а тем самым и *этику*) перед лицом *каузального детерминизма* ньютоновской физики. (Конечно, даже в этом случае, через допущение *двух миров*, ему так и не удалось объяснить хотя бы возможность *модифицирующего вмешательства* интеллигибельной «каузальности из свободы» в лишенную лакун каузальную связь мира опыта; скорее, *действенность свободы* распространялась только на *волю* к действию — и уже одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы свести этику Канта к этике *доброй воли* или «убеждения» (Макс Вебер), в отличие от этики «ответственности» за последствия действий.)

Указанные здесь апории самой основы кантовской трансцендентальной философии, разумеется, эпохальным образом углубили понимание философских проблем; в качестве *апорий* они до сих пор доказывают свою плодотворность, подталкивая последующих философов ко множеству *частичных* корректур и попыток решения. Важнейшие из этих попыток, на мой взгляд, имеют отношение к *трансцендентальной реф-*

лексии как измерению возможного ответа на *трансцендентальный вопрос*.

К примеру, Гегель, как мне кажется, справедливо дополнил *трансцендентальную рефлексию* о возможностях значимого опытного познания *рефлексией о возможности самой трансцендентальной рефлексии*: он ясно показал, что критическая трансцендентальная философия Канта тоже будет *познанием* и поэтому должна доверять истине о *действительности* (а не только об одних лишь «явлениях»). В этом смысле гегелевская критика Канта должна быть признана необходимым дополнением кантовской *трансцендентальной рефлексии*. Но Гегель проигнорировал — как уже и Фихте — различие между *философским рефлексивным познанием* и основанным на *аффицировании чувств эмпирическим познанием реальных наук* и претендовал на содержательное «снятие» всего познания действительности в «абсолютной рефлексии» — «знании о знании» философии. В этой претензии его впоследствии не могли поддержать ни представители естественнонаучного *позитивизма*, ни представители «исторической школы», т. е. столь же эмпирически ориентированных «наук о духе». И поэтому научно ориентированное неокантианство решило вернуться назад к Канту и возобновить его критическую философию без потустороннего мира *вещей в себе*. Неокантианству это, однако, не удалось, так как оно не смогло *найти замену* неизбежному для Канта объяснению «эмпирического реализма» посредством *вещей в себе*.

И именно с этой задачей справился, на мой взгляд, Чарлз С. Пирс (и только он), до сих пор, впрочем, мало по-

нятый основатель прагматизма. Пирс заменил непознаваемые вещи в себе познаваемой — в долговременной перспективе — реальностью, которая, в силу «фаллибилизма» всякого эмпирического познания, никогда не может быть достоверно познана. Одновременно с этим он заменил кантовскую «высшую точку» «трансцендентальной дедукции» условий значимого познания — кантовский «трансцендентальный синтез апперцепции» — регулятивной идеей предельного синтеза интерпретации знаков в неограниченном исследовательском сообществе. Я пытался реконструировать пирсовскую трансформацию Канта в духе трансцендентальной семиотики или лингвистической прагматики (ср.: Apel K.-O. *Der Denkweg von Charles Sanders Peirce — Eine Einführung in den amerikanischen Pragmatismus*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1975. (Англ. пер.: Charles S. Peirce. *From Pragmatism to Pragmaticism*. Amherst/Mass.: Univ. of Massachusetts Press, 1981.) Далее, он же: *Von Kant zu Peirce: die semiotische Transformation der transzendentalen Logik*, в его: *Transformation der Philosophie*, Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973. Bd. II. S. 157–177. (Англ. пер.: *From Kant to Peirce: The Semiotical Transformation of Transcendental Logik*, in: *Kant's Theory of Knowledge*, ed. by L. W. Beck. Dordrecht, NL: Reidel, 1974. P. 23–37.) Кроме того, он же: *Transzendente Semiotik und hypothetische Metaphysik der Evolution*, in: Pleines J.-E. (Hg.) *Teleologie*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1994. S. 251–282 (англ. пер.: *Transcendental Semiotics and Hypothetical Metaphysics of Evolution*, in: Ketner K. L. (ed.) *Peirce and Contemporary Thought*. New York: Fordham Univ. Press, 1995.)

Кроме того, он же: Pragmatism as Sense-Critical Realism Based on a Regulative Idea of Truth: In Defense of a Peircean Theory of Reality and Truth, in: Transactions of the Charles S. Peirce Society, XXXVII, № 4, 2001, P. 443–474.)

В свете *трансцендентально-прагматической* трансформации, на мой взгляд, может быть обновлена в своем неотъемлемом ядре и освобождена от апорий ее дуалистическо-метафизического обоснования (в «царстве целей» как трансцендентном *сообществе чистых разумных существ*) и *моральная философия* Канта. Кантовское «царство целей» может быть понято как метафизическое предвосхищение *Apriori идеального коммуникативного сообщества*; Argiōi, которое мы все же с необходимостью должны признать, как показывает *трансцендентально-прагматическая рефлексия* об условиях возможности *реальной аргументации*. Подобная рефлексия показывает, однако, и то, что мы — наряду с *идеальным Apriori*, которое у Канта обосновывает всеобщую значимость «категорического императива», — всегда должны признавать и *фактуальное Apriori реальной исторической ситуации* в качестве условия возможности деятельностной мотивации. Отсюда два существенных расширения (и вместе с тем исправляющих дополнения) этики Канта, справедливо характеризуемой в качестве *формалистической и ригористической*: (1) Прежде всего, *дискурсная этика*, соотнесенная с конкретными действиями и базирующаяся на установлении консенсуса в идеальном, но также и в реальном коммуникативном сообществе, постоянно — в том числе через межкультурное взаимопонимание — должна пытаться уста-

новить запросы наличной исторической ситуации человечества. Здесь этика как исторически ориентированная *дискурсивная этика* опирается на *результаты герменевтических наук о духе* или *социальных наук*. (Трансцендентальное обоснование этих наук еще полностью отсутствовало у Канта.) (2) С другой стороны, *этика ответственности*, нацеленная на последствия действий, обязана отдавать должное также и проблеме *моральной стратегии в недиалогических отношениях*. Здесь трансцендентально-прагматическое обоснование этики не может прибегать к *формалистическому разделению деонтологической этики принципов и свободной от морали реальной политики* (ср. адаптацию Кантом принципа "*fiat justitia, pereat mundus*"* и, с другой стороны, «реально-политический» принцип «государственного интереса» от Ришелье до Бисмарка и Киссенджера). В этом случае требуется ситуационно и исторически соотнесенное *опосредование кантовской деонтологии и телеологически ориентированной моральной стратегии*, «регулятивной идеей» которого, впрочем, должен быть кантовский *универсализирующий принцип идеального коммуникативного сообщества* (о трансформации кантовской моральной философии; ср.: Apel K.-O. Diskursethik als Verantwortungsethik — eine postmetaphysische Transformation der Ethik Kants, in: Fornet-Betancourt R. (Hg.) Ethik und Befreiung. Aachen: Augustinus-Buchhandlung, 1990, S. 10–40 (а также в: Schönrich G. / Kato Y. (Hg.). Kant in der Diskussion der Moderne. Frankfurt a.M.:

* Пусть свершится правосудие, хоть бы и ценой гибели мира (*лат.*).

Suhrkamp, 1996. S. 326–398). Кроме того, он же: *The Response of Discourse Ethics*. Leuven / Belgium: Peeters, 2001).

АХУТИН А. В.

Философия не ошибается, поскольку существует не в форме утверждения (мнения), а в модусе вопроса: «как возможно утверждение?». Ошибки — дело школы. Основная школьная ошибка в понимании философии Канта — гносеологизм: истолкование критики познающего разума — критической аналитики его метафизической *допустимости* и *условности* — как служебной методологии научного познания. Все равно как если бы законодателя посчитали помощником судебного исполнителя.

БАРНЭМ Д.

В «Критике способности суждения» Кант изучает феномен «беззаконной закономерности», обнаруживающей свойства, лишь аналогичные всеобщности, объективности, необходимости, и обнаруживающей их, по сути, только потому, что этот феномен как проблема должен-таки затрагиваться естественным познанием. Здесь, таким образом, имеется некий новый способ, посредством которого опыт или способность суждения может обнаружить порядок и, в конечном счете, разумное начало (возвышенное есть зеркальный образ).

Но в «Критике практического разума» моральный закон обсуждается в качестве простой формы закона. Что касается его формы, доказывает он, закон есть закон. Мне кажется, ошибка Канта в том, что он недостаточно глубоко прорабатывает это понятие, опираясь вместо этого на некритически принимаемые

характеристики, заимствованные из предшествующего рассмотрения естественных законов. Отчасти Кант признает и пытается как-то компенсировать это, к примеру в рассуждениях о нравственном воспитании или казуистике. Но особый тип рациональности моральных суждений все равно остается недостаточно проясненным. Признание этого — насущная задача для нас как философов.

БАУМ М.

Я не знаю, о чем идет речь в вопросе. Главной ошибкой Канта как личности было, мне кажется, то, что он переоценивал своих современников.

БЕЛОВ В. Н.

Как ни банально это звучит, но недостатки Канта являются продолжением его достоинств. Конкретный человек, свободно распоряжающийся своим разумом, уважающий достоинство других людей и осознающий границы своих притязаний как в сфере самосовершенствования, так и в сфере реализации социальных предназначений, не может не понимать своей фатальной дуальности человека природного, т. е. необходимого, и человека свободного, и бесконечности необходимого поиска гармоничного синтеза и единства.

БЁМЕ Г.

Главная ошибка Канта состояла в его пренебрежении к человеческому телу или в некоем вытеснении последнего. Вследствие этого он: признавал данностью научного позна-

2.7

ния ощущения, а не результаты измерений; отчаянно пытался в “*Opus postumum*”⁷ обосновать различия в материи различиями в чувственности; в аргументе о пространстве в «Трансцендентальной эстетике» безоговорочно отождествил «вне меня» с рядоположенностью и поэтому не смог провести различия между пространством телесного присутствия и пространством как медиумом представлений; оставил в подвешенном состоянии опровержение идеализма из-за нехватки тела как предмета эмпирического самосознания; счел причину ипохондрии (а именно невнимание к телесным порывам) методом ее лечения.

БИБИХИН В. В.

Я не вижу у него ошибок.

БИКМАН К.

Для рецепции кантовской философии, несомненно, было бы полезно, если бы Кант более отчетливо сформулировал свои главные задачи: тот факт, что сегодня мы имеем научно-логическую, метафизическую, лингвистико-аналитическую, феноменологическую и т. д. интерпретации Канта, которые отчасти дополняют друг друга, но отчасти нередко и противоречат друг другу, возможно, был бы не столь заметным при более детальном описании этих задач.

Множество недоразумений породил также непроясненный способ обоснования самого трансцендентального уров-

* Последний труд (*лат.*).

ня: какой статус имеют трансцендентальные познания? Какого рода предположением является идея о том, что разум имеет природу некоего органа?

Используется ли здесь образ природы в эвристическом смысле, чтобы постулировать взаимное согласие функций разума?

БОРХЕС М.

Главная ошибка Канта — его представления о женщинах. В «Наблюдениях над чувством прекрасного и возвышенного» он доказывает, что усердная учеба или изнурительные размышления, даже если женщина преуспела бы в них, разрушают достоинства женского пола, потому что они делают из нее объект холодного восхищения, но в то же время ослабляют чары, благодаря которым она владычествует над другим полом. Мне кажется, это очень сексистское утверждение, хотя я и не уверена, что мужчины сегодня думают иначе. Поскольку в XXI столетии мужчины по-прежнему предпочитают иметь дело с партнерами-женщинами, обладающими высоким интеллектом, возможно, Кант просто описывал эмпирический факт, имеющий отношение к мужской природе.

БРАНДТ Р.

Главная ошибка Канта сделана им в философии истории, оперирующей такой идеей природы, согласно которой существует единство разума и истории. Но связь между ними часто отсутствует — возможно, Шопенгауэр прав.

2.7

БРУК Э.

Судя по всему, самой большой ошибкой в тех областях, в которых я работаю, было его утверждение, что все, что мы непосредственно осознаем, есть наши собственные представления, а также вытекающее из него учение о непознаваемости чего бы то ни было в той мере, в какой оно есть само по себе.

БРЮШИНКИН В. Н.

В учении о завершенности логики. В принятии этики долга.

БЫКОВА М.

Трудно обвинять в ошибках человека столь выдающихся интеллектуальных достоинств и глубины, какие были у Канта. Истинность сказанного подчеркивается еще и тем, что даже то, что кажется ошибкой или по меньшей мере странностью в его теоретической конструкции, открывает нечто существенное о мире и его свойствах. Памятуя об этом, я бы хотела прокомментировать негативное эпистемологическое утверждение Канта о том, что мы ничего не можем знать о вещах в себе.

Хорошо известно, что позитивная эпистемологическая доктрина Канта специально задумана в качестве ответа скептицизму. Но в то же самое время позиция Канта включает ряд положений, которые звучат очень скептически. В самом деле, хотя Кант аргументирует как против юмовского скептицизма, так и против берклиевского идеализма, его позиция нередко

представляется странноватой комбинацией того и другого. В особенности это касается кантовского понятия вещи в себе. Последняя есть вещь, как она существует независимо от какой-либо человеческой концептуализации. И Кант доказывает, что мы вообще ничего не можем знать о таких вещах. Фактически здесь он воспроизводит скептический тезис о невозможности познания подлинно реального мира, мира вещей самих по себе. Эта негативная часть его доктрины, как кажется, соответствует всем пожеланиям самого последовательного скептика, даже если она, по-видимому, не ставит под угрозу наши практические дела (впрочем, это справедливо и для юмовского скептицизма). Очевидно, что Кант настаивал на непознаваемости вещей самих по себе главным образом для того, чтобы защитить Бога от провала доказательств его существования и защитить свободу от закона причинности. Верно также, что объявив неизвестными *ноуменальные* вещи, Кант по-своему рационально оценил человеческий потенциал и границы разума. И все же понятие Канта о недостижимой вещи в себе действительно контрастирует с главной линией его эпистемологической теории.

ВАСИЛЬЕВ В. В.

Возможно, главная неудача Канта — его знаменитый проект «коперниканского переворота» в философии, точнее тот его аспект, который имеет отношение к тезису, что человеческий рассудок предписывает общие законы природе. Кант трактовал это положение в сильном смысле, т. е. считал, что рассудок не только задает в категориях необходимые формы мышления об объектах, но и посредством трансцендентального воображения

буквально формирует мир явлений, возможного опыта. При этом Кант был уверен, что некоторые частные закономерности, обнаруживающиеся, к примеру, в феномене жизни, не только не исходят от рассудка, но и не могут быть объяснены с его помощью. Думаю, что оба этих тезиса сомнительны.

(1) Обоснование Кантом законодательствующей роли рассудка, или Я, относительно опыта в «трансцендентальной дедукции категорий» «Критики чистого разума», как было показано многими авторами, не является логически исчерпывающим и опирается на ряд недоказанных положений, прежде всего, с моей точки зрения, на тезис о параллелизме Я и «трансцендентального объекта». Без его признания Кант не может показать, что «важнейшие» категории отношения (такие, как категория причины), являющиеся условиями мышления об объектах, являются также необходимыми условиями синтеза «схватывания» воображением многообразия чувственного опыта и соотнесения его с Я как «единством апперцепции». Однако для доказательства того, что Я есть коррелят трансцендентального объекта (как вещи в себе), на мой взгляд, необходимо допустить, что Я — мыслящая *вещь*, а не одна лишь «форма мышления». И хотя Кант действительно признавал это еще в 1770-е годы, при создании первоначального варианта дедукции категорий, в «Критике чистого разума» (1781) он отказался от этой теории, которая и впрямь не является очевидной. Взамен, однако, он ничего не предложил.

(2) Что же касается феномена жизни, то еще Дарвин показал, каким образом он может быть объяснен рассудком на основе общих законов природы.

Вместе с тем, нельзя забывать, что коперниканский проект Канта привел к созданию им учения о спонтанности Я, ряд положений которого может иметь непреходящее значение.

ВАСНЕР Р.

Основная ошибка Канта коренится в том, что он никогда не проводил четкого различия между механикой (ньютоновской механикой), которую он считал моделью науки Нового времени, и механистическим образом мира. Поэтому его понятие причинности не свободно от механистического представления линейной цепи причин и действий, и именно это обстоятельство во многом обусловило то, что он дуализировал мир на мир необходимости и мир свободы.

ВЕСТФАЛ К.

Главную ошибку Канта, на мой взгляд, несложно выразить, хотя доказательство ее наличия требует тщательной детализации: Кант ошибался в том, что считал, что его важнейшие принципы, касающиеся как познания, так и практики, и их обоснование, требуют трансцендентального идеализма. В своей новой книге я показываю, что аргументы Канта в пользу трансцендентального идеализма не имеют силы, и их неэффективность демонстрируется с помощью ряда ключевых трансцендентальных доказательств самого Канта в «Критике чистого разума»; что трансцендентальный идеализм не может предоставить обоснования, к примеру, каузальных суждений или практической свободы, которые, как заявлял Кант, только этот трансцендентальный идеализм и может дать; и что в нем

2.7

нет необходимости ни для оправдания ключевых познавательных и практических принципов Канта, ни для защиты возможности свободного морального действия. Расставание с трансцендентальным идеализмом дает нам возможность понять и оценить подлинные философские достижения Канта.

ВЕТО М.

В нашем иудео-христианском мире человеческое достоинство базируется на предпосылке, что каждый человек создан по образу и подобию Бога. Кант предписывает уважать человечество в каждой личности, то есть рассматривать ее как представительную инстанцию морального закона. Это учение превосходно создает и суммирует основания, которые заставляют нас признавать всеобщее в индивидуальном человеке. Но поскольку Кант не делает попытки показать, что индивидуальное, этот индивид, есть уникальное, ни с чем не сравнимое воплощение всеобщего, его учение не является полным. Никто не говорил о ценности человека с таким пониманием и энергией, но этот философский гуманизм не доходит до признания уникальности каждого свободного существа.

ВИЛЛАШЕК М.

Мне кажется, что многие аспекты философии Канта не выглядят убедительно в наши дни, к примеру тезис об идеальности пространства и времени или его натянутый ригоризм в этике. Но и здесь у Канта есть заслуживающие обдумывания аргументы, достойные серьезного обсуждения, даже если они не убеждают нас. Так что я не вижу у Канта какой-либо «главной ошибки».

ВОЛЬФ М.

Ошибки, которых мог бы избежать Кант, все в равной степени интересны или не интересны. Заблуждения, которых он (скажем, как дитя своего времени) не мог избежать, не могут регистрироваться в качестве ошибок.

ВУД А.

Величайшая ошибка Канта заключалась в том, что он думал, что признание моральной ценности связано с верой в сверхприродное и что наша свобода есть способность, которой мы обладаем как члены сверхприродного (интеллектуального, ноуменального) мира. Люди — продукты природы, и ценность им присуща именно как свободным природным существам.

ГАЙЕР П.

На мой взгляд, главная ошибка Канта в его предположении, что мы с полной достоверностью можем знать о фундаментальнейших принципах природы, и в базировании на этом предположении различения явления и реальности, которое впоследствии позволило ему рассматривать свободу воли в качестве того, что автоматически существует в непознаваемой сфере ноуменальной реальности, а не как то, что должно быть со всем усердием реализовано в рамках природы. Кант был всерьез озабочен тем, что если нельзя продемонстрировать свободу воли, то люди смогут использовать детерминизм для оправдания аморальных действий, к которым у них имеется немало естественных

предпосылок; однако перенос свободы воли из чувственного мира явлений в сверхчувственную сферу реальности мог бы иметь точно такой же результат. Кант понимал, что люди должны учиться дисциплинировать свои склонности в естественном мире, но он должен был признать, что наша свобода и рациональность могут быть реализованы только в естественном мире и в рамках природы и что наша главная задача состоит именно в том, чтобы научиться делать это.

ГАРДНЕР С.

Чтобы установить не слабость или ограниченность системы Канта, а его ошибку, надо было бы сформировать очень определенное и точное представление о значении всей его философии в целом, и даже при этом условии понятие ошибки, влекущее за собой представление о том, чего можно было бы избежать, может оказаться не очень комфортным в использовании; к примеру, кто-нибудь может и не пожелать говорить, что главная ошибка Канта состояла в том, что он не был пост-кантовским идеалистом. Сюзан Нейман предположила, что «величайшим заблуждением Канта было то, что он ошибочно принимал потребность в обосновании за потребность в системе» (*Evil in Modern Thought*, P. 326), и хотя это предположение интересно и провоцирует размышления, на мой взгляд, ценность подобного утверждения состоит в его точной регистрации исторической и философской дистанции, дающей поводы для саморефлексии.

ГАЧЕВ Г. Д.

Какая же у него может быть ошибка? Ошибок не бывает. Может быть какая-то частичность. Возможно, недостаток жизненного опыта. У него не было жены, не было семьи. Хотя это его, наверное, не очень беспокоило. Тогда дети рождались как поросята, и сам он вырос в семье из девяти детей. Проблемы жизни не существовало — не то что в наше время. И он был слишком большим оптимистом, недооценивал радикально злое в человеческой природе.

ГЕЛЛЕР А.

Философски Кант ни в чем не ошибался. Гегель как-то мудро заметил, что в философии не бывает «ошибок», так что ни один значительный философ никогда не ошибался в философском смысле. Конечно, они могут допускать фактические неточности и ошибаться в произнесении слов, но с философской точки зрения первое столь же незначительно, как и второе. Важный вопрос состоит в том, может ли подлинная философия вообще быть фальсифицирована. Конечно, философы всегда «фальсифицировали» своих предшественников. Так, Аристотель «фальсифицировал» Платона, или Гегель «фальсифицировал» Канта. Но какое это имело значение, какое это имеет значение? Платоном, как и Кантом, можно вдохновляться и сегодня. И так, если использовать попперовскую теорию фальсификации, философия не является точной наукой, а в современном смысле она вообще не является наукой. Все философии могут быть верифицированы. Может быть верифицирована и философия Канта, и это уже случалось тысячу раз. Философия утрачивает

2.?

влияние на умы не потому, что она была «фальсифицирована», а потому что мыслители отворачиваются от этой философии. Это случалось много раз, когда новички в уже устоявшейся традиции отворачивались от философии своих предшественников, как это было, к примеру, когда Декарт и ведущие философы его времени отвернулись от схоластиков. В наши дни, однако, схоластики опять в чести, ими вновь вдохновляются. Философия жива, пока повторяются эти круги обращения и отворачивания. По сути, современные мыслители никогда полностью не отворачивались от Канта, несмотря на серьезные усилия фальсифицировать его теории, воззрения и некоторые их моральные и политические импликации. Они могли отрицать его, могли даже высмеивать его, но им никогда не удавалось умалить его значение. Даже его политические взгляды, которые долгое время игнорировались, скрывались в тени его архитектурной системы, — такие, как его республиканизм или его идеи о вечном мире и космополитизме, — вновь стоят на повестке дня.

ГЕРЛАХ Х.-М.

Как можно критикански различать «главные и второстепенные ошибки», рассуждая о таком гениальном уме и характере? Кант был человеком (пусть и гениальным) и поэтому имел свои недостатки, допускал ошибки, как и другие люди. Больше по этому поводу ничего говорить и не надо.

ГЕРХАРД Ф.

На второй вопрос я могу ответить только с оговоркой: различием «вещей в себе» и «явлений» Кант, правда, осуществил

по сути верное разграничение, но именованное того, что мы можем *испытывать*, «явлениями», а того, что мы в лучшем случае *мыслим*, но всегда должны *предполагать*, «вещами в себе», повлекло за собой серьезные недоразумения. Здесь видно, до какой степени проблематичный выбор слов может обусловить неверное понимание сути.

ГИРЕНОК Ф. И.

Делал ли он ошибки? Нет, в смысле формы мышления, т. е. у него почти невероятная способность чисто мыслить. Нечеловеческое это дело — дело мысли. А Кант мыслил. Но содержательных ошибок у него полно. Ведь содержания случайны. Ну давайте посмотрим рассуждения Канта о задушевных людях, о духе. Или вот его аргументация о необходимости отвлекаться, т. е., по сути, об отвлеченном мышлении. Кант говорит: не смотрите на бородавку, отвлекайтесь от нее. Но ведь «бородавка» — это человек. Сравним Канта с Соловьевым, который построил критику отвлеченного мышления. Эта критика ведь основана на чем? На том, что человек — это какая-то изюминка, какая-то бородавка. И от нее нельзя отвлечься.

ГРИНБЕРГ Р.

Трансцендентальная дедукция первого издания [«Критики чистого разума»] (А-дедукция) не выполняет своего обещания связать категории и необходимое, или трансцендентальное, самосознание. Объясняя необходимость самосознания в качестве условия возможного опыта, она в результате откладывает завершение этого аргумента до главы об основоположениях, задача

2.2

которой состоит в том, чтобы связать возможный опыт и категории. Категории и необходимое самосознание затем сочетаются через возможный опыт. Зависимость А-дедукции от главы об основоположениях означает, что А-дедукция сама по себе не может связать категории и необходимое самосознание, провал, который в предисловии ко второму изданию «Критики» Кант эвфемистически назвал простой «неясностью» в изложении своего аргумента.

Второе издание дедукции (В-дедукция) исправляет этот недостаток, соединяя вначале необходимое самосознание и логические функции суждения, а затем привлекая метафизическую дедукцию категорий с ее уже установленной связью логических функций суждения и категорий, чтобы в результате соединить категории и необходимое самосознание. Поскольку эти шаги не могут быть сделаны, если на пути стоит чувственность, чувственность должна быть исключена до этого момента. Но именно это не удается А-дедукции. Поскольку возможный опыт включает чувственность и поскольку А-дедукция объясняет необходимость самосознания в качестве условия возможного опыта, А-дедукция неспособна исключить чувственность из связи категорий и необходимого самосознания. В этом состоит глубинная причина того, что А-дедукция должна потерпеть неудачу, а В-дедукция может привести к успеху, по крайней мере в этом отношении.

ГРУНДМАН Т.

Вместо прямых рассуждений об ошибках Канта я хотел бы сказать об ошибочных путях развития философии, которые

могут быть возведены к определенным трактовкам Канта. Совершенно очевидно, что благодаря кантовской философии теория познания получила однозначный приоритет, во многом удерживаемый ей и в наши дни. Это привело к несправедливому притеснению старой метафизики (или онтологии), хотя при более внимательном рассмотрении оказывается, что сам Кант протащил в свою теорию множество непроясненных онтологических допущений. Мне кажется, что сейчас самое время покончить с этим односторонним искажением. Теория познания, онтология и семантика должны рассматриваться как равноправные, дополняющие друг друга дисциплины.

Кроме того, кантовская идея автономии подталкивала к идеалистическим, конструктивистским, а отчасти даже к релятивистским толкованиям реальности. На мой взгляд, это злоупотребные и ложные установки: они ставят познаваемый мир в зависимость от субъекта познания, а это неприемлемо. Но я не думаю, что мы обязаны интерпретировать Канта подобным образом, и считаю однозначно ложными релятивистские толкования. Напротив, я полагаю, что его идею автономии можно совместить с сильным реализмом в вопросе о существовании объектов познания. Сообразность вещей нашему духу автоматически еще не означает, что они созданы им.

Наконец, кантовская философия и ее возрождение в неокантианстве надолго ослабили психологистические и натуралистические течения в философии, сделав это вследствие резкого разграничения вопросов о фактах и о праве, а также эмпирического и трансцендентального уровней рассмотрения. Сейчас мы лучше видим, сколь прибыльным даже для объясне-

ния феномена субъективности может быть вклад когнитивных и эмпирических наук при его размещении в философию.

ГУСЕЙНОВ А. А.

Философы масштаба Канта, на мой взгляд, не могут ошибаться. Конечно, у них можно найти спорные утверждения, которые, как правило, касаются каких-то эмпирических констатаций, до которых философам в строгом смысле слова вообще нет никакого дела. Зачем надо, например, Пармениду говорить о том, в каком порядке и пропорции смешивать вино и воду, Аристотелю утверждать, что люди с плотным телом не одарены умом, а люди с мягким телом одарены им, Канту предполагать, что в древнюю эпоху человеческие детеныши при рождении не издавали громкого крика?! Все это — вещи, которые не имеют отношения ни к философии вообще, ни к их собственным философским системам. Когда же великие философы остаются в пределах своей компетенции, то отдельные их суждения не могут быть ошибочными по той основной причине, что каждое из них приобретает конкретный смысл только в контексте соответствующей философской системы в целом.

Если уж говорить об ошибках философа, то следовало бы говорить об ошибочности его философии в целом. Но какой в этом смысл и кто может это сделать? Другой философ? Действительно каждый из них делал нечто подобное по отношению к своим предшественникам, считая свой философский образ мира единственно истинным. Кант это сделал по отношению к своим предшественникам и, кстати заметить, считал свою систему окончательной. Гегель это сделал уже по отношению к Канту. Но

и Гегелю не очень долго пришлось ждать своих опровергателей. Последующая философская система не снимает предыдущую, а если и снимает, то очень странным образом, в результате чего она, будучи снятой, и даже, быть может, вследствие этого сохраняет свою самостоятельную ценность, становится новым неиссякаемым источником философской мысли.

Мера объективности и точности философии иная, чем физики, социологии, других наук. Философия принципиально плюралистична. Она существует как многообразие различных (даже полярных) систем, которые соразмерны друг другу по критерию истинности. И каждая из них в отдельности не более ошибочна, чем вся философия в целом. Философия не может быть ошибочной так же, как вера не может быть ложной.

Словом, я ставлю под сомнение правомерность самого вопроса. Это не только интеллектуальная, но и личная позиция. У меня, каков я сегодня, не повернется язык сказать и не поднимается рука написать, что Аристотель или Кант в чем-то ошибались. Кто я, чтобы судить об этом? Другое дело, что в их творчестве есть вещи, которые я не до конца понимаю. Например, я не понимаю, почему (на каком логически законном основании) Кант вводит в свою этику учение о добродетелях?

ДЖОРДАНЕТТИ П.

В ответе на первый вопрос я пытался обратить внимание на одну из множества кантовских теорий, от которых и в наши дни может исходить всеобщий и долговременный импульс. Речь идет о проекте научного учения о мудрости, в котором априорному, общезначимому и необхо-

димому чувству уважения присваивается определяющая функция в обосновании объективных моральных норм. В этом отношении я преследовал цель уяснить собственные интенции Канта. Оценка его мысли и его ошибок должна была бы, однако, предполагать развитую, по меньшей мере в своих основных элементах, концепцию моральной философии и изложение определенной теории. Таково неперемненное условие возможности участия в какой-либо дискуссии с Кантом.

ДИРКСМАЙЕР К.

Не могу припомнить у Канта никакой «главной ошибки»...

ДОБРОХОТОВ А. Л.

Термин «ошибка» нерелевантен в данном случае. Так можно говорить о научных теориях, но философия требует какого-то другого критического инструмента. Кроме того, гении (так же, как и Папа Римский) не ошибаются. Их «ошибки» — это судьба. Нужно ли говорить о творческих просчетах Шекспира или Бетховена? Не поискать ли ошибку у Творца, не обеспечившего России тот же климат, что Гавайям? По-моему — пустые занятия. Можно, конечно, заметить, что в мире Канта отсутствуют или слегка лишь намечены многие важные философские темы: философия языка, истории, экзистенции, коммуникации. Именно эти лакуны заполняли XIX–XX века. Но это, конечно, не ошибка Канта, а — если можно так сказать — рельеф его культурного ландшафта.

ДЮЗИНГ К.

Важнейшим историческим несовершенством, как я предпочел бы выражаться, вместо того чтобы говорить о «главной ошибке», было то, что Кант во многом придерживался понятийности и классификаций школьной философии XVIII века. Поэтому Кант с трудом мог развивать свои новаторские теории.

ЖУЧКОВ В. А.

Чрезмерная «влюбленность» в метафизику, излишняя привязанность к ее искусственному языку, систематике, непосредственному проблемно-содержательному составу, в силу чего его критика разума, призванная вскрыть источники и сокрушить догматизм предшествующей метафизики, обернулась ее возрождением в виде метафизики природы и нравов. Тем самым из предмета или подручного материала для критического исследования, призванного подтвердить правильность коперниканской гипотезы о свободе как подлинной сущности человеческого разума, метафизика вновь превратилась в нечто самодовлеющее и обрела свое прежнее догматическое господство над разумом и его критикой. Но в результате этого и сама кантовская критика стала предметом острой критики, обвинившей ее за допущение «догматических» и внутренне противоречивых понятий вещи в себе, свободы, их сверхчувственной причинности и т. д. Думается, однако, что за этими «догматическими пережитками» следует видеть исторически неизбежную драму великого мыслителя, вынужденного для осуществления своего новаторского переворота в философском мышлении прибегать к старым способам

выражения мысли, а в своем радикальном прорыве в будущее опираться на схемы и постулаты метафизики прошлого.

КАЛИННИКОВ Л. А.

Главная ошибка Канта — это недостаточная проясненность статуса экспериментальных процедур познания, о которых он часто говорит вскользь, мимоходом. Он правомерно выделяет технически-практическое знание, относя его, в отличие от собственно практического, к теоретическому знанию. То есть технически-практическое знание представляет собой техно-технологические науки (прикладные, а не фундаментальные). Экспериментально-эмпирический уровень познания Кант как бы подразумевает, говоря о необходимости верификации и фальсификации, но он нуждается в большем внимании и пояснении для дифференциации *мыслимого* и *знаемого*.

КАСТИЛЬО М.

В чем главная ошибка Платона? В чем главная ошибка Канта? Надо быть очень самонадеянным или очень наивным, чтобы думать, что в нескольких словах можно ответить на подобный вопрос... Но, с другой стороны, «во имя Канта» было сделано немало «кантовских» ошибок. Худшие из них: (1) мораль как безответственное намерение, (2) мораль как отчуждение (смещение морального закона и закона индивида, партии, секты...). Главная проблема кантовской философии и впрямь в *представлении* того, как осуществить моральный закон в том самом мире, где мы живем.

Возможно, главная ошибка Канта в том, что он не уделил достаточного внимания и недостаточно объяснил различие между «схемой» («Критика чистого разума»), «типом» («Критика практического разума») и «символом» («Критика способности суждения»).

КЕРСТИНГ В.

Все ошибки, или лучше пределы, кантовской философии связаны с тем известным обстоятельством, что всякая философия находится под влиянием своего времени и контролируется предпосылками, которые кажутся ей безальтернативными, но не являются таковыми. К предпосылкам такого рода, в частности, относятся главные черты теории сознания Нового времени, от которых, так же как от общей сциентистской запрограммированности, Кант не мог бы освободиться. Едва ли можно поддержать представление о сознании как контейнере нередуцируемых ментальных атомов, превращаемых в допускающие описание предметы восприятием, направляемым рассудочным понятием. Следует отказаться и от тесной привязки анализа опытного познания к физике и математике, то есть к ограниченному эпохой пониманию физики и математики. В не меньшей степени — от порожденного сциентизмом монизма действительности, не видящего никаких различий между природой и обществом, вещью, телом и организмом и могущего объяснять поступок только в горизонте морали. Надо отвергнуть и рискованное представление об общезначимости, проистекающее от переноса модели природного закона на моральный принцип долга.

КИТЧЕР П.

Одной из больших ошибок было допущение, что научные проблемы могут поддаваться философскому решению. Несмотря на тщательное различение методов математики и философии, он все же считал, что трансцендентальный идеализм можно использовать для решения таких, к примеру, проблем, как бесконечная делимость линий. Допуская, что проблемы, поднятые ньютоновской механикой, никогда не могут быть решены наукой, он опять-таки пытался предложить философские решения вопросов о природе пространства и времени.

КЛЕММЕ Х.

Главная ошибка философии Канта, если мы хотим или можем говорить о ней, состоит, на мой взгляд, в том, что, косясь на ньютоновскую физику, он переоценил учение о детерминизме природных событий. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что Кант стал придавать значение морали и моральному действию только после изучения Руссо в 1762 году. Строгие моральные обязательства предполагают свободу, и «критический» Кант пришел к выводу, что свобода возможна лишь в том случае, если мы проводим различие между «царством свободы» (ноуменальным миром) и «царством природы» (феноменальным миром), именно потому, что события в царстве природы, которому мы принадлежим в качестве чувственных существ, определены естественной причинностью. Но, как мне кажется, этот вывод не обязателен. Нет сомнения, что убе-

дительная концепция моральной свободы и обязательств может не *противоречить* естественно-научным познаниям. Но противоречит ли этим познаниям наше моральное обязательство уважать людей как автономных субъектов их жизни? Я не вижу, как можно было бы позитивно решить этот вопрос.

КОРСГААРД К.

Не думаю, что здесь можно говорить о какой-то «главной» ошибке. Полагаю, что одной из важных ошибок, допущенных Кантом, было то, что он недостаточно думал о нечеловечных животных. Сейчас я не имею в виду его моральное учение о том, что наши обязанности относительно других животных в действительности есть наши обязанности относительно самих себя, хотя это может иметь отношение к тому, о чем идет речь. Имею же я в виду то, что как его философия действия, так и его философия сознания мешают уяснить место, занимаемое нечеловечными животными. Я убеждена, что нечеловечные животные способны действовать и что они наделены сознаниями. Но они не являются автономными и они не концептуализируют мир так, как это делаем мы. Они существуют на некоей срединной земле, между людьми, убеждения и решения которых в конечном счете определяются разумом, и растениями или машинами, которые не мыслят или не действуют вообще. Кантовские теории крайне затрудняют задачу описания той самой срединной земли. Но эта срединная земля должна существовать, так как нечеловечные животные существуют.

КОЭН Т.

На мой взгляд, их две. Первая состоит в том, что мораль не может существовать без «категорических» требований. Вторая — что эстетические суждения обладают подлинной «всеобщностью».

КРУГЛОВ А. Н.

Мне очень сильно мешает одно, на мой взгляд, заблуждение Канта — его представление о том, будто в философии можно провести такую реформу, которая создаст окончательный фундамент, нуждающийся позднее лишь в незначительных дополнениях.

КУЗНЕЦОВ В. Н.

Как историк философии я считаю для себя некорректным пользоваться в отношении мыслителей прошлого словом «ошибка», так как оно предполагает оценку их воззрений с позиций учения, которое считается более «правильным», а это противоречит моему пониманию историко-философского знания как «надпартийной» дисциплины. В роли критиков Канта выступали творцы многих последующих учений, начиная с Фихте, который, можно сказать, в ключья разорвал кантизм. Учитывая этот факт, я в своих работах о Канте считаю необходимым тщательно освещать те пункты его учения, которые оказались уязвимыми для критики с позиций иных философских учений, что выражало «партийность» их создателей.

ЛАУДЕН Р.

Излишняя уверенность Канта, что его конкретная система философии есть завершение и последний итог всех философ-

ских усилий, была, на мой взгляд, его главной ошибкой. В «Заявлении по поводу наукоучения Фихте» (7 августа 1799 г.) он провозглашает, что «ей ничем не угрожают никакие перемены мнений, улучшения или заново созданные построения; система критики покоится на прочной основе, непоколебимая навеки, она потребует человечеству и в будущем для высоких помыслов» (AA 13: 371). Ни одно философское творение человека никогда полностью не защищено от претензий в свой адрес или ревизии.

ЛОБКОВИЦ Н.

В том, что по незнанию доновоевропейских, т. е. античной и средневековой традиций он не принимал во внимание альтернатив своей «коперниканской революции». Важнейшая из этих альтернатив состояла бы в признании того, что в общем и целом мы можем познавать действительность такой, какая она есть, и в постановке вопроса о предпосылках такого познания. Поэтому ответ Канта на вопрос о возможности априорных синтетических суждений является односторонним и устаревшим. С одной стороны, сегодня больше не самоочевидно, что такие суждения вообще существуют (ньютоновская механика — это лишь концептуальная модель, и даже геометрические принципы могут быть выведены из логики). С другой стороны, и более древние традиции имели представления о чем-то подобном, взять хотя бы средневековые *propositiones per se notae*^{*}, и они объясняли их возможность либо из сущности разума (ср. финал «Первой аналитики» Аристотеля), либо

* Пропозиции, познаваемые через самих себя (лат.).

из теорий абстракции. Роковым следствием «коперниканской революции» Канта стало укоренившееся подозрение, что действительность («вещь в себе») познается нами такой, каковы *мы*, а не *она*. Никто больше не задается вопросом, в какой мере реально обосновано это подозрение и обоснованно ли оно вообще, но оно сохраняет свое воздействие.

ЛОНГНЕСС Б.

Думаю, что главная ошибка Канта связана с его трактовкой соотношения теоретической и практической философии. Он считает, что может спасти понятие свободы, необходимое для его практической философии, только заново вводя в качестве объектов веры метафизические истины, которые он отрицал в качестве объектов знания. Полагаю, что это сбивающий с толку и необязательный шаг, отбрасывающий его назад, прямо в докритическую, метафизическую эпоху, из которой он хотел вырваться.

МАЙОРОВ Г. Г.

Главная ошибка Канта состояла, на мой взгляд, в том, что он слишком сильно противопоставил «вещь в себе» и ее «явление» нашему сознанию. На самом деле, пусть даже «вещи в себе» только «аффицируют нашу чувственность», порождая явления, тем не менее в результате такого аффицирования мы все-таки имеем *разнообразные* явления. Разве это *разнообразие* явлений не говорит нам хотя бы о том, что и воздействующие на нас вещи разнообразны сами по себе? Значит, мы, во всяком случае, уже знаем о вещах самих по себе, что они разнообразны или измен-

чивы. Кроме того, мы сами для себя и «вещь в себе», и явление: первое — это наше бессознательное, второе — то, что мы в себе осознаем. И это вовсе не значит, что бессознательное не оставляет никаких следов в нашем сознании. То, что мы осознаем, прежде присутствует в нас бессознательно. Значит, мы кое-что узнаем о себе как «вещи в себе».

МАКГИНН К.

Его главная ошибка состояла в предположении, что воспринимаемый мир есть в той или иной мере функция нашего ментального агрегата.

МАККРИЛ Р.

Ошибки Канта были связаны с тем, как он формулировал принципы своей теории определяющей способности суждения. Он действовал в терминах резкого дуализма, породившего многочисленные ошибочные интерпретации и множество карикатурных изображений его мысли. Кроме того, недостаточная чувствительность Канта к историческим условиям опыта привела его к идеализации, а значит и абсолютизации трансцендентальных условий опыта.

МАРЕЕВА Е. В.

«Ошибка» Канта, как это бывает у великих, — это продолжение его достоинств. Именно в рамках кантовского трансцендентализма была сформулирована мысль об особых «законах» мира культуры. И там же всеобщие формы культуры были осознаны как принадлежащие постулируемому Транс-

цендентальному субъекту. Отсюда же дуализм кантовской философии, поскольку равно непознаваемыми у него являются как «вещь в себе», так и Трансцендентальный субъект. Характерно, что Фихте преодолевает этот дуализм за счет того, что мир оказывается производением Трансцендентального субъекта. И внешне это выглядит как замена одной «ошибки» другой «ошибкой». Но иначе *исторически* и быть не могло. Ведь философия есть «эпоха, схваченная в мысли». А потому нужны определенные сдвиги в самом основании культуры, чтобы философ смог преодолевать не просто чужие «ошибки», но и логику «объективной видимости».

МЕЛЬНИК А.

Основная ошибка Канта вполне может совпадать с его величайшим достижением. Физическая наука преодолела все ограничения, наложенные Кантом на мир, сообразный априорным условиям мышления. Это означает, что мы должны переосмыслить вопрос о том, может ли теория действительности, имеющей отношение к нам, существовать отдельно от науки, или же она является тем, что должно возникать в ее пределах. Последнее ведет к всеобщему натурализму, ставящему под вопрос не только Канта, но и саму философию.

МИХАЙЛОВ К. А.

Вопрос с точки зрения логики провокационный, ибо покоится на недоказанном и неочевидном допущении «у Канта были ошибки». Нам представляется вообще некорректным обвинять мыслителей такого ранга в «ошибках» (гегелевский подход к исто-

рии философии это обосновывает). Кант решал, и решал весьма последовательно и убедительно, задачи, которые были им поставлены. Так, в КЧР он, по его же словам, анализирует априорную составляющую познания, но не происхождение самого познания (эту проблему решал после Гегель). Поймать Канта на имманентной непоследовательности не удалось еще, в сущности, никому. Другое дело, что в кантовской философии есть «больные» места и «локальный» подход к решению некоторых проблем. Так, открытым остается вопрос о соотношении вещей в себе и явлений (о происхождении материала познания, получаемого чувственностью), о том, как независимые от чувственности категории очень точно «ложатся» на время как форму созерцания, будучи его определениями; ограничена кантовская диалектика: она является теорией гносеологических затруднений, вытекающих из претензий познать мир без учета реальных особенностей познания (коренящихся в структурах априорных форм чувственности), и не становится онтологией. Но Кант и не помышлял о том, чтобы дать исчерпывающую онтологическую модель мира, он заложил фундамент, на котором ее здание соорудит Гегель. И отсутствие «историзма» или «анализа живого человека как реального субъекта» не есть «ошибки Канта». Он философ, а не антрополог или культуролог; и философия у него — теоретическая, категориальная гносеология и онтология.

МОЛЧАНОВ В. И.

В претензии определить контуры всякой будущей метафизики: критика будущего мышления — это проявление некой самонадеянности, которая затем у Гегеля воплотилась в

идею конца философии. Этому способствовала и замена исследования опыта его конструированием. Вместо анализа человеческого опыта в его многообразии Кант предлагает систему абстракций в качестве прокрустова ложа познания, нравственности, эстетического восприятия.

МОТРОШИЛОВА Н. В.

Вообще я должна сказать, что мне эта формулировка вопроса не нравится. Я не вижу оснований для того, чтобы я — человек, живущий в это время, в этой стране, я, Неля Васильевна Мотрошилова, — взяла на себя некую поучающую миссию и сказала бы: я-де сейчас разоблачу ошибки Канта. Другое дело, что есть какие-то идеи, которые мне кажутся у Канта недоработанными с точки зрения его собственной концепции. Хотя как бы в скобках я хочу заметить, что все это акценты и односторонности, которые есть во всякой философской концепции, и какая бы она ни была, она всегда, если она талантливая, построена на каких-то акцентах, она всегда есть исследование чего-то и неисследование чего-то другого. А иного и не дано, исследовать все сразу и равномерно невозможно. К примеру, практически невозможно исследовать человеческое сознание, человеческую субъективность и одновременно постигнуть с такой же глубиной объективированные формы духа и разума. Поэтому было и в каком-то смысле остается разделение труда, условно говоря, между Кантом и Гегелем. Один делает одно дело, другой делает другое. Но во всяком случае можно высказать сожаление

по поводу того, что у Канта оказалось за кадром работы. И здесь опять можно возвратиться к той же самой теме априоризма. Фактически за кадром кантовской работы оказалось изучение, скажем так, генетических аспектов. Кант совершенно гениально предложил работать (по преимуществу) теоретически, логически там, где нет предпосылок для собственно исторического поля исследования. Его теория познания — это гениальный ответ на вопрос о *логике*, структуре, смысле познания. И когда он говорит о логике познания, он как бы устраняет исторический аспект, хотя и не полностью. Это, кстати, особо интересующая меня тема: я могла бы показать, как в исследование логики все же вписан какой-то анализ истории; это есть на всех уровнях — прежде всего на социально-философском, к примеру, в «Идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане». Но и там разговор остается по преимуществу логическим, хотя речь идет об истории. А вот применительно к «Критике чистого разума», к теории познания, к гносеологически-логическому срезу можно утверждать: возможные и необходимые исследования предпосылок априорности, по существу, оказались вынесенными за скобки. Есть проблемы и в его социальной философии. Здесь — почва для историзма. Но ведь Кант подчас претендует на то, что высказывает всеобщие принципы, в то же время говоря на конкретно-историческом языке, возводя исторически-преходящие основания во всеобщезначимые. Один конкретный пример — принцип талиона в философии права. И хотя Кант придает ему очень

большое значение и даже считает, что всегда надо действовать согласно этому правовому принципу, он уже тогда не мог не видеть, что это практически нереализуемо. Мы не можем сейчас буквально действовать по принципу «око за око». Таким образом, у Канта в философии есть целый ряд издержек. Но они связаны с грандиозностью его системы. И когда ты находишься в пределах логики этого учения, довольно часто чувствуешь: это сделано очень хорошо, почти безупречно, а вот это недостаточно добротнo — и именно с точки зрения самой логики системы. Вообще, многие упреки в адрес Канта сводятся вот к чему: плохо, что он не был, к примеру, Гегелем, т. е. мыслителю как бы предлагают встать на совсем другую точку зрения и создать совсем другую концепцию. Наиболее отчетливо это проявилось в диалектическом и историческом материализме. Критиковали его за то, что он, предположим, не обосновал или не защитил теорию отражения. Это все совершенно абсурдно. Он сделал то, что сделал, — пусть сказанное кажется банальным, но не так уж это элементарно. Ведь критики предполагают, что Кант должен был учесть все. Но он не может откликнуться сразу на все принципы. Однако даже если рассматривать учение Канта с точки зрения последовательности осуществления его собственных принципов, то здесь тоже не все ладно: здесь можно найти и более слабые проработки. Мне кажется, это понимал и сам Кант. Почему, например, есть еще и особый вопрос об эволюции его взглядов и предположения о том, что бы он сделал, если бы он к кон-

цу своей жизни был в такой же силе, как во время написания «Критик». Но это совершенно особый вопрос.

НЕЙМАН С.

Главная ошибка Канта — в переоценке роли намерения в моральном действии. Конечно, в его работах подчеркивается, что мы ответственны за те последствия своих действий, которые, как разумно ожидать, мы могли предвидеть, и он мастерски показывает недостаток нашего знания о чьих-либо намерениях, включая наши собственные. Но утверждение, что безусловно добрым является только добрая воля, акцентирует аутентичность и внутреннюю замкнутость, что может привести к игнорированию того, до какой степени аморальные и даже злые поступки могут совершаться с самыми разными намерениями, от заурядно плохих (как описывает Арендт в блестящей работе “Eichmann in Jerusalem”) до позитивно хороших (как показывает история сталинизма).

Самую же главную оплошность Канта точнее было бы называть неумением: он был ужасным писателем. Его сочинения не только тусклы, сухи и растянуты, как он сам считал, и не просто не вполне изящны. Его метафоры подчас просто кошмарны, а его примеры обычно иллюстрируют противоположное тому, ради чего они приводились. Он лишен чувства пропорции, занудно рассуждая о простых вещах и проскакивая важнейшие вопросы. Кант и сам сожалел, что лишен легкости и ясности Мендельсона и Юма, но мы еще больше должны сожалеть об этом. Ведь его неумение писать в сочетании с его непревзойденной способностью мыслить оставило потомкам неявное, но стой-

2.?

кое впечатление, что глубоко мыслить и хорошо писать — вещи как бы несовместные, впечатление, которое было бы анафемой для любого Aufklärer*, включая самого Канта.

НУЦЦО А.

Ограниченность мысли Канта состоит, на мой взгляд, в непонимании исторической природы человеческого мышления, познания и философствования. Трансцендентальный взгляд на человеческое знание привел его к упущению важнейшей исторической компоненты наших категорий мышления, которая, как мне кажется, вовсе не необходимо отрицает их априорную природу.

НЭНОН Т.

Я согласен с принципиальным тезисом мыслителей конца XIX века, Дильтея и других, которые считали, что Кант хорошо справился с идентификацией фундаментальных категорий природы в весьма специфическом и узком смысле, и вместе с тем полагали, что мы должны расширить этот проект, чтобы включить в него феномены другого рода, такие, как артефакты или социальные институты, которые не являются физическими объектами в том более узком смысле, которому, по замыслу Канта, должен был соответствовать его подход.

О'НИЛ О.

Я отнесла бы сюда то, что он подвесил своих читателей между установками «два мира» и «две точки зрения» в вопросе о

* Просветитель (нем.).

свободе и природе; что в своей практической философии он уделял слишком мало внимания материальным нуждам людей (да, советские философы били здесь в точку!); что он не смог выделить следствий для своей этики из своего же собственного представления о том, что люди являются не самопрозрачными, а темными существами; что его тексты порой неясны и трудны, хотя впервые высказывать какие-то идеи — это непростая задача. Но я *не* думаю, что он виноват в том, что философы XX века плохо поняли его аргументы об автономии и попытались завербовать его от имени радикального или не столь радикального индивидуализма.

ОЙЗЕРМАН Т. И.

Основное заблуждение Канта состоит в *амбивалентности* его понимания объективной реальности. С одной стороны, он справедливо утверждает, что вне и независимо от сознания людей существует *нечто*, которое он называет «вещами в себе», утверждая, что существование чего-либо вне и независимо от человеческого сознания делает его принципиально непознаваемым. Однако вопреки этому тезису он претендует на познание «чистого разума» и свободной воли, хотя и то и другое, согласно его учению — «вещи в себе».

Указанная амбивалентность выражается и в том, что Кант, признавая *эмпирическую* реальность времени и пространства (т. е. их фактическую объективность), вместе с тем настаивает на том, что время и пространство — чистые (априорные) созерцания.

Кант правильно признает гносеологическую объективность категорий, истины и т. д., но ошибочно полагает, что познавательный процесс никогда не имеет дела с какой-либо иной объективной реальностью. Отсюда и присущее ему субъективистское понимание природы как созданной познанием «картины». Конечно, науки и повседневный опыт создают картину природы, но они не подвергают сомнению объективную реальность этой «картины», хотя на протяжении столетий она радикально изменяется и, значит, не совпадает с тем, что существует *само по себе*, безотносительно к познанию. Заблуждение Канта, как и все *великие заблуждения*, весьма содержательно: оно предвосхищает введение естествознанием XX века гносеологического понятия «физическая реальность». Основное заблуждение Канта находит свое дальнейшее выражение в том, что он так и не смог с достаточной определенностью сформулировать положение об отношении «вещей в себе» и ноуменов. То он их принципиально разграничивает (с чем нельзя не согласиться), то, напротив, *отождествляет*, что противоречит его изначальному и основному понятию «вещи в себе» как аффицирующей ощущения человека.

ОЙТТИНЕН В.

Мне кажется, что пытаться найти «ошибки» у великих философов — довольно тривиальное занятие, предполагающее, что мы думаем, что знаем правильный ответ. Но философия по большей части интересуется проблемами, а не «правильными» ответами. Таким образом, этот вопрос должен быть переформулиро-

ван следующим образом: насколько Кант преуспел в отыскании решений определенных философских проблем?

В таком случае одной из самых проблемных сторон кантовского наследия является, на мой взгляд, его трансцендентализм. Не вызывает сомнений, что человек никогда не достигнет полного знания мира и самого себя (имплицитно об этом говорит уже идея «неисчерпаемости материи»), но принцип трансцендентальности у Канта идет еще дальше, требуя от нас в конечном счете полагаться на веру, а не на знание. Я не сказал бы, что это ошибочно, но уж во всяком случае крайне проблематично.

ПАЙПЕР А.

Что касается главной ошибки Канта, то я не подписываюсь под мнением, что его погубила его приверженность ньютоновской науке и евклидовой геометрии в качестве предельных показателей объективности; анализ может быть подстроен так, чтобы соответствовать этим исторически обоснованным теоретическим допущениям. Скорее я бы сказала, что его главной ошибкой было что-то вроде того, что мы назвали бы проблемой «мусор на входе — мусор на выходе». Кант был уверен в том, что можно делать выводы о содержательных моральных обязательствах, по крайней мере в некоторых случаях, исходя из одной лишь формы мышления как такового. Многие более современные моральные философы присоединялись к благородной компании Канта, допуская ту же ошибку: полагая, к примеру, что мы можем вывести подобные обязательства из понятия разумного лица, принимающего решение, или из сообщества подобных

лиц, или из понятия действия, или из формальной процедуры рационального размышления. Все допускают ту самую ошибку, от которой предостерегал сам Кант в первой «Критике», а именно от предположения, что эмпирическое понятие может быть выводимо из трансцендентального. Это отношение имеет более сложный характер; а в случае морали необходимо заново устанавливать его на обходном пути разумной саморегуляции.

ПАЛМКВИСТ С.

Главной ошибкой Канта было то, что без ясной аргументации и надежного обоснования он допустил, что аналитическое а *posteriori* должно быть исключено из классификации знаний. Он разделяется с ним как очевидно самопротиворечивым за одно предложение. Между тем этот часто игнорируемый «скрытый четвертый» аспект кантовской эпистемологической матрицы может рассматриваться как ключ к решению множества проблем, которые доставляли немало хлопот самому Канту. В первой «Критике» Кант отрицает, что спекулятивная метафизика открывает нам доступ к априорному синтетическому знанию, но не говорит, как нам *следует* классифицировать «регулятивные идеи», которые занимают его место. Во второй «Критике» Кант называет свободу единственным «фактом» практического разума, но ничего не говорит о том, как мы можем эпистемологически представлять этот факт. А в третьей «Критике» Кант неоднократно допускает, что ноуменальный мир может каким-то образом вламываться в феноменальный, но не имеет точки опоры для этого допущения в санкционированной им терминологической матрице, если не считать таковой его крайне пробле-

матичные заявления о том, каким образом синтетическое a priori якобы функционирует исходя из этой позиции. Ясное объяснение и признание аналитического a posteriori решило бы все эти (и многие другие) проблемы.

ПЛОТНИКОВ Н. С.

Фундаментальную ошибку кантовской реконструкции трансцендентальной сферы я усматриваю в том, что Кант перетягивает свою излюбленную правовую модель интерпретации (закон в противоположность частному случаю) в теоретическую и практическую философию. Подобная *правоморфность* кантовского способа объяснения диктует определенное толкование как познания (рассудок в противоположность чувственности), так и действия (нравственный закон в противоположность склонностям), исключающее или превратно интерпретирующее целые сферы теоретической и практической рациональности. В теоретической сфере кантовская модель не позволяет узаконить историческое познание да и вообще познание, относящееся к наукам о духе. Что же касается области практической жизни, то сам Кант сталкивался с немалыми трудностями, пытаясь найти надлежащую интерпретацию феноменам деятельностной мотивации на основе своей правоморфной модели.

ПОЛЛОК К.

Главная ошибка Канта состояла в том, что он не сделал четкого заявления, что все заметки, которые мы сегодня объединяем под названием "Opus postumum", никогда не выходили за пределы мысленного эксперимента.

РЕДДИНГ П.

Хотя с современной точки зрения в кантовской философии имеется немало того, что можно рассматривать как неверное или вводящее в заблуждение, мне непросто представить какой-либо аспект его главных работ, который можно было бы охарактеризовать в качестве «ошибки». Со времени появления «Критики чистого разума» у Канта было немало критиков, но, на мой взгляд, самыми яркими из них были те, кто, как ранние пост-кантовские идеалисты, могли указывать на недостатки кантовского творчества, только опираясь на то, чему они научились у его революционной философии. Для Фихте и Гегеля, к примеру, Кант казался слишком зависимым от субъективистской перспективы пост-картезианской философии, и именно так многие смотрят на Канта в наши дни. Но, подобно ранним пост-кантовским философам, мы можем увидеть недостатки этой позиции исключительно в созданной самим Кантом перспективе.

РЕКИ Б.

В том, что он *недостаточно отчетливо* трансформировал как бы схоластически заимствованное из традиции разделение *mundus sensibilis* и *mundus intelligibilis** в собственное различение двух методических аспектов, т. е. *перспектив* мира, так что сегодня, отводя напрашивающиеся реально-онтологические недоразумения, его интерпретаторы могут опираться только на немногие краткие свидетельства о том, что эта трансформация имела место.

* Чувственно-воспринимаемый мир и интеллигибельный мир (лат.).

РОДЕН В.

Возможно, главная ошибка Канта сделана не им самим, а допущена, скорее, при его последующей интерпретации, заключааясь, в частности, в тройком непонимании того, (1) что Кант недостаточно проработал различие спекулятивно-конститутивного, теоретико-регулятивного и практически-конститутивного смысла идей. Фактически Кант скорректировал центральное понятие Платона и в этом смысле «лучше понял» последнего. Идеи наделяются у Канта, по существу, критическими или «архетипическими» функциями. (2) Что его чистый практический разум требует *чистой* моральности для *конечных* существ, которые, однако, в качестве таковых никогда не могут быть уверены в том, что действуют в соответствии с чистыми намерениями. Фактически эта идея требует скорее усилия в направлении собственного морального совершенствования, причем его следует рассматривать скорее в качестве постоянной борьбы за достижение блага, чем в качестве ее результата. (3) Что Кант недостаточно проработал вопрос о единстве разума в плане конвергенции бытия и долженствования на основе свободы. По сути, в каждой из трех своих «Критик» Кант по-разному мыслит это единство, так что перед нами стоит задача всякий раз по-новому динамически продумывать это «пред-аналитическое» единство. Нетрудно заметить, что философия Канта — не замкнутая и готовая философия, но она ставит перед нами задачи и одновременно подталкивает к тому, чтобы вместе с ним своими собственными усилиями содействовать решению тех великих проблем, которые так убедительно артикулированы в этой философии.

РОЗЕФЕЛЬД Т.

В том, что он не уехал из Кенигсберга... А если серьезно, то я не считаю, что у Канта есть какая-то главная ошибка, хотя ошибок у него множество. Об одной можно говорить с полной уверенностью, и она состояла в том, что он перенял у эмпириков очень неточное выражение — «представления».

РОРТИ Р.

Он всерьез относился к идее превращения философии в науку и тем самым помогал становлению академической дисциплины, которая так никогда и не смогла справиться с поставленной перед ней задачей.

СИНГЕР П.

Главной ошибкой Канта было то, что он считал, что только разумные существа могут быть целями самими по себе. Поэтому он приравнивал всех нечеловечных животных к простым «вещам» и заявил, что они не имеют внутренней ценности. Очевидно, однако, что нечеловечные животные могут чувствовать боль и страдание, и тот факт, что они не являются разумными существами, не может служить основанием для того, чтобы игнорировать внутреннюю значимость их страдания.

Кант, похоже, не замечал — и большинство его комментаторов тоже не указывают на это, — что многие люди не являются разумными существами. Младенцы не разумны, хотя в конце концов становятся разумными существами. А некоторые люди с врожденными дефектами, или те, кто вскоре после появления на свет пережили тяжелую мозговую травму, никогда не станут ра-

зумными существами. В соответствии с философскими принципами Канта получается, что они лишены внутренней ценности, не являются целями самими по себе, а суть простые вещи. И кажется, что мы могли бы обращаться с ними так, как в наши дни мы обращаемся с нечеловечными животными. Разумеется, никто не захочет сделать такой вывод. Но тот факт, что он вытекает из принципов Канта, показывает, что с его этикой не все в порядке.

СОКОЛОВ В. В.

Трудно говорить об «ошибках» столь выдающихся философов, как Кант. Не считаю таковой утверждение объективности существования вещей самих по себе, отвергаемое Якоби, Фихте и множеством других критиков кантианской эпистемологии, ибо понимаю философию прежде всего и главным образом как *верознание*. Однако можно говорить и об «ошибках» автора «Критики чистого разума» и других «Критик», которые, полагаю, стали результатом его удивительной продуктивности и, по-видимому, отсутствием их основательного редактирования. Отсюда в особенности переплетение «трансцендентального» и «трансцендентного», познаваемого и непознаваемого. Они в принципе должны быть четко различены и разведены, что, как известно, далеко не всегда произведено самим автором «Критики чистого разума».

СОКУЛЕР З. А.

Не хотелось бы формулировать вопрос таким именно образом. Может быть, лучше было бы так: что именно из насле-

дия Канта представляется в наибольшей степени связанным с мировоззрением XVIII века и не согласующимся с представлениями века нынешнего? Мне представляется, что таковыми моментами являются: (а) фактическое присутствие в учении Канта допущения предустановленной гармонии, (б) фактическое рассмотрение человека как совокупности двух противоположных начал — души и тела, — причем душа (точнее, разум) от Бога раз и навсегда оснащена неизменным набором необходимых и достаточных априорных принципов. Поясню, в каком смысле я позволяю себе говорить о наличии в фундаменте системы Канта принципа предустановленной гармонии. По Канту, наш априорный аппарат синтезирует многообразие чувственности (получаемое нами от воздействия на нас вещей самих по себе) в известные, от века заданные и неизменные формы. Предполагается как само собою очевидное, что подобный синтез будет всегда, до скончания веков, успешным. У Канта немыслима ситуация, когда синтез бы не удался, «рассыпался», ибо это свидетельствовало бы о неполноте и недостаточности описанного им набора априорных механизмов чувственности и рассудка для осуществления требующегося синтеза. Создается впечатление, что вещи сами по себе являются очень «ручными»; они никогда не преподнесут познающему субъекту драматических сюрпризов. Априорные формы субъекта и вещи сами по себе все-таки хорошо ладят между собой; они как бы подогнаны друг к другу. Это я и называю предустановленной гармонией. Вера в нее была подорвана последующим развитием науки, которое потребовало изменения того, что Кант отнес к априорным, т. е. неизменным структурам познающего

субъекта (вспомним про отказ от евклидовой геометрии в качестве физической геометрии).

Одним из аспектов этой «предустановленной гармонии» является трактовка субъекта как изначально несущего в себе полный набор необходимых и достаточных априорных принципов. Причем это касается не только сферы познания. Так же дело обстоит и с априори практического разума, т. е. с этическими принципами. Моральный субъект у Канта столь же внеисторичен и безусловен, как и гносеологический. Объяснить это, как мне представляется, можно лишь одним: кантовское представление о субъекте еще слишком связано генетически с понятием души, в которую Бог заложил — в готовом и неизменном виде — те структуры, которые ей требуются, чтобы совершить то, к чему она призвана (познавать мир и исполнять нравственный долг).

В общем, мой ответ на данный вопрос вырос из размышлений над тем, о чем говорил Г. Коген.

СТРАУД Б.

Хотя это нельзя назвать просто «ошибкой», думаю, Канта погубила идея о существовании такой вещи, как Разум со своей фиксированной структурой, к которому причастны все человеческие существа. Он считал, что изучает и раскрывает структуру именно такой абстрактной вещи или способности, и это оказало серьезное влияние на понимание им собственных результатов. Я не думаю, что это допущение существенно для исследования необходимых условий возможности какой-либо человеческой мысли и опыта или для оценки того особого отношения, в котором находились бы люди к истинам, у которых был бы об-

наружен такой особый статус. Глубокое значение, придаваемое тому факту, что мы находимся в подобном отношении к неким необходимым и всепроникающим чертам человеческой жизни, — характернейший признак философии Канта.

СТРЕЛЬЦОВА Г. Я.

Глубочайшее заблуждение Канта заключено в его этике. Если в «Критике чистого разума» он — весьма тонкий и не однозначный рационалист, то и в «Критике практического разума» можно было ожидать по крайней мере не меньшей, но даже большей тонкости и душевной пронизательности, каковых требует столь сложный и деликатный предмет, как нравственность, ее природа и принципы. Но, увы, здесь Кант оказался не на высоте поставленной задачи, и вместо того, чтобы идти вперед по сравнению с предшествующим рационализмом (как то имело место в его теоретической философии), он отступил назад — к одностороннему рационализму «самого Декарта». Культ разума в морали, логике и нравственной рефлексии — не для реального живого человека, а для ходульной «абстракции человека», какой в свое время была и «абстракция гносеологического субъекта» («духовный автомат», или «интеллектуальный робот» Спинозы). Реальная психология личности (а не «эфика» в терминологии Достоевского), равно как и «живая этика» (Е. И. Рерих) нас учат, что основы нравственности закладываются в раннем детском возрасте (до трех лет!) на уровне нравственных чувств и нравственных интуиций (в глубине «сокровенного сердца человека» ап. Петра), когда

«операциональный интеллект» ребенка (Ж. Пиаже) еще не сформирован. Здесь Канту следовало бы прислушаться к Паскалю или Юму, которые отнюдь не в разуме видели субъект нравственного порядка, а в сердце (Паскаль) и чувственной природе человека (Юм). Разум в морали является не «ведущей» инстанцией, а «ведомой» — тогда и рефлексия будет нравственной, а не безнравственной.

Выхолостив из своей «этики долга» нравственные чувства, эмоции, интуиции сердца, а вместе с ними и такие «высшие ценности», как любовь, милосердие, сострадание, самоотверженность и т. д., Кант лишился подлинных нравственных ориентиров, т. е. Абсолюта в этике. О какой морали может идти речь, если исходить не из любви к человеку, а из абстрактного, по существу «юридического», категорического императива? Слушайте Паскаля! Никто лучше него не выразил специфики «трех порядков бытия»: как из всех тел в природе, вместе взятых («физический порядок»), не получить ни крупицы ума, так из всех умов, вместе взятых («интеллектуальный порядок»), не получить ни крупицы любви — это совсем другой, «нравственный порядок бытия», т. е. не порядок ума, а порядок сердца. А «у сердца свои законы, которых разум не знает».

СТРОСОН II.

Его главной ошибкой была неспособность осознать, что корректная доктрина эмпирического реализма несовместима с его ошибочной убежденностью в реальности и непознаваемости вещей самих по себе, т. е. с трансцендентальным идеализмом.

ТЕИС Р.

Понятие ошибки в отношении философии, чем бы она ни была, кажется какой-то ловушкой. Философская мысль там, где она приняла более или менее систематичную форму, управляется своей собственной логикой и внутренней связью, зависящей, с одной стороны, от формальных условий, а с другой — от некоторого числа материальных условий, которые и гарантируют эту связь. Мне представляется очевидным, что они являются функцией идеологического контекста, который автор не всегда осознает. В любом случае язываю к «благожелательной уступке» как фундаментальному герменевтическому принципу. Впрочем, сам Кант в этом отношении весьма ясно выразил свою позицию в предисловии к работе «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога» (1762 / 1763).

Нет никаких сомнений, что кантовской мысли не удастся избежать этой случайности исторических условий ее формирования. Особенно в том, что касается теории априорного и в более широком смысле — разума. Очевидно, что способ ее выражения у Канта, в соответствии с общей направленностью его логической «закрытой» модели, конституирует некое ограничение, от которого пытаются избавиться с времен Гегеля. Еще один пример: при рассмотрении теории религии оказывается, что концентрация только на нравственных моментах не позволяет прочувствовать все символические измерения религиозного человека.

Таким образом, вместо рассуждения об ошибках лучше было бы сказать об «односторонности» кантовской философии.

ТИММЕРМАН Й.

Если взять в скобки некоторые погрешности его трансцендентального идеализма, то величайшей ошибкой Канта было то, что он защищал смертную казнь. Имеются, как представляется, сильные кантианские основания в пользу того, чтобы никогда полностью не отречься от индивида, а скорее уж всегда сохранять надежду, что этот индивид, он или она, может улучшиться.

ТРОПОЛЬСКИЙ А. Н.

В том, что Кант полагал, что можно с одинаковой логической достоверностью доказывать тезисы и антитезисы относительно метафизических сущностей. Действительно, такие доказательства убедительно бы демонстрировали невозможность метафизики в статусе философской науки, так как в этом случае, принимая в метафизических рассуждениях закон Дунса Скотта: «из А и не-А следует В», можно было бы доказывать в метафизике все, что угодно, и тем самым навсегда закрыть вопрос о возможности существования твердого ядра в философии и полагать, что теоретическая философия — метафизика содержит в себе информацию лишь в статусе веры. Однако в настоящее время мы уже имеем работы, в которых показывается, например, логическая некорректность доказательства Кантом (при отсутствии упоминания имени Канта) тезиса: мир имеет начало во времени (см., напр.: Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика. М.: Владос-Пресс, 2001. С. 486).

ТУШЛИНГ Б.

На мой взгляд, у Канта нет «главной ошибки». Скорее, будучи методическим скептиком и критическим философом, которым он стал, начав как метафизик лейбнице-вольфовской школы, и которым оставался до конца жизни, он всегда критически относился и к себе, прежде всего к себе. Пройдя сквозь множество «пертурбаций» (Кант — Ламберту, 31. 12. 1765, в АА 10: 55.31), он вновь и вновь продумывал то, что некогда считал истинным, и там, где это казалось ему нужным и правильным, предлагал взамен новые (и даже радикально новые) решения: так, к примеру, вплоть до 1768 года он трактовал теорию пространства и времени, следуя Лейбницу / Вольфу, затем, главным образом в небольшой работе «О первом основании различения сторон в пространстве», поддерживая Ньютона, выступил против Лейбница, заявив об абсолютности пространства, чтобы, наконец, после новой радикальной «пертурбации», начиная с 1770 года, т. е. с «Формы и принципов чувственно-воспринимаемого и интеллигибельного мира», отстаивать ставшую впоследствии классической «субъективистскую» теорию пространства и времени как форм созерцания и как чистых созерцаний.

Такая же постоянная способность и готовность к самокритике имела место и относительно базовых положений и структуры проекта «критики чистого разума» и «трансцендентального идеализма» вообще: в то время как «Критика чистого разума» учит, что *априорными* и *трансцендентальными*, т. е. конститутивными для предметов возможного опыта, являются *только формы* чистого созерцания и чистого мышления, тогда как *материя* является *подлинно-эмпирическим*, которое «дано нам...

только *a posteriori*», в так называемом «Opus postumum», начиная с 1796 года, Кант работает над проблемой необходимости существования *также и материальных* «условий возможности опыта» — кульминацией этих разработок стал созданный в 1799 году набросок «Переход 1–14». *Материя*, стало быть, есть, в частности, «реальное и *a priori* данное разумом вещество мира и должна рассматриваться в качестве принципа возможности опыта системы движущих сил» (21: 216.4–7). Соответственно, материя дана *a priori* посредством разума (216.4 f.) — есть принцип возможности опыта (216.5 f.) — субъект движущих сил (216.19) [...] самодеятельности (216.22 f.), т. е. образования тел (216.20–23) — вещественное мировое целое (21: 217.2) — *a priori* лежит в основании того всеобщего возможного опыта — *a priori* [...] данное первоначально движущее вещество мира (217.12–15) — недоказуемое никаким опытом (следовательно [!], данное в познании *a priori*) повсюду распространенное и всепроницающее вещество мира (21: 559.59, дано как заголовок) — первовещество телесного мира [...] внутренне самодвижное первовещество (561.7–10) — из понятий *a priori*, стало быть, необходимо предшествующее, но для возможности единого всеохватного опыта вообще категорически данное вещество (563. 12–15).

Все это настолько явно противоречит основной концепции «Критики чистого разума», согласно которой материя только эмпирична и может быть дана только посредством чувственности, что *mainstream** кантоведения, дабы не расходиться с Кантом, предпочитает либо замалчивать задокументированную в

* Главное течение (англ.).

«Opus postumum» радикальную самокритику, переходящую в самоотрицание трансцендентального идеализма (ср.: Tuschling B. *Übergang: Von der Revision zur Revolutionierung und Selbst-Aufhebung des Systems des transzendentalen Idealismus in Kants opus postumum*, in: *Architektonik und System in der Philosophie Kants*, hrsg. v. H. F. Fulda und J. Stolzenberg, Hamburg, 2001. S. 128–170), либо принижать ее как продукт старческой немощи.

Однако апологеты ортодоксии не замечают, что содержащееся в приведенных цитатах и констатированное выше противоречие с самого начала присуще критическому проекту, т. е. имеется уже в «Критике чистого разума». Как показал Джефф Эдвардс, это справедливо прежде всего для «Третьей аналогии опыта» (Edwards J. *Substance, Force and the Possibility of Knowledge*. Berkeley/Los Angeles/London: University of California Press, 2000); как показал автор этих строк в указанной работе и как покажет Брайан Холл в своей уже почти готовой диссертации «Kant, Realism, and Anti-Realism», это верно также и для отсылки в разделе о «Трансцендентальном идеале» к результату «сказанного в трансцендентальной аналитике», где делается сначала подтверждающее заявление относительно определения материи как собственно эмпирического, а затем высказывается нечто противоположное: «Возможность предметов чувств есть их отношение к нашему мышлению, в котором нечто (а именно эмпирическая форма) может мыслиться a priori, а то, что составляет материю, реальность в явлении (то, что соответствует ощущению), должно быть дано... Но предмет чувств может быть всесторонне определен только в том случае, если он сравнивается со всеми предикатами явления и представляется посредством них поло-

жительно или отрицательно... материя для возможности всех предметов чувств должна предполагаться данной в некоей совокупности... следовательно, предметом для нас может быть только то, что предполагает эту совокупность всей эмпирической реальности как условие своей возможности» (А 581f. / В 609f).

Уже здесь со всей отчетливостью сказано, что материя как совокупность всей эмпирической реальности есть условие возможности всех предметов опыта и должна быть дана в качестве таковой, предшествует им как материальное условие возможности опыта, а значит должна предполагаться а priori, но еще более радикально это выражено в следующих формулировках «Первой аналогии опыта», которые, если я не ошибаюсь, до сих пор вообще не были удостоены внимания кантоведения, не говоря уже об их использовании: «Без этого постоянного невозможно, следовательно, никакое временное отношение. Но время само по себе не может быть воспринято; значит, *это постоянное* в явлениях есть субстрат всякого определения времени, а поэтому *также и условие возможности всякого синтетического единства восприятий, т. е. опыта...*» (А 183 / В 226, в оригинале выделение отсутствует). Для «этого постоянного в явлениях» как условия возможности опыта справедливо тем самым все то, что верно для эфира или теплового вещества наброска «Переход 12», «в основе дедукции [которых] заложен априорный принцип, а именно принцип необходимого единства совокупного понятия возможности единого опыта» (21: 586.19–22): этот «субстрат всякого определения времени» «Первой аналогии опыта» «Критики чистого разума» есть «материя, которая уже в своем понятии содержит прин-

цип единства возможного опыта... [она] вместе с тем есть основа всех предметов возможного опыта и делает единство этого опыта возможным и необходимым» (21: 589.5–8). Таким образом, уже в 1781-м, а не впервые в 1799 году, Кант делает «материю (субстанцию)» (A 185 / B 228) *условием возможности всякого синтетического единства восприятий, т. е. опыта...*» (A 183 / B 226, в оригинале выделение отсутствует), которая как «материя для возможности всех предметов чувств должна предполагаться данной в некоей совокупности», а значит должна приниматься в качестве данной а priori (ср. еще раз цитированное выше высказывание из A 581f. / B. 609f.) (Манфред Баум любезно напомнил мне еще и о следующей фразе из «Опровержения идеализма», которая в дополнение к A 183 / B 226 и A 581f. / B 609f. подтверждает сказанное: «Мало того, что всякое определение времени мы можем воспринимать только через смену во внешних отношениях... у нас нет даже ничего постоянного, что мы в качестве созерцания могли бы положить в основание понятию субстанции, кроме *материи*, и даже *это постоянство* не берется из внешнего опыта, но *a priori предполагается как необходимое условие всякого определения времени*» (B 278)).

В отличие от своих ортодоксальных интерпретаторов, сам Кант заметил эту фундаментальную конфликтность своего понятия субстанции и материи, самокритично оспорил себя и попытался разрешить это противоречие. Это, а не какая-нибудь догматическая «главная ошибка» отличает Канта как революционного и до конца своей жизни критического и продуктивного философа.

Фундаментальное противоречие присуще и практической философии Канта, которое, впрочем, является не недостатком Канта, а структурным законом гражданского общества. Ибо практический разум категорически повелевает осуществить: свободу и равенство всех людей; т. е. *человеческое право по публичным принудительным законам*, посредством которых *каждому* определяется и гарантируется *свое* и тем самым обеспечивается *справедливость* (О поговорке..., 8: 289.26–28); и наконец вместе с этим — вечный мир, «высшее политическое благо» (Учение о праве, «Заключение», 6: 355.7–30). Но этому антагонистически-исключающее противостоит следующий принцип: «*Однако такое всеобщее равенство между людьми как подданными государства вполне может сосуществовать с величайшим неравенством в размере и степени того, чем они обладают...*» (О поговорке..., 8: 291.34–36ff.). Антагонизм «необщительной общительности», известный Канту, служит природе «средством... развития всех задатков людей» (Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане, четвертое положение, 8: 20.26ff.), а значит окультуривания человеческого рода и приведения его к созданию *всеобщего правового гражданского общества* (там же, пятое положение, 8: 22.6–8). Кант ясно видел и заявлял, что этот антагонизм всецело определяет также и гражданское общество; но он не понимал, что этот антагонизм приводит к тому, что все больше и больше людей утрачивают собственность и лишаются гарантий своего существования, и что, следовательно, при условии этого антагонизма невозможно «*полностью справедливое гражданское устройство*», равно как и общество, сочетающее «величайшую свободу, а значит и постоянный ан-

тагонизм между всеми его членами, и вместе с тем точное определение и сохранение границ этой свободы» (ср.: там же, 8: 22.8–21), а возможно, еще и не мог понять. Лишь Адам Смит, Гегель, Маркс и другие впервые сделали это философской проблемой.

Этот антагонизм есть структурный закон гражданского общества и остается таковым. Ведь правовая форма свободы и равенства служит воспроизведению все нарастающего материального неравенства и несвободы. История гражданского общества вплоть до сегодняшних дней показывает, что это постоянно противодействует заповеди практического разума: *«Никакой войны не должно быть, ни войны между Мною и Тобой в естественном состоянии, ни войны между нами как государствами, которые внутренне хотя и находятся в законном состоянии, но внешне (в отношениях между собой) в состоянии беззакония»* (Учение о праве, «Заключение», 6: 354.21–24).

УАРД Э.

Вначале я хочу сказать о том, что, как я считаю, *не* является «великой ошибкой» Канта. Его приверженность трансцендентальному идеализму, в противоположность тому, что думают на этот счет многие англо-американские философы в наши дни, вовсе не есть какая-то серьезная ошибка. Наоборот.

Его главной ошибкой было скорее то, что он полагал, будто он в состоянии защитить возможность свободы воли перед лицом тотального детерминизма, существующего в пространственно-временном мире. Поскольку его защита свободной воли (на мой взгляд) неудовлетворительна, его попытка заменить эмпи-

рическую теорию морали рационалистической неудачна. Более того, должны обрушиться и его практические аргументы в пользу существования Бога и бессмертия души (поскольку они зависят от нашего обладания свободной волей).

УАТКИНС Э.

При ретроспективном рассмотрении в сочинениях Канта есть немало спорного, и думаю, что многие современные философы заняты именно тем, что оспаривают кантовские положения, неважно, делают они это осознанно или нет. Однако допускать ошибку, значит — по крайней мере таков один из главных смыслов этого слова — делать то, что, как могло бы быть известно тому-то, является неправильным или неподобающим, и, принимая во внимание трудность и амбициозность проекта или проектов Канта, кажется несправедливым слишком уж осуждать его за неизбежно упущенные возможности.

УИЛЬЯМС Х.

Главная ошибка Канта состояла в том, что он не родился позже лет на сто и поэтому не смог воспользоваться разработками в области социальных исследований, в частности в политической экономии и социальной антропологии, что сделало бы его попытки реализации своей практической философии более эффективными.

Если же говорить о вещах, на которые он мог повлиять, то он мог бы уделить чуть больше внимания своему литературному стилю во второй и третьей «Критиках» и выказать чуть большее уважение женщинам, рассуждая об их интел-

2.7

лектуальных способностях и политической мудрости. Множество нерешенных трудностей есть и в его трактовке религии. Он обходится без эмпирического понятия о божественном существе, но какое же существо мы должны представлять как значимое для практической философии?

ФИШЕР П.

Кантовское учение о постулатах чистого практического разума, а именно о бессмертии души и о бытии Бога, на мой взгляд, не выдерживает имманентной критики. Оно самопротиворечиво и «хитрит» с аргументами. Кроме того, оно совершенно необязательно для кантовской моральной философии.

Вместе с тем мне непросто говорить о некоей «главной ошибке», так как я готов согласиться с самой постановкой проблемы, состоящей в том, чтобы дать надежду и утешение морально настроенному человеку в довольно-таки аморальном мире. Поэтому в своей книге “Moralität und Sinn. Zur Systematik von Klugheit, Moral und symbolischer Erfahrung” (München, 2003) я пытался показать, что сам Кант указывает на альтернативу мнимой религии разума, а именно на моральный смысл суждений о прекрасном и возвышенном, а также суждений телеологического рассмотрения природы и истории, — но не забывая об их статусе.

ФЛАМАРИК Л.

«Антропологизация философии»: в «Критике чистого разума» Кант строит метафизику на фундаменте естественной склонности разума и признания границ рассудка. Со-

ответственно, Кант очерчивает онтологию, в центре которой оказывается сознание.

Если говорить в аристотелевских терминах, то крупнейшей ошибкой Канта, как мне кажется, является его гилеморфический подход к человеческому знанию. Ведь это означает, что знание мыслится в терминах “poiesis”, а не “praxis” (в аристотелевском смысле). Это громадная ошибка, единственным оправданием которой является то, что сам Кант стремился объяснить метод естествознания на фоне эмпиристской традиции.

ХАЙДЕМАН Д.

Я буду говорить не о «главной ошибке» кантовской философии, а о ее фундаментальных проблемах. В теоретической философии они имеют отношение к вопросу о том, каким образом можно убедительно обосновать фундаментальные положения критической теории познания, прежде всего различие чувственности и рассудка и, соответственно, созерцания и понятия в их наличном устройстве. Здесь речь идет в конечном счете об основополагающей теории познающей субъективности, к сожалению, детально не разработанной Кантом. В практической философии проблематичным мне кажется то, что кантовские аргументы в пользу универсальной значимости нравственного закона в конечном счете сводятся к сознательно-теоретическим очевидностям, обосновательный статус которых остается по большей части непроясненным, даже если Кант и не вводит нравственный закон исключительно через полагание.

ХАУЭЛ Р.

Как я уже дал понять, отвечая на первый вопрос, я считаю, что многие конкретные воззрения Канта могут вызывать вопросы — к примеру, его аргументы в пользу трансцендентального идеализма, его дедукция категорий, отталкивающаяся от утверждений о *Я мыслю* (но не его объяснение самого *Я мыслю*), и его рассуждения во Второй аналогии. Однако, принимая во внимание глубину и потрясающую оригинальность этих взглядов, а также их заметное влияние на последующую философию, было бы на редкость неправильным заявлять, что он допустил ошибку при их разработке. Если бы к некоторым из своих воззрений он применил те же критические способности, которые он обнаруживает в паралогизмах и других местах, то он мог бы приблизиться к истине в трактовке этих конкретных воззрений. (К примеру, он мог бы изменить или уточнить свою версию идеализма.) Но не исключено, что такая самокритика лишила бы его возможности разработать другие, в равной степени существенные идеи. Кроме того, по прошествии двухсот лет, мы до сих пор работаем в тех же основополагающих рамках, которые он оставил нам, — или оспариваем их. Вне этих рамок мы не имеем какого-либо ясного представления, которое позволило бы нам оценить сами эти рамки. Так что, если не делать массу оговорок, я не считаю, что разговор в терминах «главной ошибки» Канта может что-то прояснить.

ХЕНРИХ Д.

Он придавал слишком большое значение полноте реализации в ущерб исследованию источников. Не исключе-

но, правда, что он должен был поступить так, отчетливо понимая, что еще не отыскал надежной почвы при исследовании источников. В полноте применения он должен был поэтому усматривать лучшую возможность убедиться в правильности критического учения.

ХЁСЛЕ В.

Неприемлемы субъективно-идеалистическая интерпретация *Argiori* у Канта и его учение о ноуменах. Неосуществима и полноценная этика без [понятия] материальной ценности.

ХЁФФЕ О.

Только наивный умник полагает, что может вменить Канту какую-то «главную ошибку». Такой первостепенный мыслитель, как Кант, заслуживает скорее все нового и нового основательного и творческого прочтения. При этом в поле нашего зрения попадает гораздо больше непреходящих идей, чем ошибок. К тому же: что, собственно, понимать под «ошибкой» в философии?

ХИЛЛ Т.

Кант не признавал *в адекватной степени* и не использовал то обстоятельство, что моральная философия и моральное решение в некоторых существенных моментах должны опираться на эмпирические факты. Кант верно доказывал, что некоторые фундаментальные вопросы моральной теории, в особенности вопросы концептуального анализа и ряд вопросов о рациональности, требуют философской

рефлексии и не могут быть улажены эмпирическим исследованием. В «Метафизике нравов», а имплицитно и в других местах, он признает необходимость учета общих фактов о состоянии людей для формирования разумных принципов относительно формы правления, наказания, международных споров и личной нравственности. Однако по многим пунктам он преувеличивает то, что может быть реализовано независимо от эмпирической информации. Это может поощрять читателей к опасному игнорированию эмпирических фактов, даже если они имеют существенное и важное значение. Возможные области подобного преувеличения включают следующее. (a) Представление Канта о том, что в вопросах наказания мы можем не принимать во внимание юный возраст преступников и данные о среде, в которой они находились, допуская, что они несут полную ответственность за свои действия, являющиеся результатом выбора их собственной свободной воли. На мой взгляд, это ведет к чрезмерно ограниченному представлению об условиях, смягчающих вину. (b) Кант хочет заставить нас поверить, независимо от эмпирических свидетельств (и даже, по-видимому, в противовес таким свидетельствам), что мы можем преодолеть желания и импульсы, противоположные долгу, что вечный мир возможен, что имеет место исторический прогресс в направлении блага (несмотря на ужасные войны и насилие) и что есть разумные основания надеяться на личное бессмертие. (c) Многие конкретные моральные убеждения Канта, как кажется, принимаются им без адекватного рассмотрения морально релевантных различий

эмпирической ситуации, в которой должно быть вынесено моральное решение. Пример — его мысль о недопустимости лжи даже ради спасения друга от гибели.

ХИНСКЕ Н.

В его теории прогресса, т. е. в его убежденности в некоем необратимом продвижении человечества в целом к лучшему. Ср.: Hinske N. Das stillschweigende Gespräch. Prinzipien der Anthropologie und Geschichtsphilosophie bei Mendelssohn und Kant, in: Albrecht M. u. a., (Hrsg.) Moses Mendelssohn und die Kreise seiner Wirksamkeit. Tübingen, 1994. S. 135–156.

ХУД К. Э.

Я бы сказал, что его главная ошибка заключалась в том, что в своем учении о праве и в других местах он доказывал, что правитель имеет права, но не имеет обязанностей по отношению к своим гражданам, и что правителю надо подчиняться, даже если он правит несправедливо и нарушая права личностей, и что он усугубил эту ошибку, признав смертную казнь одним из необходимых элементов власти правителя. Кант доказывает, что ничто эмпирическое не может изменить то, что является а priori истинным. Абсолютная власть правителя допускает, чтобы личная эмпирическая потребность в применении силы или принуждении ограничивала или отменяла априорные внутренние права личности. То, что гражданин, даже испытывая насилие, не может прибегать к силе или насилию для

защиты его прав, не противоречит основополагающему представлению Канта о личности и ее правах. Но некогерентность или противоречие в том, чтобы доказывать, что правитель может поступать таким образом, дабы провести свое решение, неважно, справедливое или несправедливое. Гражданин должен был бы соглашаться с несправедливым отношением, соглашаясь принять несправедливость по отношению к себе, и должен был бы поступать несправедливо для выполнения несправедливого приказа, отданного правителем. Долг справедливой личности состоит в неприятии несправедливости по отношению к себе и в отказе от выполнения приказа, причиняющего несправедливость другому. Кант доказывает, что это привело бы к хаосу и утрате всякой справедливости. Возможно, но необходимости здесь нет. И необходимости точно нет, если исходить из его воззрений на человеческую природу как разумную свободу. Смертная казнь противоречит заверениям самого Канта, что ничто эмпирическое не может уничтожить личностность и права, которые она подразумевает. Даже самое ужасное убийство все-таки эмпирично. Кроме того, Кант доказывает, что легитимными могут быть только те законы, которые человек может последовательно относить к себе, а это предполагает универсализацию. Никто не может последовательно хотеть того, чтобы его (ее) убили за некое эмпирическое деяние. Ведь это предполагало бы причастность к воле к саморазрушению, что означало бы стремление к самоубийству, которое, как доказывает сам Кант, противоречит категорическому императиву.

ХЭН Р.

В теоретическом познании мы многим обязаны Канту, который помог нам понять тщетность традиционных проектов метафизики, поиска вещи-в-себе. Уяснив, что мы накладываем некие условия на наше познание, мы понимаем, что никогда не можем познать объект независимо от этих условий, т. е. в-себе. Но Кант сильно ошибся, не расширив свой подход так, чтобы подорвать возможность еще и субъективной достоверности. Кант должен был бы, но не отрицал возможность метафизической / эпистемологической достоверности также и относительно структурирующего субъекта. Главной ошибкой, таким образом, был его роман с «достоверностью» и его нежелание окончить его. Если бы наряду с отрицанием трансцендентального реализма он отказался бы и от трансцендентального идеализма, он пришел бы к правильной проблематике, артикуляции внутреннего реализма. Наша задача заключается в том, чтобы установить, как можно придать смысл эпистемологическим и (или) метафизическим «стандартам» в ситуации, когда мы признаем, что абсолютная достоверность не может быть гарантирована ни объектом, ни субъектом. Таким образом, хотя, как мне кажется, мы должны искать стандарты, которые, однако же, не могут быть абсолютными, а Кант стремился именно к ним, мы обязаны Канту тем, что он открыл путь к этим проблемам, закрыв двери трансцендентальному реализму.

ЧЕРНОВ С. А.

«Ошибка», наверное, не самое подходящее здесь слово, и все же можно, видимо, сказать, что Кант прежде всего оши-

бался в своей непоколебимой уверенности в том, что метафизику можно построить как единую для всех людей *аподиктическую науку*, полностью завершить ее построение «до конца текущего столетия», доставив разуму «полное удовлетворение», и передать ее всем будущим поколениям как «капитал, не подлежащий увеличению». В основе этой уверенности лежало ложное представление о *чистом разуме*, который каждый может найти «в самом себе», так что все «простые акты» некоего «чистого мышления», или «чистые понятия», могут быть перечислены благодаря рефлексии окончательным и исчерпывающим образом. Или, иначе: ложное убеждение в том, что есть категории (понятия) *сами по себе*, что немецкий профессор Кант может, имея дело «с самим собой», «отвлечься» в утренние часы «от всяких объектов» и наблюдать в чистом виде некий «чистый рассудок». Мне кажется, что главную «роковую роль» сыграло здесь соединение аристотелевского идеала аподиктической науки (абсолютной логической необходимости) с принципом спонтанной творческой активности субъекта. Эта взрывоопасная смесь заставила Канта вывести всякую связь (единство) из субъекта, построить «дедукцию категорий» и ввести «чистое созерцание»: признать пространство и время чистыми формами чувственности.

ШВАРЦ Г.

Главная ошибка Канта как философского автора состояла в том, что во многих случаях он выбирал такую форму сообщения своих мыслей, которая нередко скорее вводила в

зablуждение читателей, чем проясняла им систематическую основу его философствования.

ШМИТЦ Г.

В недостаточном анализе обусловленности того, что казалось ему самопонятным. Кант пытается показать, что предметный мир конституируется ощущениями, формами созерцания и категориями, и для этого предполагает уже конституированного субъекта с готовыми способностями, а также чисто единичные, исключительно неупорядоченные ощущения (чувственные данные) и вещь в себе со стороны объекта. Ему не пришло в голову, что сначала должны были бы конституироваться единичность и субъективность или что во всяком случае их следовало бы проанализировать в первую очередь. Его представления о пространстве и времени усечены психологическими и естественно-научными условиями той эпохи и не учитывают привязку человека к своему телу, если говорить о пространстве, а также (равным образом телесно фундированную) модальность времени — прошлое, настоящее и будущее. Кант очень уж наивно верил во всеобщую и необходимую значимость априорных синтетических суждений в математике и естествознании. В этике он смешивает свой формализм с платонической метафизикой души (высшая и низшая способность желания).

ШОНЕКЕР Д.

Список и здесь большой. В теории познания главная ошибка, на мой взгляд, состоит в том, что пространство и

2.?

время признаются формами созерцания, и только; на этом тезисе стоит (и падает, на мой взгляд) вся критическая философия. В этике подобной ошибкой оказывается мнение о том, что категорический императив и вместе с ним идея формальной универсализации являются реально применимым средством для отыскания моральных принципов.

ШОХИН В. К.

Меньше мне нравятся у Канта попытки соединить несоединимое, например сидеть на двух стульях (пусть и весьма добротных самих по себе) — и коперниканской революции, и классической метафизики, — сознательно закрывая глаза на то, что первая была направлена против второй (никак не меньше чем против сциентизма). Отсюда и незаконная переинтерпретация понятий, типа того, что «гордое имя онтологии, притязающей на то, чтобы давать априорные синтетические знания о вещах вообще в виде систематического учения (например, принципа причинности), должно быть заменено скромным именем простой аналитики человеческого рассудка» (А 247 / В 303). Всякому очевидно, что было бы гораздо правильнее сказать, что в критической философии онтология должна быть замещена аналитикой рассудка, но Кант был буквально влюблен и в метафизику, и в ее разделы и поэтому никак не хотел расставаться с последними... Что же касается кантовской «практической философии», то очевидно, что претензия выявить в человеческих поступках химически чистые нравственные мотивы, не отяго-

щенные эмпирическими интересами, отделить молоко моральности от воды легальности и рассуждения о том, что в точности ценно в человеке в глазах Божиих, а что нет, означали претензию на обладание уже нетварным разумом (для которого открыты все «сердца и утробы») — претензию, несколько не соответствующую кантовской установке на «самокритику разума».

ШТАРК В.

Здесь я хотел бы, слегка подмигнув, ответить уклончиво; когда речь идет о личности такой исторической величины, как Иммануил Кант, я лично не считаю себя вправе высказывать какие-то претензии, кроме одной: возможно было бы лучше, если бы Кант женился и сложил более точное, подкрепленное опытом, мнение о роли и функции женской стороны человеческой природы.

ШТОЛЬЦЕНБЕРГ Ю.

Я не думаю, что сегодня у нас есть общее согласие относительно того, в чем состояла «главная ошибка» Канта и имеется ли она вообще. Нельзя согласиться с неокантианцами, что Кант получил результаты при отсутствии посылок. Это совершенно неверная оценка и самой философии Канта, и отношения к ней неокантианцев. Так что прежде всего надо четко определить «главную заслугу» Канта. И она состоит в высшей степени оригинальном сочетании решительной, методически проведенной критики неоправданных притязаний на значимость, с одной стороны,

и выстроенной на ней основе философских теорий познания, действия, права, природы и искусства — с другой. Конечно, в работах Канта можно выявить множество содержательных проблем и проблематичных аргументов. Прежде всего, это сами критические по отношению к метафизике аргументы, а также аргументы, которые Кант выдвигает в своем учении о постулатах. В кантоведении они по-прежнему рассматриваются как в высшей степени проблематичные. Проблематичными считаются и некоторые аргументы, имеющие решающее значение для теории познания, к примеру аргументация в трансцендентальной дедукции чистых понятий рассудка, схематизме, аналогиях опыта, опровержении идеализма, а также проистекающие из них выводы. Оспаривается в современных этических дискуссиях и значение кантовского учения о добродетели для обоснования этики. Это лишь некоторые проблемные области, по отношению к которым не имеет смысла говорить об «ошибках» или тем более о «главной ошибке». При ответе на этот вопрос следовало бы также разъяснить, имеется ли здесь в виду внутренняя когерентность аргументов Канта или речь идет об «ошибках», которые выявляются по отношению к другим базовым допущениям, не согласующимся или плохо согласующимся с философией Канта, и выведенным из них следствиям для кантовской философии. Важный момент, на который следует обращать внимание, говоря о мнимых «ошибках», состоит в том, чтобы ясно понимать, в чем именно состоит та или иная проблема, решение которой предлагает Кант.

Если уяснить это обстоятельство, то многие возражения можно будет свести к недоразумениям относительно того, какие цели преследовал Кант в своих доказательствах, как это имеет место с постоянно воспроизводимым упреком касательно формализма кантовской этики или связанным с ним упреком, что Кант не в полной мере учитывал «всего человека», а именно роль эмоций и аффектов в своей теории субъекта.

ЭДВАРДС Д.

У меня было недостаточно времени для обдумывания трех вопросов интервью, так как профессор Васильев лишь несколько дней назад нашел мой электронный адрес и прислал мне приглашение принять участие в этой дискуссии. Поэтому, попытавшись ответить на вопросы (1) и (3), я должен просто обойти второй вопрос, хотя мой ответ на него был бы параллелен ответу на первый.

ЭЛЛИСОН Г.

Очевидно, что есть немало вещей, относительно которых я хотел бы, чтобы Кант их никогда не говорил (к примеру, некоторые его высказывания о женщинах, сексуальной морали и т. п.), и многие его аргументы оставляют желать лучшего. Кроме того, в ряде областей (таких, как математика) его взгляды устарели в свете последующего развития. Однако ничего из этого, на мой взгляд, нельзя считать «ошибками». Но если бы я должен был выбрать одну такую ошибку, думаю, что главной из них было его досадное решение опуб-

2?

ликовать «О мнимом праве лгать из человеколюбия». Здесь Кант не только изображает свои взгляды по данному вопросу, но и делает искаженную картину своей моральной теории легкой добычей для критиков.

АМЕРИКС К.

Определенно, и если не произойдет чего-то ужасного, я уверен, что с годами, открывая для себя новые перспективы и получая все новую информацию, мы и дальше будем улучшать понимание большинства фигур.

АПЕЛЬ К.-О.

Я действительно верю, что прогресс в герменевтическом понимании больших мыслителей в принципе возможен не только в эмпирической науке, но и в философии. (При ответе на первый вопрос я уже указал, что можно даже лучше понять Канта, чем он понимал сам себя, и почему это так).

В частности, я полагаю, что сегодня мы можем лучше понять Канта, чем это могли сделать, скажем, неокантианцы столет назад. Эта возможность связана со сменой *парадигм* в философии: обращением к ее фундаментальным предпосылкам, которое можно обозначить как «лингвистико-герменевтико-прагматический поворот». Исходя из этого поворота, *познаватель-но-критическая* версия кантовской трансцендентальной философии может быть, на мой взгляд, дополнена инспирированной Пирсом, Витгенштейном и Хайдеггером лингвистико-критической и смысло-критической версией и освобождена от апоричных ограничений пост-картезианской философии субъекта. При этом, в отличие от задающих сегодня тон представителей «лингвистико-герменевтико-прагматического поворота», я считаю, что кантовская *трансцендентальная* постановка вопросов и *трансцендентальная* рефлексия должны, конечно же, не устраняться, а углубляться.

АХУТИН А. В.

Понять лучше в философии значит полнее вернуть слово философу, услышать его как слово еще им не сказанное, еще имеющее что сказать в новые времена. Правда, для этого новые времена должны иметь философские уши (каковые 100 лет назад имелись). Если говорить не о специалистах и чудаках, а о «духе времени», ни к кому дух нашего времени не поражен такой глухотой, как к Канту (насколько, конечно, я могу судить из своего угла). Дело не в непонимании, а именно в глухоте, невосприимчивости. Дело не в том, хочу я сказать, что интеллектуалы в массе своей утратили вкус к философским «спекуляциям» (как будто без них можно понять, о чем кричат кричащие факты), а в характере, общем направлении мысли.

Так или иначе, продуманно или бездумно, с гегелевским историософским размахом или отмахиваясь на ходу закланьями о «смерти субъекта», мысль минует именно то, что для Канта было абсолютной самоценностью: *частного человека*. Кант хранит для всех времен истину: ничто не может быть целью, оправдывающей превращение частного человека в средство. Не верьте софизму, будто только *общее благо* (государства, нации, человечества) способно обеспечить частное благо каждого, а потому каждый должен служить общему благу. До сих пор эти *общие блага* — как архаические идолища — требовали только кровавых жертв и не насыщались. Кант — философ правового государства, гражданского общества, философ «прав человека». Общее должно быть устроено исходя из идеи абсолютного суверенитета каждого частного, единичного человека: все законы и кодексы — осуществление и обеспечение одного закона

законов: никому и ничему не дозволяется олицетворять (узурпировать) общее благо и на этом основании вламываться в частные владения моей единственной навсегда души.

Не будет преувеличением поэтому сказать, что степень глухоты нашего времени к Канту можно измерить степенью нашей глухоты к *частному* человеку, или еще измеримей: ценой человеческой жизни, приближающейся к нулю под сапогами Державы, укрепляющей свое Единство на крови, или в объятиях самозванных миссионеров от прогрессивного человечества. Мы мыслим крупно, политехнологически, геополитически, — т. е. на-человека-наплевательски. В крысиной мифологии, знающей только «наших» и «не наших», человеку места нет.

Впрочем, голос Канта сегодня все же звучит, но довольно странно. Я слышу его не в дискуссиях о трансцендентальной апперцепции или правовом государстве. Свет разумных идей, в котором мир XX века можно увидеть по-кантовски, льется из фильмов Чарли Чаплина, текстов Франца Кафки и способности суждения Йозефа Швейка.

БАРНЭМ Д.

Экспансия университетов, и не только на Западе, привела, в частности, к беспрецедентной экспансии философов. Разумеется, многие из них работают над историей этой дисциплины и используют для этого громадные запасы знания о текстах и контекстах (интеллектуальных, социальных, политических и т. д.). Кроме того, профессионализация этой дисциплины означает профессионализацию ее продуктов и резкое повышение планки требований при соискании докторских степеней и для под-

тверждающих их публикаций. Специалисты бесстрашно бросаются в прежде неосвоенные уголки истории философии: забытые фигуры, неопубликованные рукописи или отвергнутые наброски, «темные» частные вопросы и так далее.

Мы не только лучше понимаем Канта в наши дни, чем в 1904 году, мы понимаем Канта лучше, чем он понимал сам себя.

Но, возможно, с одним важным исключением. Кант во все свои периоды был систематическим философом. Сегодня лишь немногие могут позволить себе научно (в указанном выше смысле) исследовать всю его систему. Мы должны находить себе специализацию, фокусироваться на чем-то. Система образования, зацементировавшая стандартные виды философских занятий: эпистемологию, онтологию, метафизику, этику, эстетику и т. д., требует такой специализации, так же как и индустрия публикаций и библиотечного дела. Конечно, специалист, скажем, по кантовской философии науки может быть хорошим философом и иметь множество ценных достижений самого разного плана, но именно это обстоятельство не позволяет ему быть хорошим ученым. Такие люди могут отстаивать кангианский подход, но они не понимают Канта.

Соответственно, я скорее за возвращение хорошо информированных любителей.

БАУМ М.

Сто лет назад, в 1904 году, кантоведение располагало познаниями, которые в значительной степени забыты сегодня (они имелись у Файхингера, Адикеса, Эрдмана и др.). С другой стороны, с тех пор в отдельных областях, несомненно, имели

место подвижки в исследовании кантовской философии, важнейшие из которых связаны с именами Юлиуса Эббингхауса и Клауса Райха.

БЕЛОВ В. Н.

Как это ни покажется парадоксальным, но Кант — чрезвычайно исторический мыслитель, погруженный в свою эпоху и олицетворяющий ее. Поэтому те, кто жил в ту же самую эпоху и делал учение Канта своей философской судьбой, по моему мнению, понимали его лучше и разносторонней. Неслучайно некоторые исследователи насчитывают до семи разных школ неокантианства. Современное прочтение Канта невозможно без исторически обусловленных интерпретационных моментов. Хотя нельзя не признать права на существование и так называемого догматического кантианства, выступающего за строго буквальное понимание основателя критической философии без каких-либо интерпретационных коннотаций.

БЁМЕ Г.

Да, удивительно, но это так. А именно, мы понимаем, что как раз его обоснование познания, которое претендовало на всеобщую значимость, означает историзацию истины. Кант не считает свои формы созерцания и категории, как он говорит в полемическом сочинении против Эберхарда, врожденными идеями. Скорее они должны быть приобретены. Кроме того, он понимает категории как правила — а значит им можно следовать, а можно и не следовать. Следование им предпо-

лагает — так же как, к примеру, формирование вкуса — воспитание; в случае объективного познания: социализацию в науке. Сегодня мы можем оценивать историческую и социальную обусловленность естествознания без обязанности сомневаться в его объективности и значимости. Но подобная оценка открывает возможность альтернативных способов познания, имеющих собственные притязания и собственную ограниченную значимость и применимость.

БИБИХИН В. В.

Теперь мне придется подправить свой ответ на второй вопрос. Единственная, хотя неизбежная и благородная ошибка Канта была надежда на понимание. Как мы можем сейчас быть в лучшем положении чем Хайдеггер, который видел себя перед громадой кантовской мысли альпинистом с веревочной лестницей у подножья горы? То, что Хайдеггер и Витгенштейн сумели продолжить дело философии в начале XX века, великое чудо; но разве эти двое поняты теперь, уже почти 100 лет спустя, лучше чем Кант?

БИКМАН К.

Сегодня мы читаем Канта, исходя из 200-летней истории рецепции, и предпонимаем его не так, как это предположительно делали его современники.

Они были ближе его базовому проблемному полю: перед глазами у них были разногласия между Лейбницем и Юмом, Спинозой и Локком, проблемы которых казались более насущными.

Великий основной вопрос о метафизике как науке, для которой анализ основоположений естественных наук и математики был бы лишь пропедевтикой, сегодня уже не очевиден. Поэтому существует опасность, что главная задача Канта, поставленная им в особенности в предисловии ко второму изданию [«Критики чистого разума»] или во введении к этому изданию, а именно задача подведения надежного основания под высшую из всех наук, метафизику, не будет в достаточной мере востребована при объяснении общего предприятия кантовской критики.

В связи с вопросом, не преодолены ли принципы его философии новыми знаниями конкретных наук (физики, биологии, нейробиологии), недооценка той главной задачи оказывается еще более серьезной: мы все больше рассматриваем Канта как ученого, результаты деятельности которого должны быть подвергнуты эмпирической проверке.

Но Кант ставил вопрос об условиях эмпирического, и поэтому развивал не эмпирическую теорию, а теорию эмпирического.

Основной горизонт современного сознания кажется поэтому весьма удаленным от этих интенций кантовской философии. Так что я считаю понимание философии Канта Фихте, Шеллингом и Гегелем по сути — разве что с менее спекулятивным толкованием предпринятых им действий — более дальновидным, чем то, которое позволяет достичь ориентированная на науку и критику метафизики современность.

БОРХЕС М.

Да, потому что нам доступны новые тексты Канта, которые были неизвестны философам и ученым сто лет назад. Эти тексты, такие, как «Лекции по антропологии», раскрывают другую — и увлекательную — сторону мысли Канта. Сегодня мы знаем, что у Канта была не только априорная моральная теория, но и эмпирическая теория человеческой природы. Мы знаем, к примеру, что у Канта есть очень интересная, угонченная теория эмоций. Он признает, что эмоции имеют когнитивное и физиологическое содержание. Эмоции включают в себя как оценочные убеждения, так и физиологическое беспокойство. Они имеют интенциональный объект, они нацелены на что-то. Но они сопровождаются и физиологическим возбуждением, что делает их трудными для контроля.

БРАНДТ Р.

Что значит «понимать» и что значит «мы»? Компетентные исследователи Канта реально знают сегодня гораздо больше о кантовских сочинениях, чем какое-либо из предыдущих поколений, и это проявляется во многих взвешенных исторических работах.

БРУК Э.

Трудно сказать. Мы гораздо больше знаем его историю, контекст, в котором он работал, его неопубликованные сочинения, как он публиковал и т. д., чем мы знали 100 лет назад. С другой стороны, мы в два раза дальше от того времени, в котором он жил.

Впрочем, я не уверен, что этот вопрос столь уж важен. В каком-то смысле каждое поколение заново создает для себя Канта, сообразного своим заботам и потребностям. Так, Кант Китчер совершенно непохож на Канта Стросона или Беннета. Это же справедливо для любого языкового сообщества кантоведов. Кант Тугендхата мало похож на Канта Китчер.

БРЮШИНКИН В. Н.

Кто «мы»? И что значит «понимать»?

БЫКОВА М.

Мы надеемся, что понимаем его лучше. Хотя, поскольку он был мыслителем XVIII века, его идеи должны рассматриваться и оцениваться в контексте дискуссий, которые проходили в то время. В любом случае, даже если мы согласимся, что сегодня мы понимаем Канта лучше, чем, скажем, столетие назад, нам еще предстоит пройти немалый путь. Наше «открытие» аутентичного Канта только началось. От нас зависит сделать так, чтобы оно принесло успех.

ВАСИЛЬЕВ В. В.

Мы, несомненно, лучше знаем Канта, чем знали его сто лет назад, просто потому, что сто лет назад еще не было Академического издания его сочинений, и это знание еще более расширилось благодаря новым находкам кантовских рукописей и лекций, сделанных за последнее время В. Штарком и его коллегами. Можно, правда, отметить, что до сих пор не достигнуто согласие относительно ряда ключевых моментов интеллекту-

альной биографии Канта, к примеру, относительно того, когда именно произошло знаменитое «пробуждение от догматического сна», о котором Кант сообщил в «Пролегоменах». Тем не менее подвижки есть даже в таких проблемных вопросах. Но накопление информации о Канте сопровождается, как мне кажется, ухудшением условий для ее верной оценки. Чем дальше от нас философ, тем менее ясно, что он, собственно, хотел сказать. Движение истории — это утрата культурных контекстов, в которых существовали тексты прошлого, затирание и трансформация понятий. Сказанное, конечно, не распространяется на центральные аргументы философских систем, в том числе кантовской. В той мере, в какой они опираются на общезначимые послышки, они могут быть корректно истолкованы во все времена. И в этом смысле мы видим прогресс в понимании аргументации Канта, в частности трансцендентальной дедукции категорий, важной для его системы (здесь можно особо отметить значение исследований П. Гайера, В. Карла и Д. Хенриха). Но в общем философия Канта стала менее понятной его читателям.

ВАСНЕР Р.

Нет. Мы могли бы — исходя из приобретенных нами конкретно-научных и философских познаний и общественного опыта, но мы не используем их.

ВЕСТФАЛ К.

Хотя в дискуссиях о взглядах Канта в наши дни допускается не меньше ошибок в подходах, чем это было столетие назад, я думаю, что лучшие современные исследования Канта (начиная

с Эббингхауза и Райха) действительно, и намного, улучшили наше понимание кантовской философии. Я имею в виду, в частности, блестящую работу Михаэля Вольфа о кантовской таблице суждений, а также глубокое исследование Оноры О'Нил о практической философии Канта, о том, что идентифицируется ей как «конструктивизм» Канта в моральных вопросах. Также исключительно важными являются исследования теоретической философии Канта такими, к примеру, авторами, как Мальтер, Вагнер, Баум, Фалькенберг, Крамер, Гайер, Мельник, Эдвардс и Гринберг, а также, если говорить о практической философии, работа Барбары Херман (и недавняя диссертация Райнера Фридриха). Ради краткости я упоминаю лишь эти немногие особо выдающиеся имена с искренним сожалением, что приходится исключать многих других специалистов, авторов очень важных исследований по кантовской философии, и с извинениями в связи с тем, что я недостаточно знаком с работами российских и других восточно-европейских кантоведов.

ВЕТО М.

Сегодня, я думаю, мы имеем все шансы лучше понять Канта, нежели это было столетие назад. С одной стороны, наша историко-философская практика отныне способна отдавать должное ценности, значимости каждой философской мысли, не сравнивая эти мысли между собой и в особенности не желая опровергнуть их. С другой стороны, и, возможно, это самое важное, наблюдая блуждания и губительное высокомерие века, оставшегося позади, мы научились понимать не столько относительность, сколько ограниченность философских утвер-

ждений. В творчестве Канта, где Просвещение достигает своего апогея, но где в то же время оно преодолевается, человек стал центральной философской проблемой. «Критика» делает акцент на автономии человека, априорности его знаний, но вместе с тем она воздерживается от того, чтобы учить автаркии творчества. Кант, конечно же, является философом рациональности, но такой рациональности, которая знает свои границы и хочет признавать их.

ВИЛЛАШЕК М.

Да и нет. Несомненно, интенсивные занятия философией Канта за последние 100 лет улучшили и углубили наше понимание многих сторон его мысли. С другой стороны, «всеобщее и непреходящее значение» (вопрос 1) кантовской философии — это то, что не может быть просто дано, но должно добываться постоянным обсуждением, ассимиляцией и истолкованием в свете насущных вопросов и проблем. Поэтому каждое время должно по-своему относиться к классическим философам. Наше сегодняшнее понимание Канта, несомненно, другое, но при этом не обязательно лучшее, чем в прежние времена.

ВОЛЬФ М.

Всякий, кто был бы знаком со всеми разысканиями кантовских экспертов за последние сто лет, понимал бы Канта намного лучше, чем понимали его лучшие тогдашние его знатоки. К сожалению, таких людей не существует. Наша ситуация, к сожалению, такова, что даже кантовские эксперты больше уже не в со-

стоянии обозревать всю текущую литературу по Канту. Вместе с тем качество нашего понимания Канта зависит не только от количества того, что можно было бы сегодня знать о Канте и его философии, если бы удалось обозреть всю кантоведческую литературу. Оно зависит также и от концепций, возникших за последние сто лет в самой философии (к примеру, в логике, политической философии и других областях). На мой взгляд, эти концепции способствуют существенному улучшению и углублению общего понимания Канта.

ВУД А.

Именно так. Даже на самом базовом уровне кантовские сочинения известны гораздо лучше, чем в то время, когда только начинало выходить в свет Академическое издание. Кантовские исследования — одна из самых мощных областей во всей философии, и они притягивают на свою территорию множество лучших умов. Можно ожидать, что в будущем кантовские идеи будут пониматься еще лучше, и традиции интерпретации Канта еще предстоит внести значительный вклад в наше понимание всех сфер философии, морали и науки.

ГАЙЕР П.

В каком-то смысле да, в каком-то, возможно, нет. За последние сто лет было опубликовано колоссальное множество текстов Канта — заметок и фрагментов, набросков и лекций, которые были неизвестны прежним поколениям, и это позволяет нам достичь более полного и детального понимания его философии. Не менее впечатляющей была и исследовательская рабо-

та, имеющая непреходящее значение и продвинувшая нас в понимании как успехов, так и неудач Канта. Однако даже самая схоластичная интерпретация исторического философа, такого, как Кант, неизбежно подвержена влиянию философских предпосылок интерпретатора, его места и времени — трактовка интерпретатором того, что считать важной философской проблемой, так же как и его трактовка того, что можно считать ее успешным разрешением, подвержены влиянию его (ее) философского и культурного окружения, равно как и изучаемых текстов. Так что, несмотря на постоянный прогресс в уяснении конкретных теорий и аргументов, не может быть интерпретации, значимой во всем объеме на все времена. Впрочем, в этом есть и нечто позитивное — в частности, это гарантирует, что в каждом поколении найдутся люди, которые захотят выяснить, что же в действительности отстаивал и имел в виду философ, такой, как Кант, и ведь именно это продлевает жизнь Канту и другим великим философам для будущих поколений!

ГАРДНЕР С.

В каком-то смысле нам трудно думать иначе, так как хотя нам совсем несложно указать на недостатки прежних дискуссий по Канту, мы не можем удостоить прежние философские эпохи лучшим пониманием Канта относительно нашей, не признавая косвенно наше лучшее понимание. Кроме того, было бы сложно отрицать, что мы владеем тонко артикулированным набором дистинкций и осознаем ряд возможностей в эпистемологии и метафизике, с которыми было незнакомо неокантианство и которые, как нам кажется-

ся, оказывают громадную помощь в понимании Канта. Что касается современной англоязычной комментаторской литературы по Канту, то едва ли можно говорить о каком-то едином направлении современных кантовских исследований, или о преобладающем или зарождающемся согласии в интерпретации как частей, так и целого философии Канта, и такое положение дел, поскольку оно вместе с тем сопровождается громадным интересом к Канту, представляется весьма благотворным. Но если «мы», о котором идет речь в вопросе, имеет отношение к англоязычному философскому сообществу в целом, тогда, думаю, можно говорить о «недостаточном понимании Канта» в том смысле, что многие проблемы, более всего занимавшие Канта, еще не стали, хотя должны были бы стать, главными двигателями современных философских исследований. Пик «понимания Канта» не в смысле кантоведения, а в плане живой сопричастности попытке Канта сформулировать и разрешить глубочайшие философские вопросы, имел место, на мой взгляд, не 100, а 200 лет тому назад.

ГАЧЕВ Г. Д.

Сто лет назад неокантианцы лучше понимали его внутри. Но мы вышли из его дома, у нас другие просторы. Все поле мышления сейчас в рассеянном состоянии. И возникли такие вещи, как синергетика, объясняющая порядок из хаоса. Хотя это им уже сказано, вещь в себе — это тоже хаос. Какими бы траекториями мы ни шли, мы находим аналоги у Канта, возвращаемся к нему.

ГЕЛЛЕР А.

Вопрос в том, кто такие «мы». Сегодня интерпретаций Канта почти так же много, как интерпретаторов. В свое время Кант имел преданных друзей, доброжелательно настроенных критиков и злобных конкурентов, но тогда все же был меньший разброс интерпретаций. Конечно, даже в наши дни можно выделить различные традиции интерпретации. Например, когда я впервые прочла американскую книгу о Канте, я даже не узнала Канта. Сорок лет назад «англо-американский» Кант был почти прагматистом, позитивистом, гораздо более аналитичным и гораздо менее спекулятивным и «экзистенциальным», чем европейский. Сегодня это различие не так заметно, но оно все еще существует. Я едва ли могу говорить, что мы понимаем Канта лучше или хуже в целом, но наверняка, если объединить все сегодняшние интерпретации, мы с уверенностью сможем сказать, что мы копаем его текст в гораздо большем количестве мест, задаем больше вопросов и гораздо энергичнее деконструируем и реконструируем его учение и его воззрения. И не потому, что мы лучшие интерпретаторы, не потому, что Кант интересует нас больше, чем наших предшественников, но потому, что так работает современная философия. И еще более важное значение имеет исторический опыт, так называемые «эмпирические» опыты с «диалектикой» Просвещения за последние два столетия. Выдержало ли дело Канта испытание тоталитарными режимами, мировыми войнами, выдержало ли оно «диалектику» Просвещения? Нельзя однозначно ответить на этот вопрос, так как положительный или отрицательный ответ зависит от нашей интерпретации Канта.

ГЕРЛАХ Х.-М.

Всякая эпоха схватывает себя в собственных философских мыслях, и таким образом всякая эпоха разрабатывает свой собственный образ и свое понимание героев духа, действовавших столетия назад. Средневековье понимало Платона и Аристотеля иначе, чем Поздняя античность, и не так, как последовавшее за ним — за Средневековьем — Возрождение. Понимало ли последнее этих древних мыслителей лучше, чем другие эпохи, решить невозможно, но в любом случае они понимали их иначе сообразно своему времени. На мой взгляд, это применимо и к кантовской философии. Конечно, утонченнейшие филологические кантоведческие исследования с времен неокантианского движения конца XIX и начала XX века снабдили нас многими новыми познаниями деталей жизни и творчества Канта и глубинных связей между ними, и эти познания значительно расширили, а во многих случаях и углубили наши представления о Канте и о его времени. Это — основополагающая предпосылка того, чтобы мы всякий раз по-новому усваивали мысль Канта. Думаю, однако, что, говоря о кантовской философии в целом, нельзя мыслить это в качестве линейного процесса «лучшего» понимания. Всякая эпоха будет заново усваивать Канта теоретически и должна будет по-своему практически переделывать его.

ГЕРХАРД Ф.

По поводу третьего вопроса я могу лишь сказать, что я не думаю, что «мы понимаем Канта лучше, чем понимали его сто лет назад». Чем мы могли бы измерить это «лучше» или «хуже»? При этом можно, конечно, говорить о значительном фило-

логическом и историческом прогрессе в кантовских исследованиях в XX столетии. Прежде всего, мы лучше видим, как тесно Кант был связан с древними философами. Кроме того, методологические элементы текстуального и понятийного анализа стали тоньше и точнее, так что сегодня мы можем соотносить Канта чуть ли не со всеми проблемами современной философии. Благодаря этому он был современным в XX веке и, вероятно, останется таковым в XXI.

ГИРЕНКО Ф. И.

Мне кажется, что его понимают не лучше, а иначе. Потому что мир изменился. Сейчас в нем скорости иные. А многие вещи, о которых говорил Кант, приспособлены к миру малых событийных скоростей. Это сознание, ум, эмоция. Я думаю, Кант удивился бы, если бы узнал, что сознание и истина не связаны, что язык создавался не для описания вещей, а как орган интеракции. Что он, как и прямохождение, создается вне культуры. Что сознание принадлежит эмоции, а не мышлению. Что идет борьба за сознание между эмоцией и мышлением. Он удивился бы тому значению, которое получил абсурд. А теперь спрашивается, мы лучше понимаем его или нет? Сегодня смешно и грустно читать то, что писали о Канте еще в первой половине XX века. Но не потому, что мы умнее, а потому, что мы другие.

ГРИНБЕРГ Р.

Ясно, что современные исследования Канта являются более строгими и технически развитыми, чем это было 100 лет назад. Однако из этого не следует, что мы понимаем его сколько-

нибудь лучше. Наблюдения о Канте американского философа Ч. С. Пирса, вероятно, не менее глубоки, чем любое из современных наблюдений. Подобные соображения могут быть высказаны и относительно других важных философов *fin de siecle*^{*}, изучавших Канта. Но у нас есть одно преимущество, которого были лишены многие из них: использование техник, разработанных философией языка XX столетия. От разнообразных теорий пресуппозиции Фреге, Рассела и Стросона до метода квантификации модальных контекстов, разработанного Дэвидом Капланом еще в его фрегеанский период: XX столетие предлагает нам современные техники для обретения логической точности при выражении нашего понимания Канта.

ГРУНДМАН Т.

Это зависит от того, что имеется в виду. Если речь идет о том, лучше ли мы понимаем, что, собственно, хотел сказать Кант, то такое утверждение едва ли справедливо. Вместе с тем философско-исторические исследования последнего столетия, в особенности ситуативистские исследования Дитера Хенриха и других, несомненно, дали нам много фоновой информации, позволяющей лучше понять контекст возникновения и существования кантовских идей. Для меня, однако, важно другое. Сто лет назад рецепция Канта односторонне определялась неокантианством, но сегодня мы можем констатировать его плюралистическое восприятие, которое сохраняет ему жизнь и производительную силу для

* Конец века (*фр.*).

актуальных дискуссий во множестве совершенно разных контекстов. Актуальность Канта, как кажется, не ослабевает. Лично для меня знаменательным является то, что недавние интерпретационные усилия (в частности, Герольда Праусса и Генри Эллисона с их эпистемической интерпретацией вещей в себе, с одной стороны, или Сэра Питера Фредерика Стросона — с другой) еще сильнее подчеркнули реалистические аспекты кантовской философии.

ГУСЕЙНОВ А. А.

Не могу сказать, лучше ли мы сегодня понимаем Канта, чем 100 лет назад, когда расцвело неокантианство, но думаю, что место и масштаб Канта в философии обозначились более адекватно.

Вопрос о роли школы, последователей в посмертной судьбе великих философов не является однозначным. С одной стороны, великие философы обнаруживают свое величие и их наследие тщательно обрабатывается благодаря школе, прямым последователям, доктринальным сторонникам. С другой стороны, они и их наследие становятся всеобщим достоянием только тогда, когда завершается узко-школьный период их истории. Так это было в случае древних философов — Платона, Аристотеля, Эпикура и др. Нечто подобное имеет место и в случае Канта. Наше отношение к нему стало более свободным — оно стало таким и благодаря неокантианству, и благодаря тому, что неокантианство сошло на нет. Философ начинает принадлежать всем тогда, когда он перестает принадлежать кому-то в отдельности.

ДЖОРДАНЕТТИ П.

Я считаю, что потрясающая широта и философская глубина кантовской мысли содержит и скрывает в себе большой спектр теорий, проблем и решений, которые могут подталкивать к важным и новым философским и систематическим спорам, а также к основательным историческим исследованиям. Богатство кантовского учения дает повод «для обильных размышлений», как сказал бы сам Кант, и этим открывает возможность для проведения всякий раз новых и многообещающих дискуссий с ним. Не следует забывать, что в последние десятилетия существенно расширились наши знания о многообразии кантовских интересов и о его расхождениях с современными и древними теориями.

ДИРКСМАЙЕР К.

Я уверен, что мы лучше понимаем Канта, чем *сто лет* назад; но для меня не очевидно, понимается ли он лучше, чем *двести лет* назад. Прирост специальных познаний в сегодняшней канто-филологии относительно интерпретаций прошлого, правда, исторически неуклонен — и это можно использовать как аргумент в пользу интерпретаторов Канта столетней давности, а не тех, кто осуществлял его рецепцию двести лет назад. Но они — я имею в виду прежде всего философов круга *немецкого идеализма* — разделяли философские мотивы Канта и, в частности, его пафос свободы; и они могли бы превосходить нас — и исследователей Канта сто лет назад — в этом, равно как и в своей решимости самостоятельно продолжить начатый Кантом проект философии свободы.

ДОБРОХОТОВ А. Л.

Думаю, что лучше: накоплен большой опыт осмысления кантовского наследия. В этом преимущество классики, которую не сдают в архив — она всегда в процессе интерпретации, с ней сверяют все новое. Загвоздка только в том, что «понять» всегда значит «переиначить». В какой мере наше сотворчество с Кантом окажется плодотворным, может показать только большое время. Скажем, для наведения элементарного порядка (о «понимании» не говорю) в платоновском наследии понадобилось 500 лет. Так что время у нас еще есть.

ДЮЗИНГ К.

С историко-филологической точки зрения учение Канта понимается сегодня лучше, чем сто лет назад, в частности, лучше, чем в неокантианстве. Герменевтически улучшилось и понимание собственной систематики Канта и его философских воззрений. Но налицо спад философски продуктивных, нетривиальных рецепций кантовской философии для современных теорий.

ЖУЧКОВ В. А.

За минувшее столетие сделаны гигантские шаги в изучении наследия Канта, а его идеи находят признание в самых разных областях интеллектуальной деятельности: в теории права, в логике и методологии научного познания, в новейших философских школах и направлениях, многие из которых и возникли из кантовских идей, зачастую придав им глубокое, интересное и содержательное развитие.

Что же касается вопроса, лучше ли мы стали понимать Канта, теоретическое содержание, нравственный пафос и мировоззренческое значение его философских идей, то дать на него утвердительный ответ считаю не менее рискованным, нежели утверждать, что человечество за последние сто, а может и тысячу лет стало добрее и мудрее...

КАЛИННИКОВ Л. А.

Да, без сомнения, современные философы лучше понимают Канта, чем наши предшественники в начале XX века. Тогда неокантианцы полагали, что система Канта нуждается в кардинальной перестройке, критиков Канта было очень много. Однако с течением времени оказывалось, что сами критики многого не учитывали, не понимали интенций Канта. Постепенно желание критиковать улетучивается, все более проявляется хотение понять и развить.

КАСТИЛЬО М.

В наши дни философия Канта рассматривается как нечто цельное: не только как теория науки, не только как теория морали и не только как теория отделения знания от действия... Сейчас мы придаем большее значение эстетической и политической части кантовской философии. Мы гораздо лучше понимаем, что кантовская мысль нацелена на *отношения*. Объект образован отношениями, составляющими его эпистемологическую постижимость. Разумная воля — относительна как в праве (как обеспечить свободу в «совместном проживании»?), так и в этике (как быть признанным в качестве этического субъекта в

царстве всех этических субъектов?). Интереснейший аспект кантовской соотносительности — интернационализм (космополитизм как взаимоотносительность). В будущем всякий человек, государство, всякая религия или культура должны будут увидеть и понять себя в качестве реальности, имеющей значение и ценность только благодаря своим отношениям к другим людям, государствам, религиям и культурам. Народ — это не субстанция, а сумма отношений, которую он создал в прошлом и которую он будет совместно с другими создавать в будущем.

КЕРСТИНГ В.

Тот факт, что сегодня мы опираемся на гораздо более прочную источниковую базу, позволяет питать надежду, что сегодня мы можем лучше понимать Канта, чем понимали его 100 лет назад. В остальном, однако, имеет силу азбучная истина герменевтики, согласно которой верно не только то, что Кант есть дитя своего времени, но и то, что у каждого времени свой Кант. Разумеется, мы понимаем Канта не так, как неокантианцы. Кант в обществе Хабермаса и Роулза сильно отличается от Канта Когена. Но эта герменевтическая тривиальность не должна стать основой для релятивизма. Имеются серьезные резоны утверждать, что в особенности практическая философия Канта — а в ней прежде всего философия права — была совершенно непонята неокантианцами, от Когена до Эббингхауза. Поэтому я сказал бы, что сегодня мы действительно лучше понимаем Канта, чем понимали его 100 лет назад. Но если мы утверждаем, что понимаем Канта лучше, чем его современники и даже чем он понимал сам себя, это может означать лишь то, что на основе

накопленного за истекшие годы знания, нового опыта, а потому с необходимостью и иных постановок вопросов мы можем помещать кантовские тексты в новый контекст, где с их помощью могут быть обретены или по меньшей мере подкреплены концепции, о содействии которым своей философией Кант, конечно, даже и не помышлял.

КИТЧЕР П.

В известном смысле сегодня мы должны понимать Канта лучше, так как нам гораздо более доступны сочинения его современников. С другой стороны, мы сильнее отдалены от него во времени и, возможно, понимаем старые проблемы настолько отлично от их изначальных формулировок, что упускаем из виду его задачи. Тем не менее я считаю, что упомянутые дополнительные материалы с избытком компенсируют утрату общего исторического контекста.

КЛЕММЕ Х.

Сам я сегодня понимаю сочинения и аргументы Канта лучше, чем я понимал их десять лет назад. Я подозреваю, что через несколько лет еще лучше буду понимать их, поскольку мне, к примеру, прояснятся отношения различных аспектов его философии, которые сегодня я еще не могу постичь. Но понимаем ли «мы» Канта (или лучше: его аргументы) сегодня лучше, чем «понимали его сто лет назад»? На этот вопрос трудно ответить, даже если я и склоняюсь к тому, чтобы ответить «да». Нет сомнения, сегодня мы располагаем гораздо лучшими возможностями для понимания «всего» Канта, чем те, что были в районе 1900 года:

критические издания его сочинений, рукописных заметок и записей его лекций; исследования, посвященные истории развития и влияния его идей; научные монографии, касающиеся чуть ли не всех аспектов его мысли; попытки использовать Канта при постановке современных вопросов; международная культура интерпретации Канта и т. д. Но если мы вспомним, что в наши дни все еще противоречиво трактуются даже самые основополагающие аспекты его философии, неизбежно возникает скептическое чувство. Упомяну лишь о многочисленных попытках интерпретации его трансцендентального идеализма (вещь в себе и явление) и его понятия моральной автономии. В позитивном же плане эти разногласия демонстрируют невероятную сложность его мысли и богатство философии, которое кажется практически неисчерпаемым.

КОРСГААРД К.

В известной мере это зависит от того, что понимается Вами под «мы». В англоязычном мире до недавнего времени Канта читали сквозь эмпиристские линзы, ужасно искажавшие то, что он говорит. В Америке и Англии сейчас мы понимаем Канта гораздо лучше, чем мы понимали его 100 или даже 30 лет назад, если уж на то пошло. Но и трактуя этот вопрос в более общем плане, я сказала бы да, мы понимаем его лучше. Тексты и идеи Канта были хорошо обработаны не только кантоведами, но и систематическими философами, которые достаточно прониклись его рассуждениями, чтобы отрабатывать кантовскую установку. Когда идеи мыслителя изучаются с этих двух точек зрения, здесь должен быть прогресс, и не только в понимании его

3.7

высказываний, но и в понимании того, что может получиться, если занимать близкие ему позиции в спорных вопросах. С другой стороны, кантовские тексты богаты, и кажется, что вы всегда можете отыскать в них что-то новое, так что его идеи все еще нуждаются в дальнейшем развитии и заслуживают этого. Нам еще предстоит многому научиться и у самого Канта, и из наших попыток по-кантовски мыслить о философских проблемах.

КОЭН Т.

Да, думаю, это несомненно так. Одного взгляда на комментарии к Канту, написанные в начале XX века, достаточно, чтобы увидеть серьезные ошибки. Прежние комментаторы, возможно, острее чувствовали исторический контекст Канта, но им не хватало аналитического понимания его аргументов.

КРУГЛОВ А. Н.

И да, и нет. Так, современные лексические справочники, электронные версии кантовских текстов представляют ранее совершенно невыполнимые средства для филологического анализа. Сегодня можно, например, сказать, сколько раз, в каких произведениях, начиная с какого года и т. д. употреблял Кант тот или иной термин. Одновременно с этим, однако, резко сократилось число людей, способных читать кантовские рукописные тексты или рукописные тексты мыслителей кантовского окружения. Не только рукописный текст, но и немецкий язык Канта был для интересующихся кантовской философией сто лет назад ближе, нежели нам сегодня. Сходные замечания справедливы и в отношении исторического контекста Канта: благодаря

новым публикациям источников и новым исследованиям некоторые пласты этого контекста сегодня известны лучше, чем в начале XX века; в то же время иные сюжеты этого же контекста, бывшие еще сто лет назад само собой разумеющимися, сегодня забыты даже многими кантоведами. Что же касается глубокого философского понимания, то здесь сегодня имеется, на мой взгляд, некое преимущество перед философской ситуацией столетней давности, которое, однако, не обязательно должно привести к позитивным результатам: мне представляется, что ныне Кант не привязан столь жестко к узким рамкам истолкования внутри того или иного философского течения, что облегчает более широкий взгляд на Канта.

КУЗНЕЦОВ В. И.

Существует множество различных интерпретаций кантизма, каждая из которых притязает на самое лучшее его понимание (в 1974 году их содержательное освещение было дано в изданной в Москве книге «Философия Канта и современность»). Единого кантоведческого «мы» не существует, а реальностью является множество различных «я» (группирующихся по частным «мы»). Для историка философии задача заключается, на мой взгляд, прежде всего в том, чтобы самому как можно лучше разобраться в философии Канта, отличающейся большой специфической сложностью. Я занимаюсь решением этой задачи более 50 лет, начиная с конца 40-х годов прошлого столетия (когда старшеклассником прочел кантовские «Пролегомены») и кончая 2003-м (когда было опубликовано второе издание моей книги «Немецкая классическая философия», где глава о Канте зани-

мает более 100 страниц) и 2004 годами, когда на юбилейной конференции на философском факультете МГУ я выступил с докладом «Проблема Бога в теоретической философии Канта». Лично я в настоящее время понимаю философию Канта в ее основном многосложном содержании лучше, как мне представляется, чем когда-либо ранее. И я испытываю удовлетворение от того, что студенты философских факультетов при изучении классической немецкой философии обращаются к моим книгам о ней, используя их в качестве учебных пособий. При подготовке этих книг к печати я стремился к тому, чтобы о философии Канта в них содержалось больше существенно важных сведений, чем в других книгах, которые прежде использовались в качестве учебных пособий (начиная с 3-го тома «Истории философии», изданного в 1943 году в Москве) и к которым фактически обращались не только студенты, но и довольно широкий круг читателей, проявлявших интерес к истории философии.

ЛАУДЕН Р.

Не обязательно. Хотя его тексты стали гораздо более доступными, возросли и препятствия на пути их понимания, и произошло это по крайней мере по двум причинам. В настоящее время в сравнении с тем, что было в прошлом, кантовские сочинения доступны и в большем числе, и на большем количестве языков. И я думаю, что качество этих переводов в среднем превышает качество более ранних переводов. Но вместе с тем (и это отчасти объясняет рост числа переводов) в наши дни меньший процент ученых, нежели 100 лет назад, может читать Канта по-немецки. Кроме того, в современной культуре меньше фоновых

предпосылок его философии, чем было 100 лет назад, и это затрудняет понимание и оценку его позиции современными читателями. Современные читатели, несомненно, могут лучше понять Канта, чем понимали его читатели 100 лет назад, но мы обманываемся, если без всяких раздумий допускаем, что понимаем Канта лучше, чем понимали его наши предшественники.

ЛОБКОВИЦ Н.

Точно. Современники Канта знали только фрагменты его мысли. Возможно, сегодня мы можем понять его даже лучше, чем он понимал себя сам. Это может звучать парадоксально, но прогресс в мысли состоит, в частности, в том, что мы задаем традициям прошлого такие вопросы, которые еще не были известны тем философам и которые они даже не *могли* бы поставить. Подобные вопросы нередко возникают из более глубокого знания древних философских традиций. Кантовские познания в истории философии до Декарта были так малы, что сегодня он не выдержал бы даже начального экзамена для философов.

ЛОНГНЕСС Б.

Позвольте мне начать с еще более раннего времени, 200 лет назад, а затем поговорить о том, что было 100 лет назад. 200 лет назад зарождался немецкий идеализм, наукоучение Фихте и вскоре после этого феноменология духа и наука логики Гегеля. Эти люди понимали Канта гораздо лучше нас. Одна из причин состоит в том, что они работали с той же логикой (аристотелевской субъектно-предикатной логикой), с которой работал Кант. Поэтому они не пытались наклады-

вать на его аргументы — как стали делать почти все последние сорок лет — логические модели, которые не имели к нему отношения. Они понимали эти аргументы лучше, чем понимаем их мы (хотя я думаю, что сегодня мы в некотором смысле продвигаемся вперед в этом плане). Другая причина — в том, что они разделяли просвещенческий идеал Канта, идеал, во многом запятнанный ужасами прошлого столетия.

100 лет назад было время расселовских «Принципов математики» и гуссерлевских «Логических исследований». И я подозреваю, что и тогда Канта понимали лучше, чем сейчас, по причинам, очень сходным с теми, о которых я только что говорила, имея в виду девятнадцатое столетие: логический и исторический, в широком смысле, контекст кантовских идей был более понятен. Впрочем, полемическая установка Рассела и его манера подчеркивать в философах прошлого те или иные анахронизмы положили начало тенденции подобного отношения к кантовской философии, которая лишь усилилась за последнее столетие. Гуссерль более аккуратен в соотношении своей философии с историей философии. Кто-нибудь может возразить мне, что эти замечания могут противоречить тому, что я сказала, отвечая на первый вопрос: не означает ли это, что идеи Канта имеют значение только для людей его времени? Я не думаю, что это так. Но я полагаю, что идеи утрачиваются, а затем вновь открываются. Мы можем извлечь больше пользы из идей Канта, чем извлекли из них его последователи, немецкие идеалисты, чрезмерно озабоченные воскрешением метафизической стороны его воззрений (см. мой ответ на второй вопрос). И мы можем скорректи-

ровать анахронистические прочтения Канта, инициированные возникновением фреге-расселовской экстенциональной логики, — чтобы лучше уяснить для себя, что же мы хотим сделать с кантовской мыслью.

МАЙОРОВ Г. Г.

Думаю, что понимание нами Канта зависит не от того, насколько далеко мы отстоим от него во времени, а от нашей с ним конгениальности. Понять гения не так-то просто. Впрочем, оживление в последнее время интереса наших историков философии к философскому наследию Канта, несомненно, будет способствовать лучшему его пониманию.

МАКГИНН К.

Мы, возможно, понимаем Канта хуже, чем 100 лет назад, так как философия XX века утратила интересы, прекрасно озвученные в XVII веке. Кант — не «аналитический философ», а откровенный метафизик.

МАККРИЛ Р.

Сто лет назад Вильгельм Дильтей как раз занимался организацией Академического издания сочинений, лекций и переписки Канта, и это издание уже начинало публиковаться (см. предисловие Дильтея к первому тому, вышедшему в 1902 году). Сам факт, что нам доступно гораздо больше материала, чем сто лет назад, означает, что мы можем достигать лучшего понимания. Но трудно быть уверенным в том, что именно так и происходит. Слишком много внимания сфокусировано на техничес-

ких проблемах, касающихся «Критики чистого разума», прежде всего Аналитики, ценой множества других сочинений Канта.

МАРЕЕВА Е. В.

Смотря кто. Сторонники деятельностного понимания сущности человека, скорее всего, понимают Канта сегодня лучше. Ведь линия от Канта до неокантианцев может быть по-новому понята в свете достижений марксистской психологии в лице Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, В. В. Давыдова. То, что у Канта выглядит как априорное, а у неокантианцев как абсолютное, в свете психологии XX века сегодня уже *изучается* в качестве исторического продукта. Другое дело — восприятие Канта противниками философской классики, для которых Кант не больше чем экспонат или объект игры, т. е. произвольного цитирования. Не нужно забывать и о тех, кто считает Канта вершиной всякой философии. Таким образом, философия Канта, как и вся классическая культура, в эпоху безбрежного плюрализма может быть понята и оценена совершенно по-разному.

МЕЛЬНИК А.

Вопрос о том, лучше ли мы понимаем Канта, чем понимали его 100 лет назад, близок вопросу о развитии или прогрессе самого философского познания. Несомненно, была проделана большая и ценная научная работа и умножилось разнообразие интерпретаций Канта. Я верю, что наше понимание стало более глубоким, даже если мы не приблизились ни к окончательной интерпретации, ни к окончательной оценке того, что имел в виду Кант.

МИХАЙЛОВ К. А.

Если брать все мировое кантоведческое сообщество в целом, то, безусловно, лучше. Во-первых, накапливается опыт в осмыслении кантовских текстов, появляются различные работы, ответы на них, ответы на ответы и т. д. (назовем в этой связи хотя бы работу Г. Праусса “Kant und das Problem der Dinge an sich”), систематизируются основные направления интерпретации. В то же время понимание Канта напрямую зависит от конгенитальности комментатора, а общий уровень философского (и гуманитарного вообще) образования за истекшее столетие вряд ли повысился. Ныне понимать Канта стало с определенной стороны труднее, поскольку мы находимся уже за пределами классической парадигмы философствования, в мире, идеологически далеком от кантовских проблем. Во-вторых, Кант, как величайший гений, прозрел так много и так далеко вперед, что зачастую только сейчас мы «дозрели» до ассимиляции кантовских идей в мир нашего знания. Так, в космологии XX века была создана квантовая теория возникновения Вселенной как реакция на невозможность дальнейшего использования традиционной модели мироздания в свете «сильного антропного принципа». Нами было показано, что базовые методологические установки этой теории идентичны кантовской интерпретации объективности, времени, существования. Средства и методы современного интуитивизма проясняют нам кантовские антиномии, гримасы современной «либеральной идеологии» — глубинный смысл кантовской теории морального долга и т. д. Мы полагаем, что, вооружившись методологическими принципами герменевтики

Шлейермахера («понять текст в его авторском замысле и даже лучше»), мы сможем в недалеком будущем стать совсем близко к оригинальному Канту.

МОЛЧАНОВ В. И.

Кто лучше, а кто хуже. Во всяком случае, после интерпретаций Гегеля, Вл. Эрна и Хайдеггера, при всем их различии, трудно считать «теоретическую философию» Канта теорией познания.

МОТРОШИЛОВА Н. В.

Нет. Однозначно нет. И вот почему. Я историк философии такого плана, что для меня имеют огромное значение детали. Конкретная проработка какого-либо вопроса. Вот возникает тема: кантовское учение о чувственности. Как известно, критика Канта в его эпоху Рейнгольдом, Якоби и др. была основана на том, что Кант быстро прошел эту тему и, может быть, недооценил тот потенциал, который все-таки заключен в чувственности. Поэтому когда эти писатели, а потом и неокантианцы занимались данной темой, то их идеи еще несли в себе дух кантовского дискурса и дискуссий вокруг Канта, и поэтому в этом было очень много силы и глубины. Однако я не могу сказать, что есть некое линейное — и восходящее — развитие в кантоведении. При этом поймите меня правильно. Я лично знаю людей, которые сейчас занимаются Кантом на Западе, например, в Германии или Америке. И скажем, когда я делала свою редакцию перевода «Критики чистого разума», слева у меня лежал ее новый перевод на английский язык Пола Гайера из Америки. Этот

перевод много лучше, чем те английские переводы, которые были раньше. Т. е. в той или иной области здесь все время наблюдается какой-то прогресс, но линейного восхождения тут, конечно, нет. И например, та грандиозная попытка марбургского неокантианства, которая была связана с исследованием логических и методологических оснований кантианства, в своей массивности осталась по-своему непревзойденной. Ее следует изучать, и не в снятом виде. Нет, надо читать самих Когена, Наторпа, Кассирера. Это тоже исторические следы, если не равные философии самого Канта, то по крайней мере соразмерные ей по силе. Фактически это достижения, которые остаются не то чтобы непревзойденными, — они остаются как факты усилий человеческого разума принять вызов Канта и что-то в ответ на этот вызов сделать самостоятельно. Но конечно, есть отдельные темы, которые могут быть исследованы конкретно и основательно. Я вообще сторонница конкретного обсуждения такого рода вопросов. Скажем, в последнее время я специально занималась работой Канта «К вечному миру» и представляю себе, скажем, что говорили об этой работе, вышедшей в 1795 году, с 1796-го по 1800 годы. Очень интересная реакция. Там и Фихте выступает, и Шлегель. Отзывы очень серьезные, в основном сочувственные, хотя есть и критические. В то же время я вижу, что современное кантоведение сделало многие шаги вперед в разъяснении того, что говорится в этом произведении, причем в конкретной ситуации сегодняшней Европы, которая движется к союзу государств, — а Кант его, как оказалось, неожиданным образом предвидел.

Очень серьезная большая работа, но, между прочим, тоже со своими акцентами, которые не всегда можно принять. Сейчас акцент такой, что это чисто философско-правовая, политическая работа. Я с этим не согласна, на мой взгляд это метафизическая работа, где есть эти философско-правовые акценты. (И вопрос этот совсем не второстепенный.) Вполне конкретно следует говорить и о других аспектах кантоведения, например от том, как обстоит сейчас дело с интерпретацией «Критики чистого разума». Мне вообще кажется, что многие работы, написанные за время, прошедшее после выхода в свет этой грандиозной книги Канта — многие прекрасные работы, — были написаны в прошлом, и ими, вообще говоря, и следует пользоваться. Еще один пример: в самые последние годы предложены новые подходы в таком, казалось бы, хорошо изученном вопросе, как жизнеописание Канта. Особенно интересной кажется мне книга (нынешнего) бостонского профессора Манфреда Кюна «Кант». Весьма близкая мне тема — «социально-исторические корни» философии, жизнедеятельности Канта — обогатилась новыми материалами. (Подумываю о том, чтобы рассказать об этом нашему читателю.) Вообще, надо отметить, что в связи с юбилеем Канта сейчас настоящий наплыв новых работ: их еще надо изучить, а вдруг там чего-нибудь попадется совсем гениальное.

НЕЙМАН С.

Сочинения Германа Когена о Канте, возможно, не превзойдены никем из комментаторов, так что проблематично просто

заявлять, что сегодня мы понимаем Канта лучше. Но размах, глубина и качество кантоведения последних 25 лет в целом уж точно несопоставимы с каким-либо другим периодом.

НУЦЦО А.

Я не знаю, понимаем ли мы сегодня Канта «лучше». Наверняка мы понимаем его *иначе*, чем 100 лет назад. Я не думаю, что вопрос о «лучшей» интерпретации — непременно самый важный из тех, которые мы должны задавать, читая Канта. Конечно, во всяком философском понимании традиционных текстов есть историческая компонента, относительно которой всегда можно измерить лучшее понимание. Но есть и проблема усвоения и использования идей философов прошлого: мы должны продолжать думать с Кантом о проблемах, которые ставит перед нами современный мир. И здесь вопрос: в каком смысле и до каких пределов Кант может быть полезен нам? Нашу историческую позицию (по сравнению с тем, что было 100 лет назад) определяет прежде всего состояние глобальной несправедливости, охватившей мир, появление новой империи и новых стратегий войны, новых форм расизма, рост бедности и т. д. Можем ли мы обращаться к Канту, рассматривая эти проблемы? А я бы еще сказала, что мы не можем не обращаться к этим проблемам, читая Канта. Это-то и отличает наше понимание кенигсбергского философа от того, что было 100 лет назад.

НЭНОН Т.

Да, думаю, что конструктивные прочтения и критика различными философскими направлениями, такими, как феноме-

нология, критическая теория и аналитическая философия, многому научили нас, обогатили наше понимание Канта и указали важные пути развития его первоначального проекта. К тому же у нас намного лучшая филологическая основа для интерпретации из-за легкой доступности в наши дни более качественных текстов и более разнообразных материалов. Мы обсуждаем его работы открыто и с гораздо большим знанием дела благодаря тому, что за последние десятилетия немало ученых получило возможность посвящать значительное время серьезному обдумыванию кантовских текстов и идей, и теперь они могут обсуждать свои результаты и делиться ими с коллегами во всем мире из-за резкого упрощения поездок и коммуникации.

О'НИЛ О.

На третий вопрос я могу ответить лишь то, что в некоторых моментах мы понимаем Канта лучше в наши дни, но при этом мы не смогли бы заметить те моменты, в которых мы понимаем его не так хорошо.

ОЙЗЕРМАН Т. И.

Сто лет назад Кантом занимались *неокантианцы*. Они много сделали для понимания эпистемологии Канта (Марбургская школа), а также для понимания и развития его этики, культуры, философии истории (Баденская школа). Г. Коген правильно понял Канта как великого предшественника социализма (*демократического социализма*). В этом же направлении работали и немецкие «катедер-социалисты» (Л. Brentano, Г. Шмоллер, А. Ланге, Ф. Шеффле, В. Зомбарт,

А. Менгер) и также Э. Бернштейн. Но все они игнорировали и отбрасывали кантовские «вещи в себе» или в лучшем случае, подобно Г. Когену, считали «вещь в себе» «пограничным понятием». Это было, конечно, большим их заблуждением, на что справедливо указывал Э. Бутру.

Что касается марксистов XX века, Ленина и Плеханова прежде всего, то они отличались *элементарнейшим* непониманием учения Канта, в чем они следовали Энгельсу, который, так сказать, впервые вступил на этот ложный путь. Он писал: «Что думать о зоологе, который сказал бы: “Собака имеет, *по-видимому*, четыре ноги, но мы не знаем, не имеет ли она в действительности четырех миллионов ног или вовсе не имеет ног?” ... Но естествоиспытатели остерегаются применять в естествознании фразу о вещи в себе...» (Маркс К и Энгельс Ф. Сочинения в 50 тт. Т. 20. С. 556). Выходит, по Энгельсу, что Кант считал собаку «вещью в себе». Но по учению Канта, все чувственно воспринимаемые предметы — вполне познаваемые *явления*. Этого, очевидно, не знал Энгельс, который в другом месте рассуждает о том, что ученые открыли в каменном угле ализарин, доказав тем самым, что «вещь в себе» познаваема. Но Канту, конечно, не приходило в голову считать каменный уголь «вещью в себе».

Ленин и Плеханов повторяют вслед за Энгельсом последний пример, также демонстрируя свое явное непонимание и, по-видимому, просто незнание философии Канта. Они, в частности, также считают, что «вещь в себе» — материалистическая сторона философии Канта. Это ошибочное воззрение и в 90-е годы находит сторонников, например в работах

А. Гулыги и Н. Мотрошиловой. Плеханов также утверждал, что своим учением о непознаваемости «вещей в себе» Кант следовал за... французским материализмом.

У кантианцев середины и второй половины XX века мы находим более правильное понимание философии Канта. Я имею в виду, в частности, Э. Адикеса, Хаймзёта, Б. Бауха, Г. Функе, Г. Мартина, Э. Вейля и др. Однако их, в общем некритическое (или недостаточно критическое) отношение к философии Канта, конечно, свидетельствует не в их пользу.

В целом, я полагаю, можно со всей определенностью сделать вывод: да, в настоящее время мы понимаем Канта лучше, чем понимали его 100 или 50 лет тому назад. И разумеется, мы теперь, опираясь на многочисленные исследования его философии, лучше понимаем философию Канта, чем понимал эту философию ее гениальный творец.

ОЙТТИНЕН В.

Думаю, что каждая эпоха будет понимать Канта по-своему. Иначе быть и не может. Как сказал Гегель, всякая философия должна соответствовать реальным обстоятельствам своего времени — “*hic Rhodus, hic salta*”^{*}. Тем не менее всегда можно спрашивать о том, насколько адекватны современные интерпретации. Сто лет назад неокантианцы интерпретировали Канта в «юридической» и субъективистской манере, что, в свою очередь, привело к тому, что идеологи рабочего движения, особенно его левого крыла, совершенно игнорировали Канта. В результате

* Здесь Родос, здесь прыгай (*лат.*).

большую часть XX столетия идеи левых испытывали некий моральный дефицит, что, на мой взгляд, стало просто трагическим развитием событий. Более адекватное понимание Канта пришло бы пользе марксистам!

Думаю, что сегодня мы не должны повторять ошибок, допущенных 100 лет назад. Кант не утратил своей актуальности, наоборот, теперь он кажется даже более актуальным: глобальные проблемы нашего времени требуют неутилитаристского подхода и, по-видимому, более ригористичной, а значит «кантовской» этики, чем может предложить гедонистичное общество потребления. Так что я верю (или по крайней мере надеюсь), что сегодня мы в большей степени, чем 100 лет назад, готовы выслушать то, что может предложить нам Кант.

ПАЙПЕР А.

Относительно того, понимаем ли мы Канта лучше, чем 100 лет назад, — да, думаю это так. По крайней мере, если говорить об англо-американской аналитической традиции, то в 1905 году Кант был на грани исчезновения с профессионального философского радар на период, охватывающий Первую и Вторую мировые войны, и начал восстанавливать свою респектабельность лишь в середине 1960-х годов. Стартовав в тот момент с удивительно ограниченного представления о том, что может представлять интерес и важность для нас в «Критике чистого разума», мы с тех пор расширили свой кругозор, подключив моральную и политическую философию Канта, а также его докритические, посткритические и второстепенные работы. Чем больше мы открываем и узнаем, тем более любопытными и жаж-

душицами нового материала мы становимся. Сегодня нам гораздо доступнее весь корпус кантовских сочинений, как в переводе, так и в немецком оригинале. Кроме того, справедливо отказавшись от излишне упрощенного различения аналитической и континентальной философии, мы к тому же имеем доступ к гораздо более полному набору подходов к идеям Канта и их интерпретациям. Планета наша все уменьшается, и мы наращиваем, интенсифицируем и углубляем поле диалога исследователей Канта из разных стран; и этот процесс, в свою очередь, углубляет оценку его мысли.

ПАЛМКВИСТ С.

Да и нет. В наши дни имеется такое множество интерпретаций Канта, что читатель может выбирать между теми, которые уступают плохим интерпретациям столетней давности, и теми, которые лучше хороших прежних. В общем я считаю, что главные тенденции современного кантоведения развиваются в верном направлении — усмотрения Канта в целом и понимания того, что большинство его идей *может* иметь значение (а значит, при благоприятной интерпретации имеет его), и прочь от упрощенных или односторонних интерпретаций, которые вырывают аргументы из контекста, а затем выражают неудовольствие по поводу того, что интерпретатор не понимает Канта. Публикация в последние годы множества его студенческих лекционных записей и прекрасных критических изданий его сочинений (таких, как английское Кембриджское издание) тоже очень помогают ученым глубже понять громадный философский корпус Канта. Но для тех, кто пренебрегает систематической

целостностью зрелой философии Канта, возможности для непонимания сейчас велики как никогда.

ПЛОТНИКОВ Н. С.

Почти ровно сто лет назад (1902) в предисловии к начинавшему тогда выходить Академическому изданию работ Канта В. Дильтей выдвинул требование понимать Канта лучше, чем он понимал сам себя. Нет сомнения, что *историческое* понимание кантовской философии далеко продвинулось с тех времен и нарисовало более точный образ его философии в контексте его эпохи, чем тот, которым мог похвалиться Дильтей перед своими предшественниками (вспомним, к примеру, о детальных исследованиях Р. Брандта, посвященных кантовской антропологии и ее философско-историческому контексту). Вместе с тем можно усомниться, что мы сегодня лучше понимаем Канта в *систематическом* плане, как это делали И. Г. Фихте или П. Натторп. Ведь они понимали Канта изнутри проблемной ситуации, и хотя она, возможно, больше не является нашей проблемной ситуацией, но она давала возможность весьма глубокого проникновения в кантовские концептуальные конструкции. Поэтому для характеристики теоретического соотношения с Кантом подходит скорее тезис Гадамера о *другом понимании*, но на базе все улучшающейся основы для понимания.

ПОЛЛОК К.

Сегодня существует возможность лучшего понимания Канта по сравнению с тем, что было еще сто лет назад. (1) Если говорить о первоисточниках, т. е. о произведениях, пись-

мах, рукописных набросках и стенограммах или конспектах лекций Канта, то, во-первых, они представлены в существенно большем объеме и, во-вторых, гораздо лучше подготовлены, если оценивать по научным критериям историко-критической публикации. (2) Что касается второисточников, то в общем и целом они сейчас более дифференцированно трактуют кантовские сочинения (позитивные исключения того времени лишь подтверждают это правило), и благодаря самым различным подходам к Канту, опробованным с тех пор философами, его творчество предстает во множестве интересных (и неинтересных) ракурсов, даже если сегодня, по видимому, уже не может быть людей, обладающих полным представлением о всей международной литературе по Канту. И это, возможно, не так уж и плохо, ведь в противном случае какой-нибудь ученый мог бы однажды сообщить нам, что он полностью понял Канта. Мы были бы почти у «конца всего сущего», и едва ли это был бы хороший конец, хотя, возможно, и не такой плохой, какой виделся Канту в 1794 году.

РЕДДИНГ П.

В «аналитических», в целом, рамках англоязычной философии, того философского стиля, с которым я знаком в наибольшей степени, понимание сути кантовских достижений, несомненно, стало более глубоким за последние приблизительно сорок лет. Ранние работы Питера Стросона и Уилфрида Селларса отчасти восстановили статус Канта, утраченный им в первой половине двадцатого столетия, а затем Генри Эллисон, Пол Гайер и другие представили утон-

ченные и систематические интерпретации всего проекта Канта. Было принято крайне низко отзываться о кантовском подходе к логике, но даже здесь такие читатели, как Менли Томсон и Беатрис Лонгнесс, показали удивительную современность этого подхода, в то время как Майкл Фридман и другие привлекли внимание к значимости кантовской философии науки. В сфере моральной философии Канта рост интереса к кантовской «моральной антропологии» выявил односторонний характер прежних истолкований.

Но несмотря на такое расширение и углубление нашего понимания Канта, восстанавливать предстояло очень многое. Примерно сто лет назад движение, известное позже как аналитическая философия, лишь начинало существование в трудах Рассела и Мура, считавших Канта и идеалистов врагами. С позиции сегодняшних стандартов значительная часть их критики, направленной на Канта и идеалистов, кажется поверхностной, и возникает чувство, что Канта гораздо *лучше* понимали в рамках обреченной традиции «британского идеализма», нежели в пределах того движения, которое сменило ее. К концу XX века, однако, Кант вновь был признан многими одной из важнейших фигур современной философии.

РЕКИ Б.

Тут я не уверена. Мы наверняка сегодня могли бы понимать его лучше — в результате поляризующих эффектов кантовского влияния на немецкий идеализм и дифференцирующих пояснений многих неокантианцев. Но по моим наблюдениям, этот потенциальный выигрыш оборачивается много

3.?

большим поражением из-за нашей утраты исторической образованности, как раз и ведущей к забвению очень многого из того, что уже было достигнуто.

Я убеждена, что такой автор, как Кант, не может быть понят в должной степени, если по методу лингвистико-аналитической философии брать его аргументы один за другим и тотчас изолированно исследовать, дают ли они то, что обещают. В дополнение к аналитическому методу всегда надо быть в герменевтической готовности к осмыслению отдельных аргументов в контексте текста и всего творчества в целом.

РОДЕН В.

В XX веке мы видели неокантианство, феноменологию, современную логику, неопозитивизм, аналитическую философию, критическую социальную философию и т. д. Почти все философы, принадлежащие этим направлениям, к примеру Кассирер, Гуссерль, Хайдеггер, Витгенштейн, Фреге, Куайн, Стросон, Хабермас или Тугендхат, отталкивались от Канта, чтобы каждый раз совершенно оригинальным способом развить собственные новые концепции. Какие новые мысли вызовет у нас Кант сегодня, мы еще точно не знаем. Но если в наши дни мы хотим разобраться с природными и человеческими проблемами, прежде всего с проблемами окружающей среды и мира, то Кант открывает нам перспективы, исполненные самого большого смысла.

Право и мир в философии Канта, такой будет главная тема X Международного кантовского конгресса, который состоится в 2005 году в Бразилии. Поскольку устав Объединенных Наций

(ООН) во многом основан на миротворческом проекте Канта, в Сан-Паулу мы как бы проверим, какой вклад в решение проблем и конфликтов сегодняшнего мира мы можем внести, опираясь на идеи Канта.

РОЗЕФЕЛЬД Т.

Да.

РОРТИ Р.

Благодаря Гегелю, Ницше и Дьюи мы можем видеть, что философия никогда не будет наукой в кантовском смысле. Это дает нам возможность дистанцироваться от Канта и рассматривать его более скептическим взглядом. Полагаю, что такое дистанцирование равнозначно его лучшему пониманию.

СИНГЕР П.

Наука всегда прогрессирует, поэтому некоторые моменты известны нам лучше. Но я не думаю, что есть какое-то фундаментальное отличие нашего понимания кантовской этики сегодня в сравнении с тем, что было сто лет назад.

СОКОЛОВ В. В.

Как известно, его сначала чуть ли не отождествляли с Беркли и Кант решительно и убедительно опровергал такое отождествление. Тем не менее даже Гегель объявил автора «Критики чистого разума» «субъективным идеалистом», противопоставляя его позиции собственной позиции панлогизма. Лично я считаю величайшей заслугой Канта его обо-

снование *агностицизма*, настаивающего на познаваемости мира, но ограничивающего ее.

СОКУЛЕР З. А.

Отвечая на такой вопрос, надо было бы определить, кто эти «мы» и с чьим пониманием Канта надо сопоставлять «наше» понимание. Сто лет назад работал Герман Коген, который, как я верю, неплохо понимал Канта. Боюсь, что нашей философской общественности еще далеко до его уровня понимания. В то же время я не уверена, что понимали Когена все его современники.

Это не случайно: критическая рефлексия требует от философа постоянной работы самокритики и самоограничения. Это вообще нелегко, а для умов определенного склада просто невозможно. Представления о том, что философия — это такой вид умственной деятельности, где забвение принципа реальности не просто позволительно, но является главной добродетелью, сейчас распространены так же, как это было сто и двести лет назад. Не говоря уже о том, что Кант, в силу наших гегельянских традиций, вообще известен на отечественной почве менее, нежели Гегель. Наследие метафизической спекуляции, идущее как от диалектического материализма, так и от русской религиозной философии конца XIX — начала XX века, продолжает мешать пониманию Канта.

СТРАУД Б.

Да, и я уверен, что через 100 лет его будут понимать еще лучше.

СТРЕЛЬЦОВА Г. Я.

Да, лучше! Ибо столь сложная система взглядов требует и более длительного времени для ее изучения и постижения, и философского прогресса, и значительных гносеологических наработок.

СТРОСОН П.

Наверняка.

ТЕИС Р.

Понятие «лучшее понимание» двусмысленно. Верно, что сегодня мы *иначе воспринимаем* кантовскую мысль, нежели сто лет назад. Этим мы отчасти обязаны тому, что сами *источники*, которыми мы располагаем, являются более полными. Так, например, издания рукописных набросков и курсов лекций Канта позволяют нам составить более полное представление о профессоре Канте, а это, в свою очередь, позволяет лучше уяснить авторское место Канта.

С другой стороны, *изучение* источников кантовской философии является, безусловно, более детальным и более точным, нежели сто лет назад. В этом смысле лучше говорить о том, что мы располагаем материалами, позволяющими создать более четкое представление о кантовской философии в процессе ее *формирования*.

В понятии «понимание» вычитывается также и «интерпретация». Имеем ли мы по тому или иному вопросу «лучшее понимание» сегодня, нежели сто лет назад? Верно, что известные переводчики прошлого были чрезвычайно скру-

пулезными читателями кантовских текстов. Конечно, они были зависимыми от философских традиций, но какой придирчивый читатель не зависит от них? Таким образом, говорить в этом смысле о «лучшем понимании» мысли Канта — значит, на мой взгляд, не вполне учитывать герменевтические рамки, в которых и из которых формируются интерпретации философии прошлого.

ТИММЕРМАН Й.

Мы скорее питаем надежду на прогресс в нашем философском понимании работ Канта, т. е. на достижение такого уровня, когда мы можем давать корректную оценку его успехов и неудач, чем знаем о нем.

ТРОЕПОЛЬСКИЙ А. Н.

Думаю, что да. Быть может, лучше даже, чем понимал свои идеи сам Кант. И не потому, что мы умнее Канта от природы, а потому, что мы сейчас обладаем точным инструментом анализа рассуждений — символической (математической) логикой, позволяющей осуществлять строгие рассуждения. Разумеется, Кант и все научное сообщество примерно до середины XX столетия было лишено такой возможности, несмотря на то, что сам Кант и все выдающиеся мыслители того времени обладали мощной интуицией и продуктивным творческим воображением.

ТУШЛИНГ Б.

Не во всех, но в некоторых отношениях мы знаем больше, чем 100 лет назад, а именно если говорить об издательском и

интерпретационном аспектах. В связи с первым следует упомянуть публикацию кантовского наследия в 14–20 и 23-м томах Академического издания, издание — пусть и неудовлетворительное — “Opus postumum” в 21 и 22-м томах, и лекций, из которых я особо выделю здесь только лекции по антропологии и физической географии, а также, *last not least**, инициированное Нелей Мотрошиловой и осуществленное автором этих строк и нашими коллегами первое двуязычное (немецко-русское) издание работ Канта. С интерпретационной точки зрения кантоведение, особенно международное, добилось столь многого, что здесь невозможно назвать какие-то конкретные имена, не обижая других, возможно не менее достойных.

УАРД Э.

Это трудный и интригующий вопрос. Сто лет назад влияние Гегеля и гегельянцев оказывало, как мне кажется, искажающее воздействие на наше понимание Канта. С другой стороны, кантовский идеализм по праву (на мой взгляд) получал гораздо более теплый прием, чем (в общем) в наши дни. Современное преуменьшение значимости его идеализма, по крайней мере в англо-американских кругах, определенно оказало (с моей точки зрения) сильное искажающее влияние на наше понимание его аргументов и его позиции в целом.

Наше понимание Канта, конечно же, отличается от того, что было сто лет назад. Но, по только что указанным мною при-

* Последнее, но не самое незначительное (*англ.*).

чинам (а есть и другие), мне не ясно, превосходит ли оно сегодня вообще то понимание, которое было сто лет назад.

УАТКИНС Э.

В некоторых отношениях мы, несомненно, понимаем философию Канта лучше, чем сто лет назад, но в других отношениях эта задача становится все более трудной для нас. Ведь, с одной стороны, множество прекрасных серьезных ученых уделили большое внимание попыткам артикулировать взгляды Канта, и ясность и утонченность усилий этих ученых являют собой очевидный вклад в наше понимание Канта. И можно только представить, сколь восхитительными будут достижения грядущего столетия. С другой стороны, поскольку философский ландшафт, который мы населяем, отодвигается от того, в котором обитал Кант в Германии (или, точнее, в Пруссии) в XVIII веке, нам становится все труднее оценивать поставленные Кантом вопросы и его попытки сформулировать ответы на них. Вместе с тем постоянно меняющиеся интересы современной философии обычно как раз и позволяли нам яснее увидеть, сколь разнообразную пользу можно извлечь из кантовской философии.

УИЛЬЯМС Х.

Я бы сказал, что да. Комментаторские и исследовательские стандарты (по крайней мере англоязычные) неизмеримо выросли даже за последние 50 лет. Это, разумеется, не гарантирует, что мы полностью понимаем все сильные и слабые стороны его аргументов (поскольку в этих вещах может и не быть кумулятивности), но возможности для этого точно возросли.

Меркой прогресса, которую, возможно, использовал бы сам Кант, является то, стали ли мы лучше мыслить философски. В этом плане можно сказать, что мы живем в эпоху, когда философия имеет меньшее значение. Здесь баланс не столь позитивен.

ФИШЕР П.

Этот вопрос можно понять двояко. Во-первых, в спортивном ключе: какие исследователи Канта лучше — сегодняшние или столетней давности? Но судьями-то были бы сегодняшние, и решение наверняка было бы пристрастным. Поэтому я не хотел бы так трактовать этот вопрос: у всякого времени свое видение проблем и своя интерпретация классиков.

Но если речь идет о том, были ли опробованы за последнее столетие философские подходы, творчески при-мыкающие к Канту и могущие принести плоды современному философствованию, то, конечно же, можно указать на многие достижения. Вот лишь несколько намеков без малейших претензий на полноту.

Особенно важной кажется мне «Философия символических форм» Кассирера, а также его применение трансцендентального метода в контексте философии математики (неевклидова геометрия) и физики (теория относительности). Философская антропология Гельмута Плеснера тоже обязана трансцендентальному методу гораздо больше, чем нередко считается: Плеснер осваивает этим методом предметную область живых существ и людей. Заслу-

живают упоминания исследования Жан-Франсуа Лиотара о возвышенном и восторженном. И конечно, аналитическая философия будет развиваться, если и дальше будет обращаться к Канту и учиться у него.

ФЛАМАРИК Л.

Что значит «понимаем его лучше»? В каком-то смысле мы можем ответить «да». Благодаря многим интерпретациям и переложениям его работ мы обретаем более сбалансированное и ясное представление о его взглядах на метафизику, знание и мораль. Но стремление к «лучшему пониманию» заключает в себе двусмысленность. 100 лет назад философия Канта использовалась для отыскания новых подходов к проблемам, имеющим отношение к методу естествознания; она также снабжала нас интуициями о методе гуманитарных наук. В обоих случаях Кант выносился далеко за рамки его собственных ожиданий. Похоже, что сегодня мы делаем то же самое в других областях. Если речь идет о моральной философии, то в наши дни мы, конечно, пытаемся получить более полную картину его взглядов, не ограничиваясь только «Основоположением», но принимая во внимание и другие его работы. Однако я не уверена, что этот баланс справедлив по отношению к историческому Канту, поскольку его вклад в историю моральной философии каким-то образом привел к его нарушению. Сам он тоже имел представление об этой новизне, как видно из его классификации различных систем моральной философии.

ХАЙДЕМАН Д.

Точный ответ на этот вопрос предполагает, что мы уже знаем, в чем состоит правильное понимание Канта. Обладает ли кто-либо подобным пониманием и существует ли оно вообще, я не могу сказать. В любом случае наше сегодняшнее понимание Канта «иное», чем сто лет назад — и не в последнюю очередь благодаря прогрессу исторических, филологических и систематических философских исследований. Из них вырастает, конечно, более детализированное, но вследствие этого еще не обязательно «лучшее» понимание работ Канта.

ХАУЭЛ Р.

Мы понимаем его конкретные воззрения гораздо лучше, чем в 1904 году. Это понимание есть совместный продукт кантоведения и позднейших философских исследований. После 1904 года специалисты по Канту прояснили и проверили множество его утверждений; и последующая философская работа по кантовским темам позволила нам гораздо глубже понять собственные идеи Канта, чем мы могли сделать раньше. Я имею в виду, к примеру, работу аналитических философов над дистинкциями априорное / апостериорное и аналитическое / синтетическое, математическим и физическим познанием, идеализмом и антиреализмом, самосознанием от первого лица, а также над значением и референцией к объектам. Эта работа проясняет центральные части кантовской философии и сама проясняется ими. То же самое можно сказать и о философских исследованиях по кантовским темам на европейском континенте в пе-

риод с 1904 года, и это в равной степени приложимо к практической философии Канта и к его эстетике.

ХЕНРИХ Д.

Мы понимаем его лучше хотя бы по двум причинам. (1) Мы знаем источники из его наследия. (Правда, к сожалению, после 1945 года пока так и не всплыло содержимое «Кантовского ящика», который в целостности и сохранности попал в руки Красной армии в окрестностях Грайфсвальда. Отсюда вытекает важная задача для российского кантоведения.) (2) Возникли весьма уточненные способы интерпретации его текстов и сложного движения его мысли в них.

ХЁСЛЕ В.

После Канта и Гегеля не было сопоставимых с ними по значению философов, и мы не живем в эпоху расцвета философии; поэтому надо быть осторожнее с претензией на то, что мы понимаем Канта лучше, чем он понимал сам себя или даже чем его понимало неокантианство. В частных вопросах мы, впрочем, продвинулись дальше, чем он, и поэтому можем по-новому осмысливать его интуиции, освободив их от ограниченностей его времени.

ХЁФФЕ О.

Во многих исторических и филологических аспектах сегодня мы лучше знаем Канта. Но даже здесь не возникает вопроса о том, что мы лучше понимаем его. Скорее в связи с появлением новых вызовов можно вновь и вновь «взывать к ответу» его

мысль. Так, в противовес постмодернистскому произволу можно вспомнить о его многомерном космополитизме. А в противовес философскому утилитаризму, крайнему релятивизму и крайнему детерминизму, в частности, нередко излишне самоуверенных нейрологических исследований Кант может выставить на интеллектуальную арену столь же многогранную, сколь и комплексную моральную философию, и не в качестве исторического авторитета, а как самостоятельную современную концепцию.

ХИЛЛ Т.

Да, при предположении, что «мы» означает самых серьезных читателей Канта, обращающихся также к широкому кругу научных исследований его работ, его времени и предшественников. В наши дни во всем мире есть немало аккуратных, основательных и глубоких комментаторов трудов Канта — больше, чем 100 лет назад, и они к тому же имеют еще и то преимущество, что могут поучиться у прежних исследователей. Некоторые комментаторы, я в том числе, скорее пытаются развить, модифицировать и расширить кантовские идеи, чем ограничиться просто буквальными интерпретациями. Всегда есть опасность, что эти попытки подтолкнут беспечных читателей к смещению модифицированного «кантианского» воззрения с действительной буквалистски истолкованной позицией Канта. Но эти попытки могут по-своему также и способствовать пониманию Канта, отличая существенное от периферийного и привлекая внимание к интуициям, которые были у Канта, но не получили у него полного развития.

ХИНСКЕ Н.

В отдельных вопросах наверняка, в особенности благодаря проведенным за последние сто лет источниковедческим исследованиям и исследованиям по истории понятий, а также благодаря всеобъемлющему изданию сначала рукописного наследия Канта, а затем его лекционных записей, проясняющих множество мыслей, высказанных в его работах. Но ни у кого из сегодняшних исследователей Канта, по крайней мере в Германии, пока еще нет общей картины кантовской мысли. Симптоматичными в этом плане оказались статьи, посвященные памяти Канта в связи с двухсотой годовщиной его смерти (в "Spiegel", "Süddeutschen Zeitung", "Frankfurter Allgemeinen Zeitung" и др.). Единственным исключением является большой учебник по Канту Герда Ирлитца.

ХУД К. Э.

Возможно. Этот вопрос наводит на мысль переиначить фразу Эйнштейна — у каждого философа свой Кант. Вместе с тем тексты сейчас гораздо более доступны, и мы имеем преимущество в виде 100 лет анализа, обсуждения и прояснения, которые должны помочь нам обрести лучшее понимание, если мы мыслим достаточно аккуратно, основательно и самокритично.

Удовлетворяют ли мои ответы моим собственным критериям? Пусть это решают другие.

ХЭН Р.

Для иллюстрации того, в каком смысле мы лучше поняли Канта за последние сто лет, можно, на мой взгляд,

смело опираться на два разных довода. Первый состоит в том, что изобилие исследований позволило нам яснее понять точный смысл кантовских аргументов. Это прояснение, впрочем, не всегда приводило к тому, что кантовские аргументы становились более убедительными, — но мы более полно понимаем контекст идей XVIII столетия и, соответственно, смысловой спектр этих аргументов, вызывавших немалые споры. Вспоминаю в этой связи, с каким удивлением я узнал в 1970-е годы, только-только став аспирантом, что некоторые мои немецкие коллеги изучали Канта в Германии по немецкому переводу английского перевода Норманом Кемпом Смитом «Критики чистого разума»! Так что, да, один из доводов, думаю, заключается в том, что за последние сто лет мы продвинулись в понимании Канта, прояснив его аргументы. Второй довод — в рассмотрении неожиданной плодотворности кантовских сочинений, вызывающих столь разнообразные отклики от философов, работающих в разных традициях. Последние сто лет в философии еще сильнее выявили удивительное плодородие кантовских идей в их непрекращающемся влиянии и воздействиях. Нет сомнения, к примеру, что такие непохожие философы, как, скажем, Рассел и Хайдеггер, внесли значительный вклад в разные области философии, но при этом во многом вдохновляясь Кантом. Таким образом, за последние сто лет мы с еще большей ясностью увидели силу кантовских идей в их непрекращающемся влиянии, порождающем большое разнообразие философских перспектив.

ЧЕРНОВ С. А.

Если под «мы» разумеать сообщество кантоведов или философское сообщество в целом, в которое входят и те, кто размышлял над Кантом и сто, и двести лет назад (а членами всемирной республики ученых становятся независимо от времени жизни и навсегда), то, несомненно, — да. Если же иметь в виду каждого из нас в отдельности, то, наверное, никто из русских людей не скажет, что понимает Канта лучше, чем Владимир Соловьев или Николай Лосский, а немецкие философы едва ли будут утверждать, что понимают его лучше, чем Вильгельм Дильтей или Эрнст Кассирер.

ШВАРЦ Г.

Анализы нюансов кантовской философии достигли за последние пятьдесят лет уровня, несопоставимого с усилиями более раннего времени. Тем не менее сегодня мы далеки от того, чтобы уловить дух кантовской философии. Современным чуждым метафизики и теологии знатокам философии с искаженным представлением о науке недоступно понимание ключевых моментов кантовской философии, в частности кантовской концепции разума и ее значения для кантовской идеи назначения человека. Но, независимо от этого, мне кажется, нельзя говорить, что раньше Канта понимали принципиально лучше или хуже, чем сегодня. Произошел лишь сдвиг коридоров понимания и непонимания.

ШМИТЦ Г.

Я различаю два вида понимания. (1) *Философско-овладевающее и продвигающее понимание*: примерно сто лет назад

начинал Гуссерль, Дильтей — завершал свой путь, и было широко распространено неокантианство. Первые хотели приблизить мышление к произвольному жизненному опыту плотнее, чем это было у Канта (ученики Гуссерля в большей степени, чем он сам), неокантианство же — как можно сильнее отдалить его от последнего. Эта оппозиция могла бы стать плодотворной для живого понимания Канта, но школы говорили на разных языках. Гуссерль закончил как картезианский кантианец; Шелер, по крайней мере, бросил вызов Канту в этике. Хайдеггер свободно фантазировал о Канте. Сегодня для плодотворного выяснения отношений не хватает потенциала энергичных импульсов философских школ. (2) *Философско-историческое понимание*: несмотря на лучшую текстуальную базу, уровень, по существу, не выше того, что был во времена Файхингера, Адикеса и Кемпа Смита. Есть хорошие трезвые работы, которые, однако, засыпаются «песком времени» (см. письмо Гете В. фон Гумбольдту 17 марта 1832 года) эпигонами Канта, копошащимися вокруг него.

ШОНЕКЕР Д.

По сути — нет, кантовские исследования в значительной степени являются методически неподконтрольными. В другом месте я уже говорил, что кантовские исследования ведут к забвению текстов. Одним словом: отсутствует основательное чтение (к тому же могут игнорироваться или предаваться забвению имеющиеся исследовательские результаты). Конечно, это все время оспаривается. Но где же тогда детальные комментарии главных сочинений Канта?

ШОХИН В. К.

На вопрос о том, когда и как лучше понимали Канта, следовало бы представить ответ в виде целой диссертации, но я бы поставил вопрос в другой плоскости: всегда ли Кант понимал сам себя? Гении тем ведь и отличаются от прочих, что они опережают не только свою эпоху, но и самих себя, ибо, по слову одного русского поэта, «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель». Поэтому неудивительно, что и Кант не всегда понимал себя. Потому, например, название его третьей «Критики» мало соответствует ее реальному содержанию, ибо не о «способности суждения» на деле там речь. Можно было бы привести и другие примеры самоопережения Кантом самого себя, но, надеюсь, что основная мысль уже ясна.

ШТАРК В.

Здесь ответ прост: безусловно да! Если говорить о состоянии источников, то наше положение несравненно более благоприятно, чем в 1904 году, имея в виду историю возникновения и публикации канонического издания. Я говорю о так называемом Академическом издании «Собрания сочинений Канта»; по годам появления и числу страниц томов можно судить, какими этапами прирастали общедоступные знания о философском учении Канта. Конечно, даже здесь был разрыв в передаче из поколения в поколение, который вполне может быть заполнен в будущем: после Второй мировой войны значительная часть рукописного наследия Канта была утеряна; т. е. сегодня мы не можем сказать, где находятся фонды, вывезенные из Берлина в Грай-

фсвальд и из Кенигсберга в окрестности этого города, который сегодня называется Калининградом.

Конечно, для действительного знания кантовской философии недостаточно напечатать его работы, разыскать и сделать общедоступными в различных изданиях материалы его наследия, его переписку и студенческие записи его лекций. Более глубокое и точное понимание самого его учения предполагает применение собственного рассудка и, по мере возможности, обмен мнениями с другими людьми по итогам прочитанного и продуманного. Это происходит, как особенно хорошо заметно в этот 200-й год памяти Канта, на многих языках и во многих уголках нашей Земли. С годами с совершенно поразительной быстротой растет число публикаций, посвященных творчеству кенигсбергского философа. Подобное количественное наблюдение может быть сделано и относительно переводов.

Одним словом: качественно и количественно знание людей о Канте и его философии выросло на несколько порядков по сравнению с 1904 годом.

ШТОЛЬЦЕНБЕРГ Ю.

Да, я верю в это. Сегодняшнее кантоведение, т. е. международное кантоведение за последние приблизительно 50 лет, отличается тем, что оно больше не читает и не интерпретирует Канта с «систематической солидарностью» (Герман Коген), а концентрируется прежде всего на тщательном и методически отрефлексированном уяснении рационального содержания аргументов Канта. На этом пути впервые в истории рецепции философии Канта удалось высвободить эту аргументативную

сеть и ее теоретический горизонт, который в надлежащей мере не принимало во внимание и не ценило большинство прежних исследователей Канта — вследствие их собственных теоретических предубеждений. И только на этом фундаменте можно попытаться продуктивно использовать философию Канта в других проблемных областях и дискуссионных контекстах. Наши дни, правда, показывают, что это опять же часто делается без должной аккуратности, как, например, это бывает в спорах по прикладной этике, где Канту приходится отдуваться за многое, что имеет лишь отдаленную аналогию с его идеями и предложениями.

ЭДВАРДС Д.

Наверняка мы должны! И мы должны понимать Канта лучше также, чем 200 лет назад, хотя бы потому, что наука XX века снабдила нас текстуральными источниками и изданиями, необходимыми для знания о том, что в действительности *делал* Кант. Но как обстоит дело в реальности? Да, конечно, мы понимаем детали кантовских аргументов во многих его ключевых текстах гораздо лучше, чем мы понимали их сто лет назад. С другой стороны, рецепция кантовского «*Opus postumum*» была скандально ничтожной, хотя «поздняя философия» Канта доступна в опубликованном виде уже почти семьдесят лет. Полагаю, что во многом это следствие оценки поздней работы Канта по философии природы как продукта умственной ущербности старого человека. За последние годы немало было сделано для фактического опровержения тезиса об «ослаблении умственных способностей», если говорить о текстах, созданных Кантом до 1801 года.

Но этот тезис до сих пор оказывает заметное влияние на желание ученых исследовать важные моменты, в которых трансцендентально-теоретический подход к условиям возможности опыта, лежащий в основе “Opus postumum”, обнаруживается также в «Критике чистого разума», даже если он и несопоставим с формалистическим объяснением Кантом априорных необходимых условий нашего опыта объектов (на эту тему см.: Edwards J. Substance, Force, and the Possibility of Knowledge: On Kant's Philosophy of Material Nature. Berkeley/Los Angeles/London: University of California Press, 2000. P. XI–XII, 1–10, 146–192.) Я сомневаюсь, что наше понимание трансцендентальной теории Канта существенно улучшится, пока не будут проведены гораздо более масштабные исследования «Opus postumum» и его связей с центральными работами Канта по критической метафизике природы.

До сих пор, отвечая на третий вопрос, я акцентировал внимание на поздней теоретической философии Канта, но я хотел бы сказать и о его поздней практической философии. В ключевых начальных аргументах Учения о добродетели (см.: «Метафизика нравов», AA 6: 379–383), Кант утверждает, что этика не может начинать с целей, которые человек мог бы устанавливать для себя, и, в соответствии с этими целями, предписывать максимы, которые определяют его долг. Это означало бы принимать максимы из эмпирических оснований. Но эмпирические основания, согласующиеся с чувственными импульсами нашей природы, не дают (*abgeben*) понятия долга (т. е. категорического «должен»), которое позволило бы нам сформулировать принципы и законы морально практического разума. Ведь понятие долга таково, что его логические черты могут быть определены только а

prigoi, посредством анализа чисто формальной процедуры всеобщего предписания, имеющейся у морально практического разума. Кант и в самом деле заявляет о существовании «целей чистого разума» (т. е. целей, которые «сами по себе есть долг») и о том, что такие моральные цели формируют обязанности добродетели. Но он настаивает, что ни одна максима, направленная на осуществление этих чисто рациональных целей (а именно своего собственного совершенства и счастья других), не может быть принята из эмпирических оснований. Следствием этого является то, что ни одна эмпирическая максима не может признаваться всеобщим принципом или законом, специфицирующим какой-либо долг добродетели. Подобный принцип или закон с необходимостью a priori основывается на связи с понятием долга, «коренящимся в одном лишь чистом разуме».

Сейчас мы можем согласиться с Кантом, что понятие долга не может поставляться максимами, имеющими эмпирическое основание. Но не является очевидным, что его аргумент окончательно устанавливает, что ни одна эмпирическая максима не может давать принципа и закона, специфицирующего какой-либо долг добродетели. Долг требует от меня, к примеру, чтобы своими действиями я способствовал счастью других, которое является целью чистого разума. Кажется, однако, возможным, чтобы я делал это, осознавая свой долг, даже в том случае, если основание моей максимы имеет эмпирический характер. Ведь счастье других могло бы быть целью, которую я поставил перед собой в соответствии со своими чувственными импульсами или склонностью. Так что моя максима содействовать этой цели будет иметь эмпирическое основание, хотя она с необходимостью

удовлетворяет требованиям всеобщности принципа или закона добродетели именно потому, что цель, достижению которой я должен содействовать, оформляет долг добродетели. Представляется, таким образом, что моя *максима* может признаваться законодательствующей всеобщим образом, а значит иметь значение всеобщего закона, даже если никакое эмпирическое основание не может предоставить понятие долга, выражающее объективную практическую необходимость моего законосообразного действия.

Так как же учение 1790-х годов о моральных целях сочетается с кантовской теорией всеобщего законодательства чистого практического разума? В частности, каким образом понятие цели, которое вместе с тем (*zugleich*) является долгом, может быть интегрировано в объяснение свойств и оснований практических пропозиций, которое составляет фундамент этой теории морально предписательной функции практического разума? Проблемой здесь является вопрос о логическом основании представления Канта об отношении чувственной и разумной природы, а значит и того способа, каким он соотносит эмпирический и чистый практический разум. Эта проблема касается конкретных импликаций поздней нравственной доктрины Канта о целях относительно его общего объяснения строго формальных условий моральной деятельности человека и его идеи рациональной автономии. На мой взгляд, важный вопрос, который следует задавать, состоит в том, мог ли Кант артикулировать свою этическую теорию как теорию автономии разума и одновременно предлагать изображение материальных условий мотивации, радикально отличающееся от изображений, которые мо-

гут быть найдены в его более ранних работах по основаниям этики. Думаю, что если мы хотим лучше понять практическую философию Канта, надо уделить гораздо больше внимания этой сфере. (Для обсуждения см.: Edwards J. Universal Lawgiving and Material Determining Grounds in Kant's Moral Doctrine of Ends, in: *Metaphysik und Kritik*, ed. by M. Heinz and U. Rameil. Berlin: De Gruyter, 2004. P. 55–75.)

ЭЛЛИСОН Г.

Я полагаю, что мы неизбежно *думаем*, что понимаем его лучше. В самом деле, если исключить исторические случайности, такие, как потеря текстов, я не вижу, как можно было бы вообще непротиворечиво отрицать этот тезис (если бы я должен был сказать, что ученые 100 лет назад понимали Канта лучше, чем мы понимаем его в наши дни, разве я не предполагал бы определенное понимание Канта, которое я принимал бы в качестве нормативного?). Можно, конечно, сказать, что ученые прежних времен понимали Канта лучше, чем *некоторые* из наших современников, и ясно, что все мы так и говорим; но это другой вопрос. Тем не менее, несмотря на сказанное, я уверен, что эти 100 лет были исключительно плодотворным периодом в интерпретации Канта.

СОДЕРЖАНИЕ

ВАДИМ ВАСИЛЬЕВ. ЭПОХА КАНТА	3
-----------------------------------	---

ВОПРОСЫ

1. КАКИЕ ИДЕИ КАНТА ИМЕЮТ ВСЕОБЩЕЕ, НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ?	15
2. В ЧЕМ, ПО-ВАШЕМУ, СОСТОЯЛА ГЛАВНАЯ ОШИБКА КАНТА?	121
3. ЛУЧШЕ ЛИ МЫ ПОНИМАЕМ КАНТА, ЧЕМ ПОНИМАЛИ ЕГО СТО ЛЕТ НАЗАД	199

ОТВЕТЫ

1.?

2.?

3.?

АМЕРИК С. К.	16	120	200
АПЕЛЬ К.-О.	16	120	200
АХУТИН А. В.	17	126	201
БАРНЭМ Д.	19	126	202
БАУМ М.	21	127	203
БЕЛОВ В. Н.	21	127	204
БЕМЕ Г.	21	127	204
БИБИХИН В. В.	22	128	205
БИКМАН К.	22	128	205
БОРХЕС М.	24	129	207
БРАНДТ Р.	24	129	207
БРУК Э.	25	130	207
БРЮШИНКИН В. Н.	25	130	208
БЫКОВА М. Ф.	25	130	208
ВАСИЛЬЕВ В. В.	27	131	208
ВАСНЕР Р.	28	133	209
ВЕСТФАЛ К.	29	133	209

ВЕТО М.	30	134	210
ВИЛЛАШЕК М.	31	134	211
ВОЛЬФ М.	32	135	211
ВУД А.	32	135	212
ГАЙЕР П.	32	135	212
ГАРДНЕР С.	33	136	213
ГАЧЕВ Г. Д.	34	137	214
ГЕЛЛЕР А.	35	137	215
ГЕРЛАХ Х-М.	36	138	216
ГЕРХАРД Ф.	37	138	216
ГИРЕНОК Ф. И.	38	139	217
ГРИНБЕРГ Р.	38	139	217
ГРУНДМАН Т.	40	140	218
ГУСЕЙНОВ А. А.	42	142	219
ДЖОРДАНЕТТИ П.	43	143	220
ДИРКСМАЙЕР К.	46	144	220
ДОБРОХОТОВ А. Л.	47	144	221
ДЮЗИНГ К.	47	145	221
ЖУЧКОВ В. А.	48	145	221
КАЛИННИКОВ Л. А.	52	146	222
КАСТИЛЬО М.	53	146	222
КЕРСТИНГ В.	53	147	223
КИТЧЕР П.	55	148	224
КЛЕММЕ Х.	56	148	224
КОРСГААРД К.	56	149	225
КОЭН Т.	58	150	226
КРУГЛОВ А. Н.	59	150	226
КУЗНЕЦОВ В. Н.	59	150	227
ЛАУДЕН Р.	60	150	228

1.? **2.?** **3.?**

ЛОБКОВИЦ Н.	60	151	229
ЛОНГНЕСС Б.	60	152	229
МАЙОРОВ Г. Г.	61	152	231
МАКГИНН К.	62	153	231
МАККРИЛ Р.	62	153	231
МАРЕЕВА Е. В.	64	153	232
МЕЛЬНИК А.	64	154	232
МИХАЙЛОВ К. А.	65	154	233
МОЛЧАНОВ В. И.	67	155	234
МОТРОШИЛОВА Н. В.	67	156	234
НЕЙМАН С.	73	159	236
НУЦЦО А.	74	160	237
НЭНОН Т.	75	160	237
О'НИЛ О.	75	160	238
ОЙЗЕРМАН Т. И.	76	161	238
ОЙТТИНЕН В.	78	162	240
ПАЙПЕР А.	79	163	241
ПАЛМКВИСТ С.	81	164	242
ПЛОТНИКОВ Н. С.	82	165	243
ПОЛЛОК К.	82	165	243
РЕДДИНГ П.	84	166	244
РЕКИ Б.	85	166	245
РОДЕН В.	85	167	246
РОЗЕФЕЛЬД Т.	87	168	247
РОРТИ Р.	87	168	247
СИНГЕР П.	88	168	247
СОКОЛОВ В. В.	89	169	247
СОКУЛЕР З. А.	89	169	248
СТРАУД Б.	90	171	248

1.? **2.?** **3.?**

СТРЕЛЬЦОВА Г. Я.	91	172	249
СТРОСОН П.	93	173	249
ТЕИС Р.	94	174	249
ТИММЕРМАН Й.	94	175	250
ТРОЕПОЛЬСКИЙ А. Н.	95	175	250
ТУШЛИНГ Б.	95	176	250
УАРД Э.	99	182	251
УАТКИНС Э.	99	183	252
УИЛЬЯМС Х.	100	183	252
ФИШЕР П.	101	184	253
ФЛАМАРИК Л.	102	184	254
ХАЙДЕМАН Д.	102	185	255
ХАУЭЛ Р.	103	186	255
ХЕНРИХ Д.	105	186	256
ХЁСЛЕ В.	105	187	256
ХЁФФЕ О.	105	187	256
ХИЛЛ Т.	106	187	257
ХИНСКЕ Н.	107	189	258
ХУД К. Э.	108	189	258
ХЭН Р.	110	191	258
ЧЕРНОВ С. А.	110	191	260
ШВАРЦ Г.	111	192	260
ШМИТЦ Г.	111	193	260
ШОНЕКЕР Д.	112	193	261
ШОХИН В. К.	112	194	262
ШТАРК В.	114	195	262
ШТОЛЬЦЕНБЕРГ Ю.	116	195	263
ЭДВАРДС Д.	117	197	264
ЭЛИСОН Г.	118	197	268

Уже более двух столетий философы спорят о Канте.
Каждая эпоха видит Канта по-своему.

КАКИМ ВИДИТСЯ КАНТ СОВРЕМЕННЫМ МЫСЛИТЕЛЯМ ?

ISBN 5-98227-097-0

Чтобы выяснить это, мы обратились к крупнейшим философам и историкам философии из тринадцати стран. В проекте приняли участие К.-О. Апель, А. Геллер, Р. Рорти, П. Сингер, Б. Страуд, П. Стросон, В. Хёсле, Г. Д. Гачев, Ф. И. Гиренок, А. А. Гусейнов, А. Л. Доброхотов, В. Н. Кузнецов, Н. В. Мотрошилова, В. В. Соколов и десятки других замечательных философов. Их размышления о Канте собраны в этой книге. Ее чтение позволит создать объемный образ кантовских идей, и, возможно, лучше понять природу самой философии.